Reel No 69

(фр.)
Эксплуатация — извлечение выгод, полезного

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“.

№ 202.

Карлъ Каутскій.

ЭРФУРТСКАЯ ПРОГРАММА.

(КОММЕНТАРІЙ КЪ ПРИНЦИПІАЛЬНОЙ ЧАСТИ).

Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія **Дм. Лещенко**

подъ редакціей **П. Орловскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV. Государство будущаго.

V. Классовая борьба.

Предисловіе.

Когда обсуждался проектъ новой программы соціалъ-демократической партіи, я внесъ на страницахъ Neue Zeit предложеніе о желательности составить къ программѣ популярный комментарій, который изложилъ бы подробнѣе, обосновалъ и разъяснилъ ея краткія, голыя положенія.

Осуществить это предложеніе было поручено мнѣ самому; но, взявшись за дѣло, я скоро убѣдился, что совершенно невозможно дать въ тѣсныхъ рамкахъ манифеста, какъ я намѣревался, обстоятельное и общепонятное изложеніе всѣхъ основныхъ положеній, которыя необходимы для оцѣнки нашей партіи. Мнѣ пришлось бы ограничиться лишь краткимъ изложеніемъ ихъ, и тогда я сумѣлъ бы, въ лучшемъ случаѣ, дать лишь посредственную копію коммунистическаго манифеста, для пониманія которой необходимы были бы, какъ и для пониманія самого манифеста, извѣстныя предварительныя свѣдѣнія по политической экономіи и исторіи. Или же мнѣ пришлось бы ограничиться разъясненіемъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, какъ это я сдѣлалъ въ брошюрѣ, вышедшей одновременно съ настоящей книгой.

Но такая брошюра, сама по себѣ, не достигаетъ цѣли, которую имѣло въ виду мое предложеніе. На ряду съ краткими брошюрами, которыя должны обратить вниманіе массъ на наши стремленія, намъ нуженъ своего рода *катехизисъ соціалъ-демократіи*, руководство для тѣхъ, кто хочетъ ближе ознакомиться съ ея ходомъ мысли, а также руководство для агитатора, который хочетъ другихъ знакомить съ этимъ ходомъ мыслей. Такого сочиненія пока нѣтъ въ нашей литературѣ. Всѣ произведенія нѣмецкой соціалистической лите-

туры, превосходящія размѣры брошюры, представляютъ монографіи, изъ которыхъ каждая затрагиваетъ лишь одну или нѣсколько сторонъ, но далеко не всѣ стороны современнаго соціализма. Правда, эта литература уже настолько обширна, что она даетъ возможность всесторонняго ознакомленія съ нашими принципами. Кто, напримѣръ, прочелъ и понялъ „Капиталъ" Маркса, далѣе, сочиненія Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи", „Развитіе соціализма отъ утопіи до науки" и „Происхожденіе семьи, частной собственности и Государства", затѣмъ „Женщину и Соціализмъ" — Бебеля, наконецъ, упомянутый уже „Коммунистическій манифестъ", идеи котораго проходятъ красной нитью черезъ всѣ эти сочиненія *),—тотъ долженъ быть уже въ состояніи охватить со всѣхъ сторонъ міръ идей современнаго соціализма.

Однако, чтеніе всѣхъ этихъ книгъ, особенно „Капитала" доступно не всякому, и до сихъ поръ отсутствовало промежуточное звено между брошюрами и спеціальными сочиненіями соціалистической литературы, отсутствовало популярное и, въ то-же время, обстоятельное сочиненіе, дающее общую сводку и обоснованіе всѣхъ главныхъ положеній соціалъ-демократіи.

Настоящая книга представляетъ попытку заполнить этотъ пробѣлъ. Пользуясь „Эрфуртской программой", я хочу изобразить общедоступнымъ образомъ *всѣ* стороны міра соціалистическихъ идей, имѣющія существенное значеніе для пониманія соціалъ-демократіи. Понятно, что рѣчь идетъ здѣсь не о систематическомъ научномъ обоснованіи, а, прежде всего, объ облегченіи пониманія въ интересахъ практической дѣятельности соціалъ-демократіи. Поэтому, общія основныя теоріи затронуты лишь вкратцѣ, даны лишь результаты изслѣдованія, безъ обоснованія и разъясненія. Болѣе близкое ознакомленіе съ этими теоріями является уже дѣломъ спеціальнаго изслѣдованія. Зато цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, имѣющихъ болѣе непосредственное значеніе, являющихся въ настоящее время предметомъ оживленныхъ споровъ, изложенъ подробнѣе, какъ напримѣръ:—гибель мелкаго производства, картели, перепроизводство, отношеніе рабочаго класса къ политической и профессіональной дѣятельности и т. д., особенно же вопросъ о „государствѣ будущаго".

---

*) „Положеніе рабочаго класса въ Англіи" появилось, правда, за два года до „Коммунистическаго манифеста", однако, оно проникнуто тѣмъ же духомъ, что и онъ.

Въ общемъ и цѣломъ, предлагаемое сочиненіе по самому своему замыслу даетъ лишь обзоръ идей, изложенныхъ уже въ основныхъ сочиненіяхъ соціалъ-демократической литературы. Но именно это желаніе охватить весь вопросъ, заставляло по временамъ затрагивать области, которыя до сихъ поръ еще совершенно не обсуждались въ нашей партійной литературѣ, или обсуждались въ другой связи, чѣмъ здѣсь. Поэтому мы надѣемся, что не только тѣ читатели, которые до сихъ поръ стояли вдали отъ нашей партіи, но также и тѣ, которые знаютъ нашу литературу, найдутъ въ этомъ сочиненіи не одну новую мысль.

Въ заключеніе я исполняю пріятный долгъ, выражая здѣсь благодарность моему милому другу и сотруднику *Эдуарду Бернштейну* за ту помощь, которую онъ оказалъ настоящей моей работѣ, какъ и многимъ другимъ моимъ работамъ, своими совѣтами и критическимъ просмотромъ рукописи.

К. Каутскій.

Штутгартъ, іюнь 1892.

Предисловіе къ 5-му изданію.

Лѣтъ двадцать тому назадъ появилось первое изданіе этой книги. Съ тѣхъ поръ и въ вещественныхъ отношеніяхъ, и въ головахъ людей произошло не мало перемѣнъ, такъ что, здѣсь и тамъ, въ средѣ соціалъ-демократіи возникалъ даже вопросъ, не устарѣла-ли, не стала-ли уже несовмѣстимой съ дѣйствительностью ея программа, а съ нею и настоящій комментарій.

Нѣтъ сомнѣнія, что прежнія изданія настоящаго сочиненія устарѣли во многихъ пунктахъ уже по чисто формальнымъ причинамъ, такъ какъ они основывались на матеріалѣ, устарѣвшемъ въ виду новыхъ фактовъ и новыхъ свѣдѣній. Они устарѣли, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что почерпали статистическія иллюстраціи большей частью изъ переписи по профессіямъ 1882 года, которая съ тѣхъ поръ была оттѣснена на задній планъ переписью 1895 года. Въ новомъ изданіи я, разумѣется, поставилъ новыя цифры на мѣсто старыхъ.

Но не только устарѣли иллюстраціи къ ходу мысли, нѣтъ, утверждаютъ, что самый этотъ ходъ мысли совершенно устарѣлъ и оказался невѣрнымъ, такъ что для соціалъ-демократіи необходимо существенное измѣненіе ея программы.

Я тщательно провѣрилъ настоящую книгу и съ этой точки зрѣнія, но мнѣ не пришлось внести сколько-нибудь существенныхъ измѣненій, исключая одного пункта, о которомъ я еще буду говорить. Всѣ критики „теоріи обнищанія" и „теоріи катастрофъ" не заставили меня измѣнить ни іоты уже потому, что въ моей книгѣ, вообще, нѣтъ рѣчи ни объ одной изъ этихъ „теорій". Это—теоріи, которыя, несмотря

на всѣ протесты, вычитали изъ „Эрфуртской программы“ лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея составлѣнія.

Вѣроятность завоеванія пролетаріатомъ въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Англіи, политической власти безъ катастрофы была, какъ разъ во время возникновенія Эрфуртской программы, гораздо больше, чѣмъ теперь. Марксъ и самъ допускалъ для Англіи возможность мирнаго развитія. Если онъ не вѣрилъ въ подобную возможность по отношенію къ крупнымъ государствамъ европейскаго континента, то это являлось слѣдствіемъ не какой-нибудь особой теоріи катастрофъ, а лишь пониманія особаго характера государственной власти на континентѣ Европы. Этимъ еще не создавалась теорія катастрофъ, точно также, какъ простое констатированіе приближенія грозы не создаетъ еще теоріи грозъ.

Такъ какъ мое сочиненіе излагаетъ лишь принципіальныя основанія воззрѣній соціальдемократіи, а не основы ея тактики въ различныхъ случаяхъ, то у меня не было причины развивать здѣсь и защищать какую либо теорію катастрофъ.

Точно также у меня не было основанія излагать теорію обнищанія. Во время составленія Эрфуртской программы послѣдовательные марксисты уже давно были согласны въ томъ, что освобожденіе пролетаріата будетъ обусловлено не растущей *нищетой*, а растущей *классовой противоположностью* и вытекающей изъ нея *классовой борьбой* пролетаріата. Именно въ этомъ вытѣсненіи теоріи обнищанія массъ, свойственной до-марксистскому соціализму теоріей классовой борьбы, мы уже тогда видѣли одно изъ величайшихъ завоеваній марксизма. Познаніе тенденціи капитала увеличивать сумму нищеты, гнета, эксплуатаціи, тенденціи, присущей ему въ силу самой его природы, было съ этой точки зрѣнія важнымъ, потому что эта тенденція позволяла понять необходимость постояннаго расширенія и обостренія классовой борьбы. Но никому изъ насъ не приходило въ голову умозаключать отсюда о растущемъ вырожденіи пролетаріата.

Теорія обнищанія не играетъ никакой роли въ этой книжкѣ, посвященной Эрфуртской программѣ. И по поводу нея точно такъ же, какъ и по поводу теоріи катастрофъ, мнѣ не пришлось „пересматривать“ ни одного предложенія.

На ряду съ этими обѣими теоріями весьма оживленно оспаривалась еще одна теорія, которую Марксъ, дѣйствительно, выдвинулъ,—его теорія кризисовъ. Эта теорія была

построена на опытѣ полустолѣтія. Дальнѣйшій опытъ нѣсколькихъ десятилѣтій, слѣдовавшихъ за ея созданіемъ, блестящимъ образомъ подтвердилъ ее. И вотъ, вдругъ въ 1898 году эта теорія была объявлена ошибочной, потому-что тогда наступило три, отмѣчаю и подчеркиваю, *три* полныхъ года промышленнаго расцвѣта. Если-бы нѣмецкая соціалъ-демократія поддалась тогда вліянію этой критики и соотвѣтственнымъ образомъ пересмотрѣла часть Эрфуртской программы, обсуждающую кризисы, ей предстояла бы пріятная задача черезъ два года снова пересмотрѣть эту главу. Кто предоставляетъ такой скороспѣшной критикѣ,—отражающей, обыкновенно. лишь мимолетныя впечатлѣнія и настроенія,—опредѣляющее вліяніе на убѣжденія и программу, тотъ никогда не освободится отъ потребности пересматривать, тотъ становится игрушкой событій, вмѣсто того, чтобы быть господствующимъ надъ ними властелиномъ, подчиняющимъ ихъ своимъ великимъ неизмѣннымъ цѣлямъ.

Только въ одномъ пунктѣ мнѣ пришлось нѣсколько ограничить сказанное мною въ предыдущихъ изданіяхъ: именно, что касается разсчетовъ на сокращеніе мелкаго производства въ *сельскомъ хозяйствѣ*. Мелкое крестьянское хозяйство распадается въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій не такъ быстро, какъ прежде,—мѣстами оно даже увеличивается въ площади. Въ 1892 году это еще не было такъ ясно. Теперь мнѣ приходится выражаться нѣсколько сдержаннѣе, чѣмъ тогда.

Но это и все. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія признавать въ сельскомъ хозяйствѣ, вмѣсто старой тенденціи, новую, противоположную, тенденцію къ вытѣсненію крупнаго производства мелкимъ. Имѣющіяся данныя для этого слишкомъ мало опредѣленны. Они не показываютъ измѣненія въ направленіи развитія, а лишь пріостановку прежняго процесса развитія, поскольку рѣчь идетъ о размѣрахъ предпріятій. Измѣненія, происшедшія въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій, въ размѣрахъ поверхности отдѣльныхъ категорій хозяйствъ лишь весьма незначительны, и совершаются они вездѣ въ томъ же направленіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крупное хозяйство вытѣсняется, въ другихъ оно прогрессируетъ. При томъ, промежутокъ времени, въ теченіе котораго наблюдается эта пріостановка развитія, слишкомъ коротокъ, чтобы давать намъ право дѣлать изъ этихъ недостаточно характерныхъ фактовъ выводы, которые уничтожили бы опытъ цѣлаго столѣтія. Если бы мы здѣсь поддались слишкомъ опрометчивымъ выводамъ, съ нами легко повторилось

бы въ аграрномъ вопросѣ то же самое, что со многими ревизіонистами въ вопросѣ о кризисахъ.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что съ концентраціей капитала, какъ ее понималъ Марксъ, совмѣстимо не только существованіе, но даже извѣстный ростъ мелкаго хозяйства въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, и, при томъ, не только въ сельскомъ хозяйствѣ, но также въ промышленности и въ торговлѣ. Если мыслить въ духѣ марксовой діалектики, легко будетъ понять этотъ приростъ.

Каждая тенденція порождаетъ противоположныя тенденціи, стремящіяся къ тому, чтобы устранить ее. Но, даже тамъ, гдѣ это имъ удается, онѣ достигаютъ этимъ не просто возвращенія къ тому состоянію, которое существовало до господства устраненной тенденціи, но онѣ создаютъ нѣчто существенно-новое. Такъ, напримѣръ, нищета, которую капитализмъ по необходимости насаждаетъ въ средѣ пролетаріата, порождаетъ его борьбу противъ нищеты. Но тамъ, гдѣ пролетарская борьба достаточно сильна, чтобы оттѣснить созданную капиталомъ нищету, ея результатомъ является не до-капиталистическая рабочая идиллія. Далѣе, если пролетаріатъ стремится организоваться и измѣнять этимъ соотношеніе силъ, существующее между отдѣльнымъ наемнымъ рабочимъ и отдѣльнымъ капиталистомъ, то это стремленіе создаетъ съ другой стороны и потребность въ организаціи среди предпринимателей. Тамъ, гдѣ рабочей организаціи противостоитъ союзъ предпринимателей, повидимому, возстановляется прежнее соотношеніе силъ между отдѣльнымъ рабочимъ и отдѣльнымъ предпринимателемъ. Однако, въ дѣйствительности, это новое соотношеніе силъ совершенно иного рода. Какъ бы ни усиливались капиталисты, благодаря своей организаціи, все же организація предпринимателей не можетъ уже такъ обращаться съ пролетарской организаціей, какъ отдѣльный капиталистъ съ обособленнымъ рабочимъ. И сознательность и тактика организованныхъ рабочихъ при всѣхъ обстоятельствахъ совершенно другія, чѣмъ у единичныхъ рабочихъ.

Сходный діалектическій процессъ приводитъ также къ тому, что концентрація капитала сама порождаетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, увеличеніе мелкаго производства. Однако, это новое мелкое производство совершенно другого рода, чѣмъ старое, оно имѣетъ съ нимъ лишь общія внѣшнія черты, но играетъ совершенно другую экономическую и политическую роль.

Концентрація капитала, какъ извѣстно, приводитъ, по мнѣнію Маркса, не только къ разложенію сохранившагося самостоятельнаго мелкаго производства, ведущагося, вообще говоря, безъ постояннаго примѣненія наемнаго труда, но также къ увеличенію резервной арміи рабочей силы. Она выбрасываетъ на рынокъ гораздо больше рабочихъ силъ, чѣмъ онъ можетъ поглотить. Однако, было бы ошибочно думать, что вся промышленная резервная армія состоитъ изъ безработныхъ. Напротивъ, эти послѣдніе составляютъ только частицу ея, только ея высшіе и низшіе слои:—съ одной стороны босяцкій пролетаріатъ, бездѣльниковъ, не боящихся безработицы, съ другой,—организованныхъ рабочихъ-аристократовъ, организація которыхъ достаточно сильна, чтобы поддерживать нѣкоторое время своихъ безработныхъ. Но громадный средній слой, состоящій изъ тѣхъ, которые ищутъ наемной работы и не могутъ найти занятія, подходящаго ихъ профессіональнымъ знаніямъ, вынужденъ хвататься за все, что даетъ возможность превратить въ цѣнность его трудъ. Въ настоящее же время единственную возможность, кромѣ наемнаго труда, даетъ трудъ въ собственномъ мелкомъ хозяйствѣ,—предпріятія на товарищескихъ началахъ, какъ массовое явленіе, не приходится пока еще принимать въ разсчетъ. Слѣдовательно, чѣмъ быстрѣе идетъ концентрація капитала, чѣмъ быстрѣе разрушаетъ она первоначальное мелкое производство и увеличиваетъ промышленную резервную армію, тѣмъ больше стремленіе среди освобожденныхъ рабочихъ силъ къ основанію или сохраненію мелкихъ хозяйствъ. Вытѣсненію мелкаго производства въ первомъ случаѣ соотвѣтствуетъ его расширеніе во второмъ.

Концентрація капитала устраняетъ въ настоящее время въ Германіи мелкія предпріятія быстрѣе всего въ производствѣ освѣтительныхъ матеріаловъ, гдѣ съ 1882 по 1895 г. число мелкихъ предпріятій сократилось на 25%; въ производствѣ камней и земель (сокращеніе на 24%); въ горной и горнозаводской промышленности (сокращеніе 34%) и въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ (сокращеніе 42%).

Но это же развитіе увеличило число мелкихъ хозяйствъ въ торговомъ промыслѣ на 39%, въ страховомъ дѣлѣ на 60%; въ гостиничномъ и трактирномъ промыслѣ на 35%.

Въ производствѣ табака и сигаръ число мелкихъ предпріятій увеличилось съ 5.465 до 9.708, т.-е. на 78%, въ разносномъ промыслѣ съ 202.709 до 312.059, т.-е. на 54%. По сравненію съ этими цифрами количественный приростъ

сельско-хозяйственныхъ предпріятій, размѣромъ ниже 2-хъ гектаровъ (58%) и отъ 2-хъ до 5 гект. (3,5%), весьма незначителенъ. Е ли опираться лишь на голыя статистическія цифры, можно было бы провозгласить также для торговли, трактирнаго промысла, табачнаго производства и еще нѣсколькихъ мелкихъ отраслей промышленности тотъ принципъ, что для нихъ законъ капиталистической концентраціи не дѣйствителенъ. И все-таки мы знаемъ совершенно достовѣрно что этотъ законъ сохраняетъ свою силу и здѣсь.

Новыя мелкія предпріятія, возникшія изъ концентраціи капитала—рабочіе домашней промышленности, разносчики, мелкіе крестьяне и т. д.—принадлежатъ къ совершенно другому типу, чѣмъ мелкія предпріятія, уничтоженныя концентраціей капитала. Эти послѣднія основывались на частной собственности на орудія производства, представлявшія свободную собственность ихъ владѣльцевъ; новое мелкое хозяйство получаетъ свои главнѣйшія средства производства отъ капитала, которому оно за это обязуется служить—и мелкій крестьянинъ, сидящій на арендованной или задолженной землѣ и рабочій домашней промышленности, которому скупщикъ даетъ сырье, и трактирщикъ, являющійся лишь приказчикомъ пивного завода, и разносчикъ и мелкій лавочникъ, получающій въ кредитъ продаваемые ими товары.

Прежнее мелкое производство образовало среднее сословіе—его владѣлецъ, полукапиталистъ, полунаемный рабочій, занималъ среднее мѣсто между капиталистомъ и рабочимъ. Владѣлецъ новаго мелкаго хозяйства стоитъ *ниже* наемнаго рабочаго; онъ гораздо болѣе беззащитенъ, чѣмъ этотъ послѣдній, его жизненное положеніе нерѣдко ниже, его рабочее время гораздо продолжительнѣе, его жена и дѣти эксплуатируются гораздо сильнѣе. Новое мелкое производство представляетъ не то общественное положеніе, до котораго поднимается наемный рабочій, но то, до котораго онъ опускается—на ряду съ опускающимися до него самостоятельными владѣльцами мелкихъ предпріятій.

Старая форма мелкаго хозяйства, уничтоженная концентраціей капитала, являлась его *конкурентомъ*; въ качествѣ члена одного и того же класса самостоятельныхъ производителей, мелкое предпріятіе враждебно противостояло отдѣльнымъ капиталистамъ. Новая форма мелкаго хозяйства образуетъ *предметъ эксплуатаціи* со стороны капитала и, въ качествѣ резерва рабочей силы для крупной промышленности, является предпосылкой ея преуспѣянія; это мел-

кое предпріятіе враждебно противостоитъ капиталисту уже не въ качествѣ члена одного и того же класса, а въ качествѣ члена другого, угнетеннаго имъ и эксплуатируемаго класса—пролетаріата.

Крупное капиталистическое производство не можетъ развиваться, если въ его распоряженіи нѣтъ резерва рабочей силы, который, съ одной стороны, оказываетъ давленіе на заработную плату занятыхъ наемныхъ рабочихъ, съ другой стороны, позволяетъ капиталу использовать всякую конъюнктуру и, по временамъ, скачками расширять производство, благодаря быстрому примѣненію новыхъ рабочихъ силъ.

Этотъ резервъ даетъ ему не столько толпу безработныхъ, сколько новый видъ, такъ сказать пролетаризированныхъ, мелкихъ хозяйствъ. До сихъ поръ, только въ сравнительно немногихъ отрасляхъ труда была возможна сколько-нибудь достаточная помощь безработнымъ въ теченіе продолжительнаго времени. Масса рабочихъ, остающихся долгое время безъ труда, отвыкаетъ отъ работы, становится непригодной для эксплуатаціи капиталомъ. Совсѣмъ иное дѣло рабочіе и владѣльцы пролетаризированныхъ мелкихъ хозяйствъ. Они всегда готовы отдавать себя въ распоряженіе крупной промышленности, какъ только тамъ имѣется выгодная работа и они вносятъ въ нее всю ту готовность къ труду, ловкость и покорность, которыя создаетъ пролетаризированное мелкое хозяйство.

Какъ только замѣчается болѣе продолжительный періодъ расцвѣта, многочисленные рабочіе, трудившіеся въ сельскихъ и городскихъ мелкихъ предпріятіяхъ, покидаютъ свои прежнія занятія, чтобы обратиться къ крупному производству. Владѣлецъ мелкаго предпріятія, особенно въ сельскомъ хозяйствѣ, лично, обыкновенно, настолько связанъ съ нимъ, что не можетъ просто-на-просто предоставить свою рабочую силу крупному предпріятію. Но онъ отдаетъ ему самыхъ энергичныхъ и интеллигентныхъ членовъ своей семьи, такъ что мелкое предпріятіе ведется лишь стариками и дѣтьми; этимъ полнѣе всего разоблачаются новыя функціи мелкаго хозяйства капиталистической эпохи, сводящіяся къ тому, что оно служитъ мѣстомъ производства новыхъ рабочихъ и хранилищемъ рабочихъ, ставшихъ излишними.

Не только промышленное, но и сельско хозяйственное крупное производство все болѣе нуждается въ этой резервной арміи, поставляемой мелкимъ производствомъ; даже крупное сельско-хозяйственное производство нуждается въ

ней еще болѣе, чѣмъ промышленное. Ибо одно изъ обстоятельствъ, которое, въ противоположность промышленности, угнетаетъ сельское хозяйство, происходитъ отъ того, что новая техника, особенно раздѣленіе труда и машины все болѣе превращаютъ сельское хозяйство, тамъ гдѣ оно ведется капиталистически, въ сезонный промыселъ, требующій, по временамъ большихъ массъ рабочихъ, въ промежуткахъ же довольствующійся лишь незначительными рабочими силами. Отсюда нужда въ рабочихъ, ощущаемая крупными землевладѣльцами, и эта нужда была бы еще болѣе острой, если бы не резервы мелкаго крестьянства, особенно на востокѣ Германіи и за ея границами, которые изъ года въ годъ приносятъ, въ качествѣ странствующихъ рабочихъ, крупнымъ предпріятіямъ столь желанныя рабочія силы. Безъ этого избытка рабочихъ силъ, доставляемаго мелкими крестьянами, крупныя сельско-хозяйственныя предпріятія въ Германіи находились бы въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ теперь. *Постольку*, слѣдовательно, при современной организаціи производства, мелкое предпріятіе необходимо для развитія сельскаго хозяйства не въ качествѣ технически выше стоящаго конкурента крупнаго хозяйства, но въ качествѣ самаго надежнаго и самаго обильнаго поставщика пролетаріевъ для крупнаго землевладѣнія. И это послѣднее само старается искусственно создавать мелкія хозяйства, чтобы получать болѣе пролетаріевъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сама концентрація капитала порождаетъ и поощряетъ потребность въ расширеніи мелкаго хозяйства.

Но приводитъ ли это ad absurdum Эрфуртскую програму, говорящую объ естественно-необходимой гибели мелкаго производства? Нисколько. Она говоритъ лишь о гибели того мелкаго производства, *„основой котораго являлась частная собственность рабочаго на его орудія производства“*.

Это относится, какъ мы видѣли, не къ новому типу мелкаго хозяйства, главнѣйшія средства производства котораго принадлежатъ капиталу. Новое мелкое хозяйство представляетъ чисто пролетарскую формацію; лица, входящія въ его составъ, все болѣе утрачиваютъ всякій интересъ къ частной собственности на средства производства, все болѣе приходятъ къ той же классовой противоположности, какъ и наемный пролетаріатъ. Если старое мелкое хозяйство являлось самой прочной крѣпостью частной собственности на средства производства, а тѣмъ самымъ и капитализма,

то новое мелкое хозяйство является элементомъ пролетарской противоположности этой частной собственности и тѣмъ самымъ капиталу. Такъ какъ лица, занятыя въ немъ, болѣе уединены, угнетены и обременены работой, чѣмъ рабочіе крупнаго хозяйства, такъ какъ ихъ экономическое положеніе не такъ просто и ясно, какъ у настоящихъ наемныхъ рабочихъ, то ихъ труднѣе, чѣмъ этихъ послѣднихъ, организовать и приводить къ сознанію ихъ положенія; при извѣстныхъ обстоятельствахъ они могутъ, въ качествѣ штрейкбрехеровъ и консервативныхъ избирателей, замедлять освободительную борьбу пролетаріата, но нигдѣ уже они не образуютъ элемента, на которомъ капиталъ могъ бы прочно обосновать свое господство. Рано или поздно классовые интересы приводятъ ихъ всегда въ ряды борющихся наемныхъ рабочихъ.

Старое мелкое производство, завѣщанное временами расцвѣта ремесла, составляло одну изъ самыхъ прочныхъ и необходимыхъ основъ общества того времени. Новое, пролетаризированное производство является однимъ изъ отбросовъ его, который, при данныхъ общественныхъ отношеніяхъ, такъ же неизбѣженъ, какъ, напримѣръ, преступленія и проституція, но который такъ же какъ и они, не можетъ служить здоровымъ основаніемъ общества. Новое мелкое производство все болѣе превращается въ паразитное образованіе, въ помощь нуждающимся, которая только обременяетъ общество и отъ которой легко и охотно освобождаются пользующіеся ею, какъ только проходитъ нужда. Уже въ наши дни мы наблюдаемъ, какъ во время каждой эпохи процвѣтанія рабочіе толпами покидаютъ городскія и сельскія мелкія предпріятія. Какъ только пролетаріатъ достигнетъ политической власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности организовать все производство соотвѣтственно своимъ интересамъ, онъ долженъ будетъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы уничтожить промышленную резервную армію. А это поведетъ къ быстрому опустѣнію мелкихъ хозяйствъ въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе того мнѣнія, будто соціалистическое производство станетъ возможнымъ только тогда, когда будутъ поглощены всѣ мелкія предпріятія.

Въ такомъ случаѣ оно никогда не было бы возможнымъ, ибо концентрація капитала не даетъ окончательно исчезнуть мелкому хозяйству, напротивъ, замѣщаетъ старый типъ его—новымъ. Поглощеніе этихъ новыхъ паразити-

чески-пролетарскихъ мелкихъ предпріятій станетъ возможнымъ лишь путемъ введенія соціалистическаго производства. Послѣднее является *предпосылкой*, а не *слѣдствіемъ* полнаго исчезновенія мелкаго производства изъ всѣхъ отраслей хозяйства, въ которыхъ оно стало технически-ненужнымъ.

Предпосылкой соціализма является не полное исчезновеніе мелкаго хозяйства изъ статистики предпріятій, а исключеніе его изъ процессовъ производства, господствующихъ въ общественной жизни, подчиненіе ихъ капиталу, монополизирующему средства производства и всѣ выгоды ихъ растущаго совершенствованія. Что эти предпосылки растутъ съ громадной быстротой—это можетъ въ наше время нащупать руками даже человѣкъ, слѣпой въ соціальномъ и политическомъ отношеніи.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ученіе марксизма о концентраціи капитала, воспринятое Эрфуртской программой. Въ такомъ пониманіи это положеніе не только не противорѣчитъ фактамъ дѣйствительности, но, напротивъ, только оно и даетъ возможность понять ихъ вполнѣ. И въ этомъ пунктѣ, такъ же, какъ и въ другихъ, которые оспаривалъ „критическій соціализмъ", принципіальная часть Эрфуртской программы не нуждается въ пересмотрѣ.

Говоря это, я не совершаю самохвальства, такъ какъ Эрфуртская программа не является исключительно моимъ трудомъ. Правда, въ основу ея легъ предложенный мною проектъ программы. Однако, программная комиссія въ Эрфуртѣ значительно расширила этотъ проектъ. Въ самомъ же проектѣ тѣ предложенія, которыя впослѣдствіи возбуждали самые сильные споры, были почти дословно взяты изъ „Капитала" Маркса; общая часть самой программы представляетъ лишь пересказъ извѣстной главы „Капитала" объ „Исторической тенденціи капиталистическаго накопленія". Какъ разъ въ этомъ вижу я источникъ силы Эрфуртской программы и ея способности противостоять измѣнчивой модѣ. Пока не удастся поставить на мѣсто „Капитала" другое теоретическое обоснованіе соціализма, до тѣхъ поръ и Эрфуртская программа не будетъ нуждаться въ пересмотрѣ ея основъ.

Берлинъ—Фриденау, май 1904.

К. Каутскій.

I. Гибель мелкаго производства.

1. Мелкое производство и частная собственность.

Програима, которая была принята нѣмецкой соціалъ-демократіей на партійномъ съѣздѣ въ *Эрфуртѣ* (14—20 октября 1891 г.) распадается на двѣ части,—*общую*, *теоретическую*, излагающую основныя положенія и конечныя цѣли соціалъ-демократіи. и *практическую* часть, содержащую требованія, которыя соціалъ-демократія, какъ партія дѣйствія, предъявляетъ къ нынѣшнему обществу и нынѣшнему государству, чтобы этимъ проложить путь къ достиженію своихъ конечныхъ цѣлей.

Насъ занимаетъ здѣсь только первая, общая часть. Она распадается въ свою очередь на три подъ-отдѣла: 1. Характеристика *нынѣшняго Общества и хода его развитія*. Отсюда выводятся: 2. *Конечныя цѣли* соціалъ-демократіи и 3. *Средства*, которыя могутъ вести и поведутъ къ ихъ осуществленію.

Разсмотримъ прежде всего первый подъ-отдѣлъ. Онъ состоитъ изъ четырехъ абзацовъ, которые гласятъ:

«Экономическое развитіе буржуазнаго общества ведетъ съ естественной необходимостью къ гибели мелкаго производства, основой котораго служитъ частная собственность рабочаго на его средства производства. Оно отдѣляетъ рабочаго отъ его средствъ производства и превращаетъ его въ неимущаго пролетарія, между тѣмъ какъ средства производства становятся монополіей сравнительно небольшого числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

«Рука-объ-руку съ этой монополизаціей средствъ производства идетъ вытѣсненіе раздробленныхъ мелкихъ предпріятій колоссальными крупными предпріятіями, совершается превращеніе ручныхъ инструментовъ въ машины, происходитъ гигантскій ростъ производительности человѣческаго труда. Но всѣ выгоды этого превращенія мо-

нополизируются капиталистами и крупными землевладѣльцами. Для пролетаріата и падающихъ среднихъ слоевъ—мелкихъ буржуа, крестьянъ—оно означаетъ прогрессирующее увеличеніе необезпеченности ихъ существованія, нищеты, гнета, порабощенія, униженія, эксплуатаціи.

«Все больше и больше становится число пролетаріевъ, все многочисленнѣе армія избыточныхъ рабочихъ, все рѣзче противоположность между эксплуатируемыми и эксплуататорами, все ожесточеннѣе классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ, которая дѣлитъ современное общество на два враждебныхъ военныхъ лагеря и является общимъ признакомъ всѣхъ промышленныхъ странъ.

«Пропасть между имущими и неимущими увеличивается еще благодаря коренящимся въ самой сущности капиталистическаго способа производства кризисамъ, которые становятся все обширнѣе и опустошительнѣе, возводятъ всеобщую необезпеченность въ нормальное состояніе общества и служатъ доказательствомъ того, что производительныя силы переросли нынѣшнее общество, что частная собственность на средства производства стала несовмѣстимой съ ихъ цѣлесообразнымъ примѣненіемъ и полнымъ развитіемъ».

Съ самаго начала нашей программы мы наталкиваемся на заслуживающее вниманія выраженіе: *экономическое развитіе*. Оно подводитъ насъ вплотную къ основному пункту соціалъ-демократическаго міросозерцанія. Иной думаетъ, что онъ говоритъ Богъ вѣсть какую мудрость, когда въ противовѣсъ намъ заявляетъ: «ничто не ново подъ луной. Какъ теперь, такъ было всегда и всегда такъ будетъ». Нѣтъ ничего ошибочнѣе и безсмысленнѣе подобнаго утвержденія. Новѣйшая наука показываетъ намъ, что ни въ чемъ нѣтъ застоя, что въ обществѣ, какъ въ природѣ, наблюдается непрерывное развитіе.

Мы знаемъ теперь, что первоначально человѣкъ, подобно животнымъ, существовалъ только собираніемъ того, что въ готовомъ видѣ давала ему природа. Но онъ сталъ изобрѣтать одно за другимъ оружіе и орудія труда, - одно совершеннѣе другого. Онъ сталъ рыбакомъ, охотникомъ, скотоводомъ, наконецъ осѣдлымъ земледѣльцемъ и ремесленникомъ. Все быстрѣе и быстрѣе становился ходъ развитія, пока, наконецъ, въ наше время, въ вѣкъ пара и электричества,—развитіе достигло такой скорости, что мы можемъ теперь прослѣдить его своими собственными глазами, не нуждаясь въ сравненіи съ далекой стариной. И все же находятся люди, которые съ видомъ превосходства хотятъ насъ поучать, что ничто не ново подъ луною.

Способъ, которымъ люди добываютъ себѣ пропитаніе, создаютъ (производятъ) необходимыя для этого блага, зависитъ отъ свойствъ

ихъ орудій труда, ихъ сырыхъ матеріаловъ,—однимъ словомъ, отъ тѣхъ средствъ, которыя находятся въ ихъ распоряженіи для созданія (производства) благъ,—зависитъ *отъ ихъ средствъ производства.* Но люди никогда не занимались производствомъ въ одиночку, а всегда большими или меньшими *обществами*, различныя формы которыхъ зависятъ отъ господствующихъ въ разное время способовъ производства.

Поэтому развитію производства соотвѣтствуетъ *общественное развитіе.*

Формы общества и отношенія его членовъ другъ къ другу находятся въ самой тѣсной зависимости отъ *формъ собственности*, которыя оно признаетъ и охраняетъ. Поэтому рука-объ-руку съ развитіемъ производства идетъ также и развитіе собственности.

Поясним ъ это примѣромъ *крестьянскаго хозяйства.*

Полное крестьянское хозяйство обнимаетъ двѣ отрасли: *скотоводство и земледѣліе.* Въ скотоводствѣ у насъ господствовало всюду, до 18-го столѣтія, а во многихъ мѣстахъ господствуетъ еще теперь, *выгонное хозяйство.* Послѣднее же предполагаетъ существованіе *общиннаго землевладѣнія.* Было бы безсмыслицей, если бы каждый крестьянинъ задумалъ выдѣлить свой клочокъ выгона, огородить его особо, держать своего пастуха для своихъ нѣсколькихъ штукъ скота и т. д. Въ силу этого тамъ, гдѣ существуетъ выгонное хозяйство, крестьянинъ съ величайшимъ упорствомъ держится за общинный выгонъ и за общинныхъ пастуховъ.

Иначе обстоитъ дѣло въ земледѣліи, когда оно ведется при помощи простыхъ орудій крестьянскаго хозяйства, безъ машинъ. Общинная обработка всей пахотной земли крестьянской общины всѣми ея членами вмѣстѣ не представляетъ, при такихъ условіяхъ, необходимости и не требуется для успѣха производства. Крестьянскія земледѣльческія орудія обусловливаютъ возможность обработки маленькаго клочка земли каждымъ крестьяниномъ въ отдѣльности или вмѣстѣ съ небольшой группой лицъ, какою является, напр., крестьянская семья. Но обработка земли при такихъ условіяхъ будетъ тѣмъ тщательнѣе и принесетъ тѣмъ бóльшій доходъ, чѣмъ свободнѣе земледѣлецъ можетъ распоряжаться своимъ участкомъ и чѣмъ больше доля дохода, достающаяся ему отъ обработки и улучшеній его поля. Земледѣліе на первоначальной его ступени требуетъ мелкаго производства, послѣднее же нуждается для полнаго своего развитія въ частной собственности на средства производства.

Поэтому мы видимъ, напр., что у древнихъ германцевъ общинное землевладѣніе, господствовавшее до тѣхъ поръ, пока выгонное хозяйство (и охота) служило главнымъ средствомъ для добыванія пропитанія,—стало мало-по-малу исчезать, уступая мѣсто частной

собственности на землю, по мѣрѣ того, какъ на первый планъ выступало мелкое крестьянское земледѣліе. Замѣна выгоннаго хозяйства стойловымъ содержаніемъ скота совершенно доканала деревенскую общинную собственность.

Такъ, подъ вліяніемъ хозяйственнаго (экономическаго) развитія, вслѣдствіе прогресса сельскаго хозяйства, крестьянинъ изъ коммуниста сдѣлался фанатикомъ частной собственности.

То, что сказано о мелкомъ крестьянинѣ примѣнимо и къ ремесленнику. Ремесло не нуждается въ совмѣстной коллективной работѣ большого числа рабочихъ. Каждый ремесленникъ производитъ, работая или совсѣмъ одинъ или съ однимъ-двумя помощниками,—подмастерьями, входящими въ составъ его семьи, въ число его домочадцевъ. Точно также какъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, въ ремеслѣ—каждый отдѣльный рабочій или отдѣльная рабочая семья ведутъ свое особое предпріятіе. Поэтому для полнаго развитія своей продуктивности и своихъ производительныхъ силъ ремесло, подобно мелкому производству въ сельскомъ хозяйствѣ, нуждается въ частной собственности на средства производства, которыми оно пользуется, и на продукты, которые оно производитъ. Въ мелкомъ производствѣ продукты труда рабочаго находятся въ зависимости отъ его личныхъ качествъ, его ловкости, прилежанія и выдержки. Поэтому онъ предъявляетъ на него права, какъ на свою личную собственность. Но онъ не можетъ вполнѣ проявить своей индивидуальности въ производствѣ, если онъ самъ лично не свободенъ и не распоряжается свободно своими средствами производства,—иными словами, если послѣднія не составляютъ его частной собственности.

Это поняла соціалъ-демократія и ясно выразила въ своей программѣ словами: «частная собственность на средства производства составляетъ основу мелкаго производства». Но въ то же время она указываетъ, что «экономическое развитіе буржуазнаго общества съ неизбѣжностью закона природы ведетъ къ гибели мелкаго производства».

Прослѣдимъ теперь это развитіе.

2. Товаръ и капиталъ.

Исходными пунктами буржуазнаго общества являются крестьянское сельское хозяйство и ремесло.

Крестьянская семья первоначально удовлетворяла сама всѣ свои потребности. Она производила сама всѣ пищевые продукты, въ которыхъ она нуждалась, всѣ орудія, одежду для своихъ членовъ, сама строила жилище и т. д. Она производила столько, сколько ей

было необходимо, но не больше. Съ теченіемъ времени, однако, подъ вліяніемъ прогресса сельскаго хозяйства, она достигла того, что стала производить излишекъ продуктовъ, въ которыхъ она непосредственно не нуждалась. Благодаря этому для нея явилась возможность вымѣнивать этотъ излишекъ на продукты, которыхъ она или вовсе не была въ состояніи производить или производила въ недостаточномъ количествѣ, но которые ей желательно было имѣть, — напр., украшенія, оружіе или орудія. Благодаря обмѣну эти продукты сдѣлались *товарами*.

Товаръ—это такой продуктъ, который предназначается не для примѣненія или потребленія (консумированія) его въ томъ самомъ хозяйствѣ, въ которомъ онъ былъ произведенъ, но для обмѣна на продуктъ другого хозяйственнаго предпріятія. Пшеница, которую крестьянинъ сѣетъ для собственнаго потребленія, не есть товаръ; та же, которую онъ сѣетъ на продажу—товаръ. Продавать — значитъ не что иное, какъ обмѣнивать извѣстный товаръ на такой, который всякій желаетъ имѣть и который, благодаря этому, становится *деньгами*, какъ напр., золото.

Крестьянинъ, какъ мы видѣли, въ теченіе экономическаго развитія превращается въ производителя товаровъ; ремесленникъ же въ самостоятельномъ мелкомъ производствѣ является таковымъ съ самаго начала. Онъ продаетъ не только излишекъ своихъ продуктовъ, но для него производство *на продажу* стоитъ на первомъ планѣ.

Обмѣнъ товаровъ съ своей стороны предполагаетъ два условія: во-первыхъ, чтобы не всѣ отдѣльныя хозяйства производили одинъ и тотъ же продуктъ, а чтобы въ обществѣ имѣлось уже на-лицо *раздѣленіе труда*; во-вторыхъ, чтобы обмѣнивающіеся свободно распоряжались тѣми продуктами, которыми они обмѣниваются, — чтобы эти продукты были ихъ *частной собственностью*.

Чѣмъ больше въ ходѣ экономическаго развитія подвигается впередъ раздѣленіе труда на отдѣльныя отрасли и увеличиваются размѣры и значеніе частной собственности, тѣмъ больше, въ общемъ, отступаетъ на задній планъ и вытѣсняется товарнымъ производствомъ производство для собственнаго потребленія.

Раздѣленіе труда ведетъ, наконецъ, къ тому, что даже покупка и продажа становятся особымъ занятіемъ, которому исключительно посвящаетъ себя особый классъ людей — *купцы*. Они извлекаютъ свой доходъ изъ того, что покупаютъ дешево и продаютъ дорого. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что они могутъ произвольно устанавливать цѣны товаровъ. *Цѣна* товара зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ его *мѣновой* стоимости. Стоимость же товара опредѣляется количествомъ труда, необходимаго въ среднемъ для его про-

изводства. Однако цѣна товара почти никогда не совпадаетъ точно съ его стоимостью; цѣна опредѣляется не только *условіями производства*, какъ это имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ стоимости, но и *условіями рынка*, прежде всего спросомъ и предложеніемъ, т. е. количествомъ, въ какомъ товаръ доставленъ на рынокъ и въ какомъ онъ требуется. Но и цѣна подчиняется извѣстнымъ законамъ. Въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, она представляетъ собою величину опредѣленную. Слѣдовательно, если купецъ хочетъ получить нѣкоторый излишекъ при продажѣ товара сравнительно съ той цѣной, по которой онъ его купилъ, другими словами, если онъ хочетъ получить *барышъ* или *прибыль*, то для этого онъ долженъ, вообще говоря, покупать свои товары въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, когда они дешевы, и продавать ихъ тогда и въ томъ мѣстѣ, гдѣ они дороги.

Если крестьянинъ или ремесленникъ покупаетъ товары, то онъ это дѣлаетъ потому, что они нужны ему или его семьѣ, какъ средства производства или пропитанія. Купецъ же покупаетъ товары не для собственнаго потребленія, но для того, чтобы пустить ихъ въ оборотъ, съ цѣлью получить прибыль. Товары и денежныя суммы, которыя употребляются для этой цѣли, являются *капиталомъ*.

Ни о какомъ товарѣ или денежной суммѣ нельзя сказать, представляютъ ли они сами по себѣ капиталъ или нѣтъ. Это зависитъ отъ ихъ употребленія. Табакъ, который покупается купцомъ для того, чтобы перепродать его съ извѣстнымъ барышомъ, является для него капиталомъ. Табакъ, который онъ покупаетъ для куренія, не будетъ для него капиталомъ.

Самая ранняя форма капитала это — *торговый капиталъ*. Почти столь же древнимъ является *ростовщическій капиталъ*, прибыль съ котораго получается въ формѣ процентовъ, которые капиталистъ взимаетъ за ссуженные товары или деньги.

Капиталъ возникаетъ на извѣстной ступени товарнаго производства, само собой разумѣется, на почвѣ частной собственности, которая является основой всего товарнаго производства. Но подъ вліяніемъ капитала частная собственность получаетъ совсѣмъ новую физіономію, или вѣрнѣе, цѣлыхъ двѣ. На ряду съ мелко-буржуазными чертами, соотвѣтствующими отношеніямъ мелкаго производства, теперь появляются уже и капиталистическія. Защитники теперешней частной собственности указываютъ только на ея мелко-буржуазную сторону. Однако, надо быть слѣпымъ, чтобы въ настоящее время не видѣть капиталистической стороны частной собственности.

На той ступени экономическаго развитія, о которой теперь идетъ рѣчь, когда капиталъ является лишь торговымъ и ростовщическимъ, вырисовываются лишь немногія черты капиталистической физіономіи частной собственности, но и онѣ достойны вниманія.

Доходъ крестьянина или ремесленника зависитъ, при господствѣ мелкаго производства, прежде всего отъ *личныхъ качествъ* его самого и членовъ его семьи, ихъ прилежанія, ловкости и т. д. Напротивъ, величина прибыли купца тѣмъ больше, чѣмъ больше у него *денегъ* для покупки товаровъ, чѣмъ больше у него товаровъ для продажи. Если я продаю 10.000 фунтовъ табаку, то моя прибыль при прочихъ равныхъ условіяхъ будетъ въ сто разъ больше, чѣмъ если бы я могъ продать только 100 фунтовъ. То же относится и къ ростовщику. Слѣдовательно, доходъ капиталиста, какъ таковаго, зависитъ прежде всего отъ *величины его капитала*.

Рабочая сила и способности отдѣльнаго человѣка ограничены, какъ и количество продукта, которое рабочій можетъ произвести при опредѣленныхъ условіяхъ. Оно никогда не можетъ значительно превзойти извѣстнаго средняго уровня. Деньги же, наоборотъ, можно накоплять безъ конца; этому нѣтъ ни мѣры, ни предѣла. И чѣмъ больше у кого-нибудь денегъ, тѣмъ больше денегъ онѣ родятъ ему, если примѣняются какъ капиталъ. Отсюда явилась возможность наживать *несмѣтныя богатства*.

Но частная собственность создаетъ еще и другую возможность. Частная собственность на *средства производства* означаетъ для каждаго законную возможность пріобрѣтать ихъ, но также и возможность ихъ потерять, т. е. потерять источникъ своего существованія,—а, слѣдовательно, *впасть въ полную нищету*. Ростовщическій капиталъ уже заранѣе предполагаетъ нужду. У кого есть все необходимое, тотъ не станетъ брать взаймы. Эксплуатируя стѣсненное положеніе нуждающагося, ростовщическій капиталъ является въ свою очередь источникомъ увеличенія этой нужды.

Нажива безъ труда—неизмѣримыя богатства однихъ — полная нищета другихъ—таковы черты капиталистической физіономіи частной собственности. Но пока ростовщическій и торговый капиталъ находятся въ началѣ своего развитія, эти черты выступаютъ еще не ясно, особенно худшая изъ нихъ—нищета: отсутствіе собственности остается еще исключеніемъ, а не нормальнымъ состояніемъ народныхъ массъ.

Купецъ и ростовщикъ, равно какъ и другіе эксплуататоры, появляющіеся на ряду съ ними,—напр., въ средніе вѣка феодальные землевладѣльцы, которыхъ мы, однако, здѣсь не будемъ подробно касаться, чтобы не уклоняться въ сторону, — находятся на этой ступени въ зависимости отъ существованія и процвѣтанія мелкаго производства въ городѣ и деревнѣ. На этой ступени сохраняетъ свою силу пословица: «когда деньги есть у крестьянина, у всѣхъ онѣ есть». Торговля не уничтожаетъ мелкаго производства; при извѣстныхъ условіяхъ она даже поддерживаетъ его. Ростовщикъ выжимаетъ соки изъ своего должника, но гибель послѣдняго вовсе не въ его

интересахъ. Потеря средствъ производства, бѣдность, при такихъ обстоятельствахъ являются не нормальнымъ общественнымъ явленіемъ, а особымъ несчастьемъ, вызваннымъ исключительными неудачами или исключительной неспособностью. Поэтому бѣдность считалась тогда либо ниспосланнымъ отъ Бога испытаніемъ, либо наказаніемъ за лѣность, легкомысліе и т. п. Такой взглядъ еще и теперь очень сильно распространенъ въ мелко-буржуазныхъ кругахъ, между тѣмъ отсутствіе собственности сдѣлалось съ тѣхъ поръ явленіемъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ было раньше.

3. Капиталистическій способъ производства.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ ремесло развивалось въ Европѣ все больше и больше, раздѣленіе труда въ обществѣ возрастало,—такъ напр., ткацкое дѣло распалось на льняноткацкое, шерстяное и плисовое, а различныя связанныя съ ткачествомъ операціи, напр., стрижка сукна, превратились въ самостоятельныя отрасли производства. Возрастало искусство рабочаго, сильно улучшались пріемы работы и инструменты.—Одновременно развивалась торговля, главнымъ образомъ вслѣдствіе улучшенія средствъ сообщенья, особенно благодаря успѣхамъ судостроенія.

Четыреста лѣтъ тому назадъ была эпоха расцвѣта ремесла, но и для торговли это было богатое событіями время. Былъ найденъ морской путь въ *Индію*, въ эту сказочную страну, полную несмѣтныхъ сокровищъ; была открыта *Америка* съ ея неисчерпаемыми залежами золота и серебра.

Цѣлый потокъ богатствъ хлынулъ въ Европу, богатствъ, которыя европейскіе авантюристы нагребли въ новооткрытыхъ странахъ посредствомъ торговли, обмана и грабежа. Львиная доля этихъ богатствъ досталась тѣмъ торговымъ тузамъ, которые были въ состояніи снаряжать корабли и снабжать ихъ многочисленнымъ и сильнымъ экипажемъ людей столь же неустрашимыхъ, сколь и беззастѣнчивыхъ.

Въ то же самое время складывалось и современное *государство*, централизованное, бюрократическое и военное государство, принявшее сначала форму *абсолютной монархіи*. Это государство въ такой же степени соотвѣтствовало потребностямъ молодого класса капиталистовъ, какъ и само нуждалось въ ихъ поддержкѣ. Сила современнаго, государства, государства развитаго товарнаго производства, зиждется не на личныхъ услугахъ, а на его *денежныхъ доходахъ*. Поэтому монархи имѣли всѣ основанія къ тому, чтобы защищать и поощрять тѣхъ, кто привлекалъ въ страну деньги, т. е. купцовъ и капитали-

стовъ. Въ благодарность за такую защиту, капиталисты давали взаймы деньги монархамъ и государству, превращали ихъ въ своихъ должниковъ, ставили ихъ въ зависимость отъ себя, и тогда уже вынуждали государственную власть служить капиталистическимъ интересамъ посредствомъ охраны и расширенія путей сообщенія, посредствомъ пріобрѣтенія и закрѣпленія за-океанскихъ колоній, посредствомъ войнъ съ конкурирующими торговыми государствами и т. д.

Въ школьныхъ учебникахъ политической экономіи намъ твердятъ, будто источникъ капитала—*бережливость*. Однако, мы только-что видѣли совершенно иные источники капитала. Самыя крупныя богатства капиталистическихъ націй ведутъ свое происхожденіе отъ ихъ *колоніальной политики*, т. е. отъ грабежа чужихъ странъ; источникъ ихъ *морской разбой, контрабанда, торговля невольниками и торговыя войны*. Исторія этихъ націй вплоть до нашего столѣтія даетъ намъ достаточно примѣровъ подобнаго рода методовъ „*сбереженія*“ капитала. И *государственная помощь* оказалась могучимъ средствомъ для поощренія этой «бережливости».

Однако новыя открытія и торговые пути принесли не только огромныя богатства купцамъ, они также быстро расширили рынокъ сбыта для промышленности мореходныхъ націй Европы, главнымъ образомъ Англіи, ставшей владычицей морей. Ремесло уже не было въ состояніи удовлетворить столь быстро и сильно растущихъ требованій рынка. *Массовой сбытъ* требовалъ и *массоваго производства*; крупный рынокъ требовалъ такого производства, которое вполнѣ было бы приспособлено къ его потребностямъ, т. е. находилось бы въ полной зависимости отъ купцовъ.

Купцы были крайне заинтересованы въ томъ, чтобы самимъ завести массовое производство, соотвѣтствующее расширившемуся рынку; они обладали также необходимыми денежными средствами, чтобы купить въ достаточномъ размѣрѣ все необходимое для производства,—сырые матеріалы, инструменты, мастерскія, *рабочую силу*,— но откуда взять эту послѣднюю? Невольниковъ, которыхъ можно было бы купить въ Европѣ, уже больше не было. Рабочій же, который либо самъ владѣетъ собственными средствами производства, либо принадлежитъ къ семьѣ, которая обладаетъ таковыми,—не продаетъ своей рабочей силы. Онъ предпочитаетъ работать для себя или же для своей семьи, чтобы весь продуктъ его труда цѣликомъ оставался ему или его семьѣ. Онъ продаетъ *продуктъ своего труда*, но не свою *рабочую силу*. Кстати замѣтимъ здѣсь, что слѣдуетъ остерегаться выраженья: продажа *труда*. Трудъ, *дѣятельность* нельзя продавать. Слово трудъ обыкновенно употребляется не только для обозначенья дѣятельности, но также и для обозначенія *результата* этой дѣятельности, *продукта труда*,—и для обозначенія

силы, въ проявленіи которой и заключается трудовая дѣятельность,— т. е. *рабочей силы*. Употребленіе слова «трудъ» въ вышеуказанной связи даетъ возможность всѣмъ тѣмъ экономистамъ,—которые хотятъ держать рабочихъ и мелкихъ буржуа въ невѣдѣніи относительно ихъ положенія, — сваливать безъ разбору въ одну кучу самыя различныя вещи и отождествлять ихъ между собой. Надо зорко присматривать за этими господами.

Но вернемся къ нашему купцу, котораго мы оставили въ поискахъ за рабочими. Съ владѣльцами мелкихъ предпріятій и ихъ семьями ему ничего не подѣлать. Купецъ долженъ искать такихъ рабочихъ, которые не обладаютъ средствами производства, которые ничего не имѣютъ, кромѣ своей рабочей силы и потому вынуждены продавать ее, чтобы имѣть возможность жить. Развитіе товарнаго производства и частной собственности уже создало, какъ мы видѣли, такихъ неимущихъ. Но вначалѣ ихъ было еще мало и большинство изъ тѣхъ, которые не входили въ семейный союзъ какого-либо хозяйственнаго предпріятія, были либо неспособные къ труду,—калѣки, больные, старики,—либо же лѣнтяи, воры и бродяги.

Число вполнѣ свободныхъ неимущихъ рабочихъ было ничтожно.

Но благодѣтельная судьба позаботилась о томъ, чтобы какъ разъ въ это время, когда среди купцовъ спросъ на неимущихъ рабочихъ сталъ возрастать, цѣлыя массы рабочихъ были лишены имущества и выброшены на улицы, гдѣ богатымъ торговымъ тузамъ оставалось только подобрать ихъ.

Но и это явилось слѣдствіемъ развитія товарнаго производства. Расширеніе рынка для городской промышленности отразилось въ свою очередь и на *сельскомъ хозяйствѣ*. Въ городахъ возрасталъ спросъ на съѣстные припасы, а также и на сырые продукты,—дерево, шерсть, ленъ, красящія вещества и т. д. Поэтому и сельскохозяйственное производство становилось все больше и больше товарнымъ производствомъ, производствомъ на *продажу*.

У крестьянина появились деньги. Но это было его несчастіемъ. Ибо это разжигало алчность его эксплуататоровъ,—землевладѣльцевъ и правителей. До тѣхъ поръ, пока излишекъ крестьянина состоялъ преимущественно изъ продуктовъ, они брали у него не больше, чѣмъ сколько могли сами потребить. Деньги же всегда могутъ пригодиться,—и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ больше расширялся для крестьянина рынокъ, чѣмъ больше выручалъ онъ денегъ за свои товары,—тѣмъ больше обирали его землевладѣльцы и правители, тѣмъ сильнѣе возрастали уплачиваемые имъ подати и налоги. Скоро господа перестали довольствоваться *избыткомъ*, который давалъ трудъ крестьянина за покрытіемъ расходовъ на его содержаніе, а начали вымогать все больше и больше, отнимая у

него даже *необходимое*. Нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьянами овладѣло отчаяніе,—что многіе, особенно послѣ того, какъ всѣ попытки сопротивленія были подавлены во время крестьянскихъ войнъ, бросали свои дома и дворы и искали себѣ убѣжища въ городахъ.

Къ этому присоединялось нерѣдко еще другое обстоятельство. Если въ городахъ, благодаря расширенію рынка, возникла потребность въ *промышленномъ* массовомъ производствѣ, то въ деревнѣ явилась такая же потребность въ *сельско-хозяйственномъ* массовомъ производствѣ. То, что въ городахъ дѣлали купцы, то въ деревняхъ пытались сдѣлать землевладѣльцы.—Землевладѣлецъ, который до сихъ поръ обыкновенно являлся тѣмъ же крестьяниномъ, только стоявшимъ на высшей общественной ступени, дѣлалъ теперь попытки расширить свое производство. Въ рабочей силѣ онъ не чувствовалъ недостатка, такъ какъ онъ сумѣлъ обязать крестьянъ службой себѣ. Но часто онъ даже и не нуждался въ новыхъ рабочихъ силахъ. Напримѣръ, производство *шерсти* или *дерева*,—пастбищное или лѣсное хозяйство, требуютъ гораздо меньше рабочихъ, чѣмъ земледѣліе. Гдѣ землевладѣльцы переходили отъ земледѣлія къ выгонному хозяйству и лѣсоводству—сельско-хозяйственные рабочіе становились излишними. Но въ чемъ теперь безусловно нуждался земледѣлецъ, такъ это въ большемъ количествѣ земли, чѣмъ то, которое онъ воздѣлывалъ до сихъ поръ. Достигнуть этого онъ могъ исключительно за счетъ крестьянъ, жившихъ вокругъ него. Помѣщикъ долженъ былъ согнать ихъ съ земли, если хотѣлъ расширить свое хозяйство. Онъ не долго колебался сдѣлать этотъ шагъ. Началось обезземеленье крестьянъ, продолжавшееся въ широкомъ масштабѣ вплоть до конца XVIII столѣтія. Въ то время, какъ купцы обогащались грабежомъ колоній, дворяне и правители обогащались грабежомъ своихъ собственныхъ подданныхъ. Феодалы такъ же мало какъ и капиталисты останавливались передъ обманомъ и насиліемъ, грабежомъ, убійствами и поджогами, если это казалось имъ необходимымъ для достиженія ихъ цѣлей. Исторія знакомитъ насъ съ совершенно своеобразными пріемами *сбереженія*.

Что должны были дѣлать массы неимущихъ поселянъ, которые частью бѣжали отъ барщины и податей, частью же были выгнаны обманомъ или насиліемъ изъ своихъ усадебъ? Производить самостоятельно они не могли больше ничего,—для этого у нихъ не было средствъ производства, отъ которыхъ ихъ отогнали, съ которыми ихъ разъединили. Они не могли вынести на рынокъ никакихъ продуктовъ и потому имъ не оставалось ничего другого, какъ на болѣе или менѣе продолжительное время нести на рынокъ себя самихъ,—продавать единственное цѣнное, что у нихъ осталось, свою рабочую

силу, т. е. наниматься. Одни стали сельско-хозяйственными батраками, можетъ быть даже у того самаго господина, который согналъ ихъ съ земли. Другіе завербовались въ наемные солдаты, чтобы помогать тѣмъ самымъ господамъ, которыми они были ограблены, въ ихъ грабежахъ; иные же просто гибли, становились нищими или преступниками. — Но многіе, и далеко не худшіе, обратились къ *промышленности*, чтобы здѣсь искать себѣ работы. Ремесленники стремились оградить себя отъ наплыва новыхъ рабочихъ силъ, новыхъ конкурентовъ, тѣмъ, что при помощи цеховаго устройства закрывали доступъ въ свое ремесло. Это только еще больше толкало ставшія свободными рабочія массы въ объятія купцовъ, искавшихъ наемныхъ рабочихъ для своихъ промышленныхъ предпріятій.

Такъ были созданы основы капиталистической промышленности, *капиталистическаго способа производства* при помощи *экспропріаціи* (лишенія собственности), при помощи *революціи*, самой кровавой и жестокой, какую только знаетъ міровая исторія. Но, конечно, это была революція богатыхъ и могущественныхъ противъ слабыхъ и ничтожныхъ, и потому эпоха этой революціи прославляется, какъ эпоха гуманизма и освобожденія умовъ,—прославляется въ наши дни громче всего тѣми, которые приходятъ въ живѣйшее негодованіе отъ революціонныхъ намѣреній соціалъ-демократіи.

Отдѣленіе большихъ рабочихъ массъ отъ ихъ средствъ производства, превращеніе ихъ въ неимущихъ, въ *пролетаріевъ*, было необходимой предпосылкой массового капиталистическаго производства. Къ этому вынуждало экономическое развитіе. Но какъ всегда, такъ и на этотъ разъ, прогрессивные классы не довольствовались спокойнымъ созерцаніемъ самопроизвольнаго хода развитія, но прибѣгли къ насилію для охраненія своихъ интересовъ и ускоренія такимъ образомъ процесса развитія. Именно это *насиліе*, въ его самой грубой и жестокой формѣ, было повивальной бабкой капиталистическаго общества.

4. Агонія мелкаго производства.

Внѣшнимъ образомъ новый способъ производства вначалѣ лишь очень мало отличался отъ стараго. Его самая первоначальная форма состояла въ томъ, что капиталистъ снабжалъ нанятыхъ имъ наемныхъ рабочихъ матеріаломъ,—напр., пряжей, если это были ткачи,—которую они обработывали дома и затѣмъ готовый продуктъ сдавали опять капиталисту. Правда, уже и въ этой формѣ, которая ближе всего стояла къ ремесленной, капиталистическое производство создавало глубокое различіе между самостоятельнымъ ремесленникомъ и наемнымъ рабочимъ

домашней промышленности. Въ другомъ мѣстѣ мы расмотримъ тѣ измѣненія въ положеніи рабочаго, которыя принесъ съ собою новый способъ производства, теперь же прежде всего прослѣдимъ развитіе этого способа производства.

Слѣдующій шагъ, сдѣланный капиталистомъ, состоялъ въ томъ, что онъ не сталъ больше давать рабочимъ работу на-домъ, а собиралъ ихъ въ своей собственной мастерской, гдѣ онъ могъ лучше наблюдать за ними и подгонять ихъ. Этимъ было положено основаніе собственно промышленнаго капиталистическаго *крупнаго производства*, а также и основаніе для того переворота въ техникѣ производства, который съ тѣхъ поръ совершается все болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ.

Благодаря совмѣстной работѣ многихъ въ одной мастерской впервые сдѣлалось возможнымъ *раздѣленіе труда въ самомъ производствѣ*.

При господствѣ мелкаго производства раздѣленіе труда вело къ тому, что увеличивалось число *ремеслъ*, число же *видовъ* продуктовъ, производимыхъ каждымъ отдѣльнымъ ремесленникомъ, становилось все меньше и меньше.

Но все-же каждый отдѣльный ремесленникъ производилъ весь предметъ цѣликомъ. Раздѣленіе труда, напр. въ хлѣбопеченіи, сводилось къ тому, что не всякій пекарь изготовлялъ всѣ сорта хлѣба. Одни пекли только бѣлый хлѣбъ, другіе—только черный. Но каждый производилъ цѣлые хлѣбы. Иначе обстоитъ дѣло при раздѣленіи труда въ самомъ производствѣ. Оно приводитъ къ тому, что различныя манипуляціи, необходимыя для полученія продукта, предоставляются опредѣленнымъ рабочимъ, изъ которыхъ каждый подготовляетъ продуктъ для другого. Дѣятельность отдѣльнаго рабочаго, такимъ образомъ, сводилась все больше и больше къ выполненію какихъ-нибудь отдѣльныхъ простыхъ движеній, которыя ему приходилось непрерывно повторять. Крупное производство, въ которомъ работа ведется такимъ способомъ, представляетъ *мануфактуру*. Продуктивность, производительность труда отдѣльнаго рабочаго повысилась, благодаря этому, необыкновенно. Но еще бо̀льшее значеніе имѣло другое послѣдствіе. Когда раздѣленіе труда въ какой-нибудь отрасли производства подвинулось впередъ настолько, что изготовленіе продукта распалось на свои простѣйшія манипуляціи и рабочій былъ низведенъ до степени *машины*, оставалось сдѣлать лишь незначительный шагъ къ тому, чтобы замѣнить рабочаго машиной.

И этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Ему благопріятствовало развитіе *естественныхъ наукъ*, прежде всего открытіе движущей силы пара, и этимъ въ первый разъ была создана двигательная сила, независимая отъ прихотей стихій, вполнѣ подвластная человѣку.

Введеніе машины въ промышленность знаменовало собою экономическую *революцію*. Благодаря ей крупное капиталистическое производство получило свою высшую и наиболѣе совершенную форму,—форму *фабрики*. Въ машинѣ капиталистическое производство пріобрѣло свое самое могучее орудіе, которое, шутя, преодолѣвало всякое сопротивленіе и превратило ходъ экономическаго развитія въ величественное тріумфальное шествіе капитала.

Въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія были изобрѣтены и введены въ англійской *ткацкой промышленности* первыя приспособленныя къ практикѣ, машины. Къ этому же времени относится изобрѣтеніе *паровой машины*. Съ тѣхъ поръ машина быстро завоевывала одну отрасль промышленности за другой, одну страну за другой. До сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія капиталистическая фабричная промышленность была за предѣлами Англіи незначительна; въ пятидесятыхъ годахъ она пережила быстрый подъемъ во Франціи; въ шестидесятыхъ, особенно же въ семидесятыхъ годахъ, она завоевала Соединенные Штаты, Германію, Австрію. Въ послѣднее десятилѣтіе она утвердилась даже въ варварской Россіи, въ Остъ-Индіи и Австраліи; она начинаетъ уже водворяться въ Восточной Азіи, Южной Африкѣ и Южной Америкѣ. Что значатъ величайшія міровыя имперіи прежнихъ вѣковъ передъ этой гигантской имперіей, которую сдѣлала себѣ подвластной капиталистическая промышленность?

Въ 1837 году число паровыхъ машинъ въ Пруссіи равнялось 423 въ 7500 лошадиныхъ силъ. Въ 1901 году насчитывалось тамъ однихъ только неподвижныхъ паровыхъ машинъ 70,832. Число лошадиныхъ силъ въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ Пруссіи превышаетъ четыре милліона.

Работа, производимая паровыми машинами всего міра, уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ опредѣлялась какъ равная работѣ 200 милліоновъ лошадей или работѣ *тысячи милліоновъ людей*.

Благодаря паровой машинѣ весь способъ производства былъ вовлеченъ въ процессъ непрерывнаго измѣненія формъ. Изобрѣтенія, открытія слѣдуютъ одно за другимъ. Съ одной стороны машины съ каждымъ днемъ завоевываютъ новыя области, въ которыхъ до тѣхъ поръ господствовала ручная работа. Съ другой стороны, въ тѣхъ отросляхъ промышленности, которыя уже подчинены фабричной системѣ, съ каждымъ днемъ старыя машины становятся лишними, благодаря новымъ, болѣе продуктивнымъ; нерѣдко же, благодаря новому изобрѣтенію, однимъ взмахомъ создаются цѣлыя новыя отрасли промышленности и осуждаются на смерть старыя.

Тридцать лѣтъ тому назадъ одинъ рабочій производилъ, при помощи прядильной машины, уже въ сто разъ больше продукта, чѣмъ прядильщица, работающая ручнымъ способомъ. По даннымъ анкеты

американскаго департамента труда (Departement of Labour, въ Вашингтонѣ), произведенной въ 1898 году, машинный трудъ былъ производительнѣе ручного въ 163 раза. Машины уже тогда производили въ 19 часовъ 7 минутъ такое же количество пряжи, какъ ручная прядильщица въ 3117 часовъ 30 минутъ.

Какое же значеніе можетъ имѣть на ряду съ такимъ крупнымъ производствомъ мелкое ремесло?

Даже на своей низшей ступени,—въ капиталистически-эксплуатируемой домашней промышленности,—капиталистическое производство имѣетъ преимущество передъ ремесленнымъ. Мы не будемъ вовсе касаться того, что капиталистическое производство ограничиваетъ рабочаго одною спеціальностью и повышаетъ этимъ его продуктивность. Гораздо важнѣе то преимущество, которое имѣетъ капиталистъ, какъ *купецъ*, передъ ремесленникомъ. Онъ закупаетъ сырые матеріалы и прочія средства производства оптомъ, можетъ обозрѣвать состояніе рынка гораздо всестороннѣе, чѣмъ ремесленникъ, знаетъ лучше моментъ, когда можно купить дешево и продать дорого, и обладаетъ также средствами, чтобы выждать этотъ моментъ. Уже благодаря этому превосходство капиталиста надъ ремесленникомъ настолько велико, что послѣдній не можетъ даже выдержать конкуренціи *домашней промышленности* во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ вопросъ заходитъ о *массовомъ производствѣ*, о производствѣ на продажу. Даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ ручная работа, исполняемая на-дому, въ настоящее время является еще единственной господствующей формой труда,—самостоятельность рабочаго исчезаетъ, какъ скоро эти отрасли начинаютъ производить для вывоза. Превратить ремесло въ промышленность для вывоза—это значитъ уничтожить ремесло, превратить его въ капиталистически-эксплуатируемую домашнюю промышленность. Отсюда видно, насколько прозорливы тѣ «соціальные реформаторы», которые хотятъ спасти гибнущее ремесло путемъ расширенія рынковъ для сбыта.

Итакъ, уже съ самаго начала капиталистическаго производства, когда оно еще совсѣмъ несложно, оно превосходитъ ремесло во всѣхъ областяхъ массового производства. Машина дѣлаетъ это превосходство совершенно подавляющимъ.

Ремесло можетъ еще держаться только въ тѣхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ дѣло идетъ не о *массовомъ производствѣ*, но о *производствѣ единичныхъ предметовъ* при узко ограниченномъ рынкѣ.

Однако, машина произвела переворотъ не только въ *промышленности*, но и въ *средствахъ сообщенія*. Пароходы и желѣзныя дороги все больше понижаютъ стоимость транспорта товаровъ, все больше и больше связываютъ самыя отдаленныя и самыя

недоступныя мѣстности съ центрами промышленности и съ каждымъ днемъ расширяютъ для каждаго изъ нихъ рынокъ для сбыта Только благодаря этому машина получаетъ возможность развить вполнѣ дѣятельность свою въ промышленности. Исполинское возрастаніе размѣровъ производства, вызванное введеніемъ машины, требуетъ соотвѣтственнаго расширенія *сбыта*.

По мѣрѣ того, какъ расширяются и совершенствуются средства сообщенія, по мѣрѣ того, какъ расширяется рынокъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности, — суживается область ремесла. Поговорка о ремеслѣ—золотомъ днѣ—ужъ давно потеряла всякій смыслъ. Число отраслей труда и мѣстностей, въ которыхъ ремесло еще можетъ влачить свое существованіе уже сильно ограничено и замѣтно сокращается. *Фабрика господствуетъ, и дни ремесла сочтены.*

Сказанное о ремеслѣ примѣнимо также, хотя и не въ такой мѣрѣ, и къ мелкому крестьянскому производству. Тамъ, гдѣ земледѣліе, какъ въ мелкомъ, такъ и въ крупномъ хозяйствѣ, сдѣлалось преимущественно товарнымъ производствомъ на *продажу*, а не для собственнаго потребленія,—тамъ крупное производство, даже не будучи болѣе производительнымъ,—имѣетъ уже съ самаго начала то преимущество передъ мелкимъ производствомъ, которое капиталистъ повсюду имѣетъ передъ ремесленникомъ: лучшее знаніе рынка и господство на немъ. Но крупный землевладѣлецъ или арендаторъ, имѣющій достаточно капитала, можетъ сдѣлать свое хозяйство и болѣе производительнымъ, чѣмъ крестьянинъ; онъ можетъ завести и примѣнять лучшій инвентарь, лучшій племенной и рабочій скотъ, лучшее удобреніе, лучшія сѣмена и т. д., чѣмъ крестьянинъ.

Техническія и коммерческія преимущества крупнаго сельско-хозяйственнаго производства были, правда, въ Европѣ нѣсколько ограничены въ два послѣднія десятилѣтія, благодаря за-океанической сельско-хозяйственной конкуренціи, которая гораздо сильнѣе отразилась на крупномъ европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ на мелкомъ. Это произошло во-первыхъ оттого, что конкуренція рѣзче всего сказалась въ производствѣ хлѣбовъ, гдѣ техническое превосходство крупнаго производства надъ мелкимъ въ сельскомъ хозяйствѣ проявляется всего сильнѣе. Въ крупномъ производствѣ преобладаетъ воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній, а оно больше всего страдаетъ отъ конкуренціи американскаго хищническаго хозяйства. Далѣе крупное производство болѣе страдало отъ внѣшней конкуренціи, такъ какъ оно больше производитъ на рынокъ, мелкое производство пока еще само потребляетъ значительную часть своихъ продуктовъ. Слѣдовательно, оно и менѣе зависитъ отъ рынка, чѣмъ крупное производство.

Но эти благопріятныя для мелкаго производства условія могутъ имѣть только преходящее значеніе. За-океаническая конкуренція не

ограничится областью воздѣлыванія хлѣбовъ: она повліяетъ также и на развитіе скотоводства; и производство для собственнаго потребленія все болѣе суживается у крестьянина и вытѣсняется товарнымъ производствомъ — производствомъ для продажи. Особенно развитіе желѣзныхъ дорогъ и увеличеніе налоговъ способствуютъ расширенію товарнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ крестьянинъ связывается съ міровымъ рынкомъ; налоги вынуждаютъ его искать рынка, ибо онъ не въ состояніи уплатить ихъ, не продавъ соотвѣтственнаго количества своего продукта. Чѣмъ выше налоги, тѣмъ больше поставленъ крестьянинъ въ зависимость отъ рынка, тѣмъ больше его производство становится товарнымъ производствомъ, тѣмъ больше онъ подверженъ конкуренціи крупнаго производства. *Ни на одномъ классѣ населенія ростъ податного бремени не отражается такъ гибельно, какъ на мелкомъ крестьянствѣ.* Милитаризмъ служитъ въ наши дни самой важной причиной увеличенія налоговъ. Но тѣ самые люди, которые выдаютъ себя за лучшихъ друзей крестьянина,—крупные землевладѣльцы,— являются самыми ревностными поборниками милитаризма. Для крупныхъ землевладѣльцевъ милитаризмъ представляетъ только выгоды: онъ вызываетъ необходимость массовыхъ поставокъ пищевыхъ продуктовъ для солдатъ и лошадей, — массовыхъ поставокъ, которыя можетъ удовлетворить только крупное хозяйство. А для сыновей крупнаго землевладѣльца милитаризмъ доставляетъ многочисленныя хорошо оплачиваемыя офицерскія мѣста. У крестьянина милитаризмъ отнимаетъ его лучшую рабочую силу—его сына; взамѣнъ этого онъ взваливаетъ на него непосильное бремя налоговъ и гонитъ его на рынокъ, гдѣ его давитъ конкуренція крупнаго отечественнаго производства и иностраннаго хищническаго хозяйства.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, начиная со времени возникновенія капиталистическаго способа производства и вплоть до середины 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, было очень ясно замѣтно исчезновеніе самостоятельнаго крестьянскаго мелкаго производства. Крестьянинъ пролетаризировался частью благодаря тому, что его хозяйство поглощалось крупнымъ хозяйствомъ, частью же — гдѣ не было по сосѣдству крупнаго производства—благодаря дробленію, парцелляціи его владѣнія. Это развитіе во многихъ мѣстностяхъ еще продолжается, въ нѣкоторыхъ же оно прекратилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе указаннаго выше вліянія за-океанической конкуренціи, частью же вслѣдствіе все растущаго ухода сельскихъ рабочихъ въ города, на чемъ мы здѣсь останавливаться не будемъ. Статистика даетъ намъ, напримѣръ, слѣдующія цифры:

ФРАНЦІЯ. Размѣръ землевладѣнія.	1882—1892 Увеличеніе (+) Уменьшеніе (—)	ГЕРМАНІЯ. Размѣръ землевладѣнія.	1882—1895 Увеличеніе (+) Уменьшеніе (—)
Ниже 1 гект.	+ 243.420 гект.	Ниже 2 гект.	— 17.494 гект.
1—5 »	— 108.434 »	2—5 »	+ 95.781 »
5—10 »	— 13.140 »	5—20 »	+ 563.477 »
10—40 »	— 532.243 »	20—100 »	— 38.333 »
Выше 40 »	+ 197.288 »	Выше 100 »	+ 45.533 »

Однако повсюду встрѣчаемъ мы упадокъ *самостоятельнаго*, независимаго *отъ капитала*, сельско-хозяйственнаго производства. *Арендная система* и *задолженность* растутъ. Въ германской имперіи задолженность поземельной собственности возрасла въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1886 г. по 1895 г. ровно на 23.000 милліоновъ марокъ. Число же хозяйствъ съ арендной землей увеличилось съ 1882 г. по 1895 годъ съ 2.322,899 до 2.667,210, слѣдовательно, на 284,311.

Наконецъ, мы наблюдаемъ *уменьшеніе* всего сельско-хозяйственнаго населенія. Въ Германской имперіи оно равнялась въ 1882 г.— 18.704,038, а въ 1895 г. уже только 17.815,187 человѣкъ, слѣдовательно, почти на милліонъ меньше.

Однако, еще рѣзче, чѣмъ въ *сельскомъ* хозяйствѣ, проявляется упадокъ мелкаго производства въ промышленности. Здѣсь уменьшеніе абсолютное:

Въ промышленности Германской имперіи насчитывали:

	1882 г.	1895 г.	Ростъ (+) Уменьш. (—)
мелкихъ заведеній (1—5 рабочихъ)	2.175,857	1.989,572	— 8,6%
среднихъ заведеній (6—50 рабочихъ)	85,001	139,459	+ 64,1%
крупныхъ заведеній (свыше 50 рабочихъ)	9,481	17,941	+ 89,3%

Одновременно населеніе возросло на 14,5%.

Число рабочихъ въ мелкихъ промышленныхъ предпріятіяхъ составляло еще въ 1882 г. гораздо больше половины (59%) всѣхъ промышленныхъ рабочихъ (4.335,822 изъ 7.340,789 рабочихъ), въ 1895 г. уже только 46,5% (4.770,669 изъ 10.269,269). Число же рабочихъ крупныхъ предпріятій удвоилось въ тотъ же промежутокъ времени (съ 1.613,247 до 3.044,267).

Эти цифры поразительны, если принять во вниманіе юношескій

возрастъ нѣмецкаго капитализма, ибо гибель мелкаго производства представляетъ, обыкновенно, очень длительный процессъ.

Примѣръ пояснитъ это.—Машинное ткачество (главнымъ образомъ англійское) уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія оказывало въ Германіи такую жестокую конкуренцію ручному ткачеству, что бѣдность ручныхъ ткачей вошла въ поговорку и вызывала голодные бунты. Тѣмъ не менѣе, по даннымъ статистики 1882 г., въ Германской имперіи изъ 491,796 ткачей 285,444—слѣдовательно, больше половины—работало еще въ мелкихъ заведеніяхъ, занимающихъ отъ 1 до 5 человѣкъ. И все же никому не пришло тогда въ голову дѣлать отсюда выводъ, что ручное ткачество имѣетъ еще будущность, что его гибель не является неизбѣжной. Въ Англіи уже давно померъ съ голоду послѣдній ручной ткачъ. И въ Германіи ихъ дни сочтены. Число ткачей, занятыхъ въ мелкихъ заведеніяхъ, понизилось съ 1882 г. по 1895 г. съ 285,444 до 156,242.

Если, несмотря на это, еще существуетъ такъ много ручныхъ ткачей, то это доказываетъ не способность мелкаго производства въ конкуренціи, а лишь *способность* ручныхъ ткачей *голодать*.

Полное исчезновеніе мелкаго производства является не первымъ, но послѣднимъ актомъ трагедіи, озаглавленной: гибель мелкаго производства. Первое слѣдствіе конкуренціи капиталистическаго производства заключается въ томъ, что ремесленникъ, — а все, что относится къ нему, примѣнимо также съ нѣкоторыми измѣненіями и къ крестьянину,—мало-по-малу лишается всего благосостоянія, накопленнаго прилежаніемъ его и его предковъ. Мелкій производитель бѣднѣетъ; чтобы противодѣйствовать обѣднѣнію, приходится работать поусерднѣе. Рабочій день растягивается до поздней ночи, жена и дѣти привлекаются къ работѣ для заработка; мѣсто взрослыхъ дорого стоющихъ подмастерьевъ занимаютъ болѣе дешевые ученики, число которыхъ чрезмѣрно увеличивается. И въ то время какъ рабочее время удлиняется и трудовая дѣятельность становится лихорадочной, безъ отдыха, безъ перерывовъ, питаніе ухудшается, расходы на квартиру и одежду все больше и больше сокращаются.

Нѣтъ существованія болѣе жалкаго, болѣе бѣдственнаго, чѣмъ существованіе мелкаго промышленника или крестьянина, ведущаго борьбу со всемогущимъ капиталомъ.

Не безъ основанія говорятъ, что наемнымъ рабочимъ въ настоящее время живется лучше, чѣмъ мелкимъ крестьянамъ и мелкимъ мастерамъ. Этимъ хотятъ доказать, что рабочіе не имѣютъ никакого права быть недовольными. Но стрѣла, направленная въ соціалъ-демократію, попадаетъ не въ нее, а въ частную собственность. Въ самомъ дѣлѣ, если положеніе *неимущихъ* лучше, чѣмъ положеніе *имущихъ* рабочихъ мелкаго производства,—то какую же цѣнность

имѣетъ еще собственность для послѣднихъ? Она перестаетъ быть полезной, она начинаетъ имъ причинять вредъ. Если, напр., ткачъ, работающій на-дому, держится за свое скудное хозяйство, хотя бы онъ могъ больше заработывать на фабрикѣ,—то только потому, что онъ еще кое-чѣмъ *владѣетъ*, домикомъ и клочкомъ — другимъ картофельнаго поля, которыми пришлось бы пожертвовать, если бы онъ бросилъ свое хозяйство. Для бѣдноты владѣніе средствами производства изъ защиты отъ нищеты превратилось въ путы, которыя привязываютъ его къ нищетѣ. Дѣйствіе частной собственности превратилось для него въ свою противоположность. То, что сто лѣтъ тому назадъ было благословеніемъ для ремесленника и крестьянина, въ настоящее время становится его проклятіемъ.

Но, скажутъ, цѣною этой бѣдности мелкій ремесленникъ и крестьянинъ все же покупаетъ себѣ большую самостоятельность и свободу, чѣмъ та, которою пользуется неимущій наемный рабочій. Но и это не вѣрно. Гдѣ мелкое производство приходитъ въ соприкосновеніе съ капиталомъ, тамъ оно попадаетъ очень скоро въ полную зависимость отъ послѣдняго. Ремесленникъ становится рабочимъ домашней промышленности, находящимся въ кабалѣ у капиталиста; его жилище превращается въ филіальное отдѣленіе фабрики, или же онъ становится агентомъ капиталиста, продавцемъ фабричнаго товара, занимаясь на ряду съ этимъ еще лишь починками. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, онъ всецѣло находится въ зависимости отъ капиталиста. Точно также и крестьянинъ, который не можетъ противостоять конкуренціи, оставаясь земледѣльцемъ, и попадаетъ подъ гнетъ ростовщика или государственныхъ налоговъ, также хватается либо за домашнюю промышленность, работая на капиталиста, либо же нанимается поденно, работая на крупнаго сельскаго хозяина. Онъ можетъ также заняться отхожимъ промысломъ или пойти на фабрику или рудники, оставивъ работу на своемъ участкѣ на жену и малолѣтнихъ дѣтей. Гдѣ же тутъ его независимость и свобода? Его собственность—вотъ все, что отличаетъ его отъ пролетарія, но какъ разъ эта собственность мѣшаетъ ему искать лучшихъ условій работы, она приковываетъ его къ землѣ и дѣлаетъ его *зависимѣе* неимущаго наемнаго рабочаго. Частная собственность на средства производства увеличиваетъ, такимъ образомъ, не только матеріальную *нищету*, но также и *зависимость* маленькаго человѣка. Ея дѣйствіе и въ этомъ отношеніи превратилось въ свою противоположность; изъ оплота свободы она сдѣлалась средствомъ порабощенія.

Но, говорятъ, частная собственность обезпечиваетъ ремесленнику и крестьянину все же собственность на продукты его труда. Ну, это слабое утѣшеніе, если цѣнность этихъ продуктовъ такъ сильно упала, что ея недостаточно для удовлетворенія потребностей производителя

и его семьи. Но даже и это слабое утѣшеніе невѣрно. Оно не примѣнимо прежде всего къ громадной арміи тѣхъ, которые должны прибѣгать къ домашней промышленности или поденной работѣ, чтобы поддержать свое существованіе. Но оно не примѣнимо также и къ большинству тѣхъ мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ, которыхъ не подчинилъ еще себѣ непосредственно всемогущій капиталъ, такъ что до сихъ поръ имъ посчастливилось сохранить съ виду свою полную самостоятельность. Оно не примѣнимо ко всѣмъ тѣмъ, кто *имѣетъ долги*. Ростовщикъ, у котораго заложена крестьянская земля, обладаетъ бо́льшимъ правомъ на продуктъ труда, чѣмъ онъ самъ. Сперва надо удовлетворить ростовщика; только то, что отъ него останется, принадлежитъ крестьянину; будетъ ли этого остатка достаточно для содержанія крестьянина и семьи,—это нисколько не касается ростовщика. Крестьянинъ и ремесленникъ работаютъ точно такъ же на капиталиста, какъ и наемный рабочій. Разница, которую создаетъ въ этомъ отношеніи частная собственность между имущими и неимущими рабочими, заключается лишь въ томъ, что заработная плата послѣднихъ въ общемъ сообразуется съ ихъ обычными потребностями, между тѣмъ какъ для доходовъ имущихъ рабочихъ подобной границы не существуетъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ съ ними можетъ случиться, что ростовщическій процентъ не оставитъ совершенно ничего отъ продукта ихъ труда, что они *работаютъ даромъ*—благодаря частной собственности!

Если еще въ глухихъ мѣстностяхъ существуютъ такіе крестьяне и ремесленники, которые не имѣютъ долговъ, то *государственные долги* заботятся о томъ, чтобы и ихъ обязать платить капиталу проценты. Въ процентахъ по ипотекамъ, векселямъ и т. под. крестьяне и ремесленники оплачиваютъ по крайней мѣрѣ только проценты на капиталъ, ими самими полученный. Въ формѣ же налоговъ, которые идутъ на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, они платятъ проценты на капиталъ, который заняло государство, чтобы при помощи его на ихъ же счетъ обогатить ихъ конкурентовъ и эксплуататоровъ: поставщиковъ, строительныхъ подрядчиковъ, крупныхъ промышленниковъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и т. под. *Милитаризмъ и государственные долги*—вотъ два могучихъ средства, съ помощью которыхъ современное государство вовлекаетъ даже самую глухую деревушку въ область капиталистической эксплуатаціи и способствуетъ гибели крестьянства и ремесленниковъ.

Что же является конечнымъ результатомъ этой мучительной борьбы противъ всесильной конкуренціи крупнаго производства? Какая награда ждетъ ремесленника и крестьянина за его «бережливость» и его «прилежаніе», т. е. за то, что онъ закрѣпощаетъ

себя вмѣстѣ съ своей женой, что онъ истощаетъ себя и физически, и духовно? Награда за это—*банкротство*, полное лишеніе собственности (для этого существуетъ техническое выраженіе—экспропріація), отдѣленіе отъ средствъ производства, *паденіе въ ряды пролетаріата*.

Таковъ неизбѣжный конечный итогъ экономическаго развитія въ современномъ обществѣ, столь же неизбѣжный, какъ и смерть. И какъ смерть кажется избавительницей больному, одержимому мучительнымъ недугомъ, такъ и банкротство при нынѣшнихъ условіяхъ очень часто является для мелкаго производителя избавленіемъ,—избавленіемъ отъ собственности, которая сдѣлалась для него тяжелымъ бременемъ. Дальнѣйшее существованіе мелкаго производства ведетъ къ такому приниженію, къ такой нищетѣ, что можно спросить себя: имѣли ли бы мы право задерживать гибель мелкаго производства, если бы его можно было въ самомъ дѣлѣ задержать? Развѣ было бы желательнѣе, чтобы всѣ мелкіе промышленные производители и крестьяне спустились до уровня ручныхъ ткачей Рудныхъ горъ, чѣмъ сдѣлались наемными рабочими крупной промышленности?

Но только объ одномъ этомъ и можетъ идти рѣчь при попыткахъ поддержать мелкое производство, ибо вновь превратить ремесло и мелкое крестьянское хозяйство въ цвѣтущія отрасли, такъ чтобъ они обезпечивали мелкому предпринимателю достаточное участіе въ благахъ современной культуры, невозможно въ вѣкъ пара и электричества.

Самостоятельное, независимое отъ капитала мелкое производство, являющееся полнымъ хозяиномъ своихъ средствъ производства и своихъ продуктовъ,—это производство, на которомъ въ средніе вѣка и даже вплоть до XVII вѣка покоилась вся хозяйственная жизнь, гибнетъ неудержимо передъ шествующимъ впередъ капитализмомъ, захватывающимъ одну отрасль производства за другой. Поскольку тамъ, гдѣ господствуетъ капиталъ, сохраняется еще въ наши дни мелкое производство, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ возникаетъ заново—оно представляетъ не болѣе, какъ скрытую форму пролетаріата и при томъ далеко не высшую его форму. Оно является послѣднимъ убѣжищемъ тѣхъ несчастныхъ неимущихъ, которые не находятъ себѣ мѣста въ крупной промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ горды, чтобы просить милостыню, слишкомъ честны, чтобы красть.

II. Пролетаріатъ.

1. Пролетарій и подмастерье.

Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли, что капиталистическое товарное производство предполагаетъ *отдѣленіе средствъ производства отъ рабочаго*. Въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ мы находимъ съ одной стороны *капиталиста*, владѣющаго средствами производства, но не принимающаго участія въ производствѣ; съ другой стороны,—*наемныхъ рабочихъ*, пролетаріевъ, не владѣющихъ ничѣмъ, кромѣ своей рабочей силы, продажей которой они живутъ, и создающихъ всецѣло своимъ трудомъ продукты этого крупнаго производства.

Чтобы доставить необходимое для потребностей капитала количество пролетаріевъ, вначалѣ понадобилось, какъ мы видѣли, прибѣгнуть къ насилію. Теперь оно больше не нужно. Превосходство крупнаго производства надъ мелкимъ въ наши дни совершенно достаточно, чтобы, не нарушая законовъ частной собственности, скорѣе даже на основаніи этихъ послѣднихъ, экспропріировать и выбрасывать на мостовую изъ года въ годъ столько крестьянъ и ремесленниковъ, чтобы ихъ число,—вмѣстѣ съ потомствомъ уже «освобожденныхъ» пролетаріевъ,—съ избыткомъ покрывало потребность капиталистовъ въ свѣжемъ человѣческомъ мясѣ.

Число пролетаріевъ быстро и непрерывно растетъ,—это настолько очевидный фактъ, что его не осмѣливаются отрицать даже тѣ, которые хотѣли бы насъ увѣрить, что въ настоящее время общество покоится на тѣхъ же основахъ, какъ сто и болѣе лѣтъ тому назадъ, и которые рисуютъ намъ будущее мелкаго производства въ самомъ розовомъ свѣтѣ.

Какъ въ промышленности крупное капиталистическое производство сдѣлалось господствующей формой, такъ и въ государствѣ и обществѣ наемный рабочій,—именно промышленный наемный рабо-

чій,—занялъ первенствующее мѣсто среди трудящихся классовъ. Четыреста лѣтъ тому назадъ это мѣсто занимали еще крестьяне, а сто лѣтъ назадъ—мелкая буржуазія.

Пролетаріи уже теперь являются въ культурныхъ государствахъ самымъ сильнымъ классомъ; ихъ условія существованія и ихъ воззрѣнія все больше и больше опредѣляютъ собой образъ жизни и мысли другихъ трудящихся классовъ. Но это означаетъ полный переворотъ въ традиціонныхъ условіяхъ жизни и формахъ мышленія огромной массы населенія. Ибо условія жизни пролетаріевъ, главнымъ образомъ промышленныхъ (сельское хозяйство при капиталистическомъ способѣ производства также становится промышленностью), вполнѣ отличны отъ условій жизни прежнихъ рабочихъ слоевъ.

Если крестьянинъ и ремесленникъ являются свободными -собственниками своихъ средствъ производства, то имъ принадлежитъ и весь продуктъ ихъ труда. Напротивъ, продуктъ труда пролетарія принадлежитъ не ему, но капиталисту, покупателю его рабочей силы, собственнику необходимыхъ средствъ производства. Конечно, трудъ пролетарія оплачивается капиталистомъ, но стоимость, заключенная въ его заработной платѣ, ни въ коемъ случаѣ не совпадаетъ со стоимостью произведеннаго имъ продукта.

Когда капиталистъ-промышленникъ покупаетъ товаръ—рабочую силу, то, разумѣется, онъ дѣлаетъ это съ намѣреніемъ употребить ее съ выгодой. Мы видѣли, что затрата опредѣленнаго количества труда создаетъ опредѣленную величину стоимости. Чѣмъ больше производитъ рабочій, тѣмъ будетъ больше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, созданная имъ стоимость. Если бы промышленникъ-капиталистъ заставлялъ нанятаго имъ рабочаго работать лишь столько времени, чтобы произведенная имъ стоимость была равна стоимости заработной платы, которую онъ получаетъ,—то предприниматель не получилъ бы никакой прибыли. Но какъ бы охотно этотъ послѣдній ни разыгрывалъ изъ себя благодѣтеля бѣдствующаго человѣчества, капиталъ громко требуетъ прибыли и капиталисты оказываются далеко не глухими къ этому требованію. Чѣмъ дольше работаетъ на службѣ у капиталиста рабочій сверхъ времени, необходимаго для производства стоимости его заработной платы, тѣмъ больше тотъ избытокъ всей общей стоимости произведеннаго имъ продукта надъ стоимостью, которую представляетъ его заработная плата,—тѣмъ больше *прибавочная стоимость*—такъ называется этотъ избытокъ, тѣмъ сильнѣе эксплуатація рабочаго. Граница этой послѣдней лежитъ только въ истощеніи силъ эксплуатируемаго и... въ силѣ его сопротивленія эксплуататору.

Слѣдовательно, для пролетарія частная собственность на средства производства съ самаго начала имѣетъ совершенно другое зна-

ченіе, чѣмъ для ремесленника и крестьянина. Если для послѣднихъ она была первоначально средствомъ обезпеченія за ними полнаго обладанія продуктомъ своего труда, то для пролетарія она всегда была и будетъ ничѣмъ инымъ, какъ только средствомъ его эксплуатаціи, средствомъ удержанія созданной имъ прибавочной стоимости. Пролетарій поэтому менѣе всего является поклонникомъ частной собственности. И этимъ онъ отличается не только отъ имущаго крестьянина и ремесленника, но даже и отъ подмастерья до-капиталистической эпохи.

Подмастерья представляютъ переходъ отъ самостоятельнаго ремесленника къ пролетарію, подобно тому, какъ и тѣ предпріятія, въ которыхъ они были заняты въ большомъ числѣ, представляли переходъ отъ мелкаго производства къ крупному. И, несмотря на это, какъ сильно отличаются они отъ пролетаріевъ!

Они принадлежали къ семьѣ мастера и надѣялись превратиться со временемъ и сами въ мастеровъ. Пролетарій всецѣло предоставленъ самому себѣ и осужденъ вѣчно оставаться пролетаріемъ. Въ двухъ этихъ пунктахъ заключается коренная основа различій между подмастерьемъ и пролетаріемъ.

Такъ какъ подмастерье принадлежалъ къ семьѣ хозяина, то онъ вмѣстѣ съ нимъ ѣлъ за однимъ столомъ и спалъ въ его домѣ. Его денежный заработокъ составлялъ только часть того, что онъ получалъ отъ мастера за свою рабочую силу. Заработная плата шла не столько на удовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей, которыя удовлетворялись благодаря тому, что онъ жилъ на харчахъ у мастера,—сколько на удовольствія или на *сбереженіе*, на накопленіе тѣхъ средствъ, которыя были нужны подмастерью, чтобъ достигнуть положенія мастера.

Подмастерье работалъ вмѣстѣ съ мастеромъ. Если послѣдній чрезмѣрно удлинялъ рабочій день, то не только для своего подмастерья, но также и для себя. Поэтому стремленіе мастера напрягать трудъ до крайняго предѣла было не очень сильно, и въ большинствѣ случаевъ это стремленіе не трудно было побороть. Когда же мастеръ старался сдѣлать условія труда возможно болѣе пріятными для себя, отъ этого выигрывали и его подмастерья.

Средства производства, необходимыя мелкому мастеру, были до такой степени незначительны, что подмастерью вовсе не нужно было имѣть большого состоянія, чтобы самому сдѣлаться мастеромъ. Поэтому у каждаго подмастерья въ виду было положеніе мастера, онъ чувствовалъ себя уже будущимъ мастеромъ,—и такъ какъ *сбереженіе* должно было дать ему средство къ достиженію званія мастера, то онъ являлся такимъ же рѣшительнымъ защитникомъ частной собственности, какъ и самостоятельный ремесленникъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь мы имѣемъ въ виду условія ремесленнаго труда въ до-капиталистическую эпоху.

Теперь сравнимъ съ ними условія, въ которыхъ находится пролетарій.

Въ капиталистическомъ предпріятіи наемные рабочіе и капиталисты работаютъ не вмѣстѣ. Хотя въ ходѣ экономическаго развитія промышленникъ-капиталистъ и отдѣляется отъ купца въ собственномъ смыслѣ, и капиталисты въ области торговли и въ области промышленности становятся двумя различными классами, тѣмъ не менѣе промышленникъ-капиталистъ по сути дѣла является также купцомъ. Его дѣятельность, какъ капиталиста,—поскольку вообще онъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ своего предпріятія,—ограничивается, какъ и дѣятельность купца, *рынкомъ*. Его задача въ томъ, чтобы покупать все необходимое сырье, вспомогательные матеріалы, рабочую силу и т. д. насколько возможно цѣлесообразнѣе и дешевле и продать приготовленные въ его предпріятіи товары возможно дороже. Въ области *производства* ему остается только заботиться, чтобы рабочіе за возможно низкую плату производили возможно больше работы, чтобы выжать изъ нихъ возможно больше прибавочной стоимости. По отношенію къ своимъ рабочимъ онъ *не товарищъ по работѣ, но надсмотрщикъ и эксплуататоръ*. Чѣмъ дольше они работаютъ, тѣмъ лучше для него. Онъ не устанетъ отъ того, что рабочій день слишкомъ продолжителенъ, его не погубятъ убійственныя условія труда.

Поэтому капиталистъ относится гораздо безпощаднѣе къ жизни и здоровью рабочаго, чѣмъ мастеръ — ремесленникъ. Удлиненіе рабочаго дня, отмѣна праздничныхъ дней, введеніе ночной работы, работы въ сырыхъ, чрезмѣрно жаркихъ или наполненныхъ вредными газами мастерскихъ и т. д. и т. д.—вотъ «улучшенія», которыя несетъ рабочимъ капиталистическое производство.

Введеніе машинъ еще больше увеличиваетъ опасность для здоровья и жизни рабочаго. Онъ прикованъ теперь къ чудовищу, которое безпрерывно движется, съ гигантской силой и безумной скоростью. Только самое напряженное, ни на минуту не ослабѣвающее, вниманіе можетъ при такой машинѣ оградить рабочаго отъ опасности быть ею захваченнымъ и раздавленнымъ. Предохранительныя приспособленія стоятъ денегъ, и капиталистъ ихъ не вводитъ, пока его къ тому не вынудятъ. Бережливость—также главная добродѣтель капиталиста; она заставляетъ его также экономить на помѣщеніи, втискивая въ одну мастерскую возможно больше машинъ. Ему мало горя, если это угрожаетъ цѣлости членовъ его рабочихъ. Рабочіе дешевы, а большія просторныя мастерскія дороги.

Но капиталистическое примѣненіе машинъ еще и въ другомъ отношеніи ухудшаетъ условія труда рабочаго.

Инструменты ремесленника стоили не дорого. Они также рѣдко подвергались большимъ измѣненіямъ, которыя дѣлали бы ихъ негодными. Иначе дѣло обстоитъ съ машиной. Она стоитъ денегъ, много денегъ. Если она становится негодной прежде времени или если она не использована въ достаточной степени, то она приноситъ капиталисту вредъ, вмѣсто пользы. Но машина изнашивается не только во время употребленія, но даже и въ то время, когда она не работаетъ. Съ другой стороны примѣненіе науки къ области промышленности, плодомъ котораго и явилась машина, повело къ тому, что непрерывно совершаются все новыя открытія и изобрѣтенія, — большей или меньшей важности, — и, благодаря этому, то одинъ, то другой родъ машинъ или даже цѣлыя фабрики становятся неспособными къ конкуренціи и такимъ образомъ обезцѣниваются прежде, чѣмъ онѣ были до конца использованы. Благодаря этимъ непрерывнымъ переворотамъ въ техникѣ каждая машина подвержена опасности обезцѣниться раньше, чѣмъ она износится. Основаніе, достаточное для того, чтобы капиталистъ постарался использовать машину какъ можно скорѣе послѣ того, какъ она куплена. Другими словами, машинное производство является для капиталистовъ своего рода шпорами, заставляющими ихъ елико-возможно удлинять рабочее время, вводить, гдѣ только можно, непрерывное производство, денныя и ночныя смѣны, и превращать такимъ образомъ столь вредную ночную работу въ постоянное учрежденіе.

Когда машинное производство стало развиваться, нѣкоторые идеалисты провозгласили наступленіе золотого вѣка. Машина сниметъ съ рабочаго его трудъ и превратитъ его въ свободнаго человѣка. Но въ рукахъ капиталиста машина сдѣлалась могучимъ рычагомъ, превратившимъ трудъ пролетарія въ гнетущее бремя и сдѣлавшимъ для него невыносимымъ и убійственнымъ его порабощеніе.

Какъ въ отношеніи *рабочаго времени*, такъ и въ отношеніи *заработной платы*, наемный рабочій капиталистическаго способа производства поставленъ въ худшія условія, чѣмъ прежній подмастерье. Пролетарій не ѣстъ за однимъ столомъ съ капиталистомъ, не живетъ въ его жилищѣ. Въ какой бы убогой квартирѣ онъ ни жилъ, какими бы отвратительными отбросами онъ ни питался, какъ бы ни голодалъ даже, — здоровье капиталиста отъ этого нисколько не страдаетъ. Понятія *голодъ* и *заработная плата* прежде исключали другъ друга. Раньше свободный рабочій могъ голодать развѣ только въ томъ случаѣ, если не находилъ работы. Кто работалъ, у того было, что ѣсть. Капиталистическому способу производства принадлежитъ та заслуга, что онъ примирилъ обѣ эти противоположности—*голодъ и заработную плату*—и превратилъ *голодную заработную плату* въ постоянное учрежденіе, даже въ опору общества.

2. Заработная плата.

Заработная плата не можетъ повыситься настолько, чтобы сдѣлать для капиталиста невозможнымъ продолжать свое предпріятіе и жить на счетъ его. Ибо при такихъ условіяхъ для капиталиста было бы выгоднѣе совсѣмъ бросить свое дѣло. Слѣдовательно, заработная плата рабочаго никогда не можетъ достигнуть такой высоты, чтобы она равнялась стоимости произведеннаго имъ продукта. Отъ нея всегда долженъ оставаться нѣкоторый избытокъ,—прибавочная стоимость, ибо только ожиданіе этого избытка побуждаетъ капиталиста покупать рабочую силу. Заработная плата, слѣдовательно, никогда не можетъ въ капиталистическомъ обществѣ достигнуть такой высоты, чтобы наступилъ конецъ эксплуатаціи рабочаго.

Этотъ избытокъ, прибавочная стоимость, однако, гораздо больше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Онъ содержитъ не только прибыль фабриканта, но и многое другое, что причисляютъ къ *издержкамъ производства или торговымъ издержкамъ*: земельную ренту (наемную плату), процентъ на основной капиталъ, скидку торговцу, забирающему товаръ у промышленника, налоги и т. д. Все это идетъ за счетъ того избытка, который представляетъ собою разницу между стоимостью продукта, произведеннаго рабочимъ, и его заработной платой. Слѣдовательно, этотъ избытокъ долженъ быть весьма значительнымъ, для того, чтобы предпріятіе было «прибыльно»; поэтому заработная плата никогда не можетъ достигнуть такой высоты, чтобы рабочій получалъ хотя бы приблизительную стоимость того, что онъ произвелъ. Капиталистическая наемная система означаетъ при всѣхъ условіяхъ эксплуатацію наемнаго рабочаго. Устранить эксплуатацію невозможно до тѣхъ поръ, пока существуетъ эта система. И даже при самой высокой заработной платѣ степень эксплуатаціи рабочаго должна быть очень высока.

Но заработная плата едва-ли когда нибудь достигаетъ той высоты, которой она могла бы достигнуть. Напротивъ, гораздо чаще она приближается къ самому низкому своему уровню. Она достигаетъ этого уровня тогда, когда перестаетъ давать рабочему возможность удовлетворять даже самыя насущныя потребности. Если заработная плата такова, что рабочій, получая ее, не только голодаетъ, но и быстро погибаетъ съ голоду, тогда работа вообще идти не можетъ.

Между двумя этими границами колеблется заработная плата, то опускаясь, то поднимаясь; она тѣмъ ниже, чѣмъ незначительнѣе обычный уровень потребностей рабочаго, чѣмъ больше предложеніе рабочей силы на рынкѣ труда, чѣмъ меньше сила сопротивленія рабочаго.

Въ общемъ, заработная плата, понятно, должна быть настолько высока, чтобы поддерживать способность рабочаго къ труду, или лучше сказать, она должна быть настолько высока, чтобы обезпечить капиталисту потребное для него количество рабочей силы. Слѣдовательно, она должна быть настолько высока, чтобы давать рабочему возможность не только сохранять самого себя способнымъ къ труду, но и воспитать способныхъ къ труду дѣтей.

Экономическое развитіе обнаруживаетъ, впрочемъ, въ высшей степени пріятную для капиталистовъ тенденцію (склонность) понижать издержки на содержаніе рабочаго, *а вмѣстѣ съ тѣмъ понижать и заработную плату*.

Прежде для рабочаго были необходимы искусство и ловкость. Время обученія ремесленника было очень продолжительно, и потому весьма значительны были издержки на его воспитаніе. Успѣхи въ области раздѣленія труда и машиннаго производства дѣлаютъ спеціальное искусство и силу все болѣе излишними для производства. Они даютъ возможность рабочихъ-спеціалистовъ замѣнять болѣе дешевыми, необученными рабочими; мужчинъ — слабыми женщинами и дѣтьми. Эта тенденція обнаруживается уже въ мануфактурѣ; но лишь съ введеніемъ машины начинается массовая эксплуатація женщинъ и дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, эксплуатація наиболѣе беззащитныхъ изъ всѣхъ беззащитныхъ, съ которыми обращаются самымъ возмутительнымъ образомъ, на которыхъ взваливаютъ самый изнурительный трудъ. Здѣсь мы наблюдаемъ еще одно новое милое качество машины, присущее ей, когда она находится въ рукахъ капиталиста.

Чтобы быть въ состояніи продолжать свой родъ и передать по наслѣдству свою рабочую силу, наемный рабочій, не принадлежавшій къ семьѣ предпринимателя, первоначально долженъ былъ получать такую заработную плату, которая покрывала бы не только издержки на его собственное содержаніе, но также и издержки на содержаніе его семьи. Безъ этого послѣдняго условія потомки капиталиста не нашли бы ни одного пролетарія, котораго можно было бы эксплуатировать. Но когда жена рабочаго и его дѣти съ самаго ранняго возраста сами въ состояніи заботиться о себѣ, тогда заработная плата рабочаго-мужчины, безъ ущерба для сохраненія рабочей силы, можетъ быть понижена почти до уровня суммы издержекъ на содержаніе его одного.

Къ тому же работа женщинъ и дѣтей представляетъ еще ту выгоду, что онѣ гораздо менѣе способны къ сопротивленію, чѣмъ мужчина. И благодаря ихъ вступленію въ ряды трудящихся колоссально увеличивается предложеніе рабочей силы на рынкѣ труда.

Итакъ, женскій и дѣтскій трудъ не только понижаетъ стоимость

содержанія рабочаго, но и уменьшаетъ также его способность къ сопротивленію, увеличивая предложеніе рабочей силы: въ результатѣ каждаго изъ этихъ обстоятельствъ является пониженіе заработной платы рабочаго.

3. Разложеніе семьи пролетарія.

Но промышленный трудъ женщинъ означаетъ въ капиталистическомъ обществѣ также и полное разрушеніе семейной жизни рабочаго, безъ замѣны ея какой-либо высшей формой семьи. Капиталистическій способъ производства въ большинствѣ случаевъ не уничтожаетъ домашняго очага рабочаго, но онъ отнимаетъ всѣ его свѣтлыя стороны, оставляя лишь однѣ темныя, въ особенности расточеніе силъ женщины и ея оторванность отъ общественной жизни. Промышленный трудъ женщины означаетъ въ настоящее время не освобожденіе ея отъ бремени работы по хозяйству, но отягченіе ея прежняго бремени еще новымъ. Но двумъ господамъ служить невозможно. Домашнее хозяйство рабочаго приходитъ въ упадокъ, когда женщина должна помогать ему заработывать деньги; а то, что даетъ современное общество взамѣнъ домашняго хозяйства и семьи,—*народныя столовыя и школы для бѣдныхъ*, — представляетъ жалкій суррогатъ, объѣдки матеріальной и духовной пищи богатыхъ, выбрасываемые низшимъ классамъ.

Соціалъ-демократію обвиняютъ, будто бы она хочетъ уничтожить семью.—Правда, мы знаемъ, что для каждаго особаго способа производства существуетъ также и своя особая форма домоводства, которой, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ и своя особая форма семьи. Мы считаемъ нынѣ существующую форму семьи не послѣдней ея формой и ожидаемъ, что новая форма общества разовьетъ и новую форму семьи. Но подобное ожиданіе представляетъ, однако, нѣчто совершенно иное, чѣмъ стремленіе къ разрушенію всякаго семейнаго союза. Кто уничтожаетъ семью,—не только *хочетъ* уничтожить, но дѣйствительно уничтожаетъ на нашихъ глазахъ,—такъ это не соціалъ-демократы, а *капиталисты*. Прежде многіе рабовладѣльцы разлучали мужей съ женами, родителей съ способными къ работѣ дѣтьми; но капиталисты превзошли эти гнусности рабства: они отрываютъ *грудныхъ дѣтей* отъ матерей, вынуждая оставлять ихъ на чужихъ рукахъ. И общество, въ которомъ это повторяется ежедневно сотни и тысячи разъ, общество, создающее особыя «благотворительныя» учрежденія, покровительствуемыя его «верхами» и долженствующія облегчить матери разлуку съ ея ребенкомъ, — такое общество имѣетъ наглость упрекать насъ въ томъ, что мы хотимъ разрушить семью только потому, что мы думаемъ, что работы по домохозяйству будутъ съ теченіемъ вре-

мечи все больше и больше развиваться въ особыя отрасли труда и такой способъ измѣнить весь укладъ домохозяйства и семейной жизни.

4. Проституція.

На ряду съ обвиненіемъ въ разрушеніи семьи, насъ обвиняютъ въ томъ, будто-бы мы стремимся къ *общности женъ*. Обвиненіе это такъ же лживо, какъ и первое. Мы, напротивъ, утверждаемъ, что основой брачныхъ союзовъ въ соціалистическомъ обществѣ будетъ идеальная любовь, т. е. прямая противоположность всякой общности женъ, всякаго полового принужденія, всякаго разврата, и что такая любовь только въ соціалистическомъ обществѣ пріобрѣтетъ всеобщее значеніе.—А что мы видимъ въ настоящее время? Неспособность женщинъ къ сопротивленію,—замкнутыхъ до сихъ поръ въ свое домохозяйство и по большей части имѣющихъ лишь смутное представленіе объ общественной жизни и о силѣ организаціи,—настолько велика, что капиталистъ-предприниматель, выдавая имъ хроническую, недостаточную для того, чтобы просуществовать, заработную плату, осмѣливается указывать имъ, какъ на дополнительный источникъ, на *проституцію*. Увеличеніе размѣровъ промышленнаго женскаго труда всюду влечетъ за собой увеличеніе проституціи. Въ государствѣ, одержимомъ страхомъ Божьимъ и благочестивыми нравами, существуютъ цѣлыя цвѣтущія отрасли промышленности, въ которыхъ трудъ работницъ такъ дурно оплачивается, что онѣ должны были бы умереть съ голоду, если-бы отказались отъ проституціи. И предприниматели заявляютъ, что именно на этой низкой заработной платѣ и основывается способность къ конкуренціи,—«цвѣтущее состояніе» ихъ отраслей промышленности. Болѣе высокая заработная плата разорила бы ихъ.

Проституція столь же стара, какъ и противоположность между бѣднымъ и богатымъ. Но въ прежнее время проститутки являлись чѣмъ-то среднимъ между нищими и мошенниками, роскошью, которую могло себѣ позволить общество, и лишеніе которой ни въ коемъ случаѣ не могло угрожать его существованію. Въ настоящее время не только принадлежащія къ слою босяцкаго пролетаріата, но и *трудящіяся* женщины—вынуждены отдавать свое тѣло за плату. Эта продажа тѣла уже не является только предметомъ роскоши, она стала одной изъ основъ развитія промышленности. При капиталистическомъ способѣ производства *проституція становится одной изъ опоръ общества*. То, въ чемъ насъ обвиняютъ защитники этого общества, именно—общность женъ, практикуется ими самими; конечно, эта общность распространяется только на женъ *пролетаріевъ*. И этотъ родъ общности женъ настолько глубоко пустилъ корни въ современ-

номъ обществѣ, что его защитники повсюду объявляютъ проституцію—необходимостью. Они не могутъ себѣ представить, что исчезновеніе пролетаріата означаетъ и исчезновеніе проституціи, потому что вообще не могутъ представить себѣ общество безъ общности женъ.

Современная общность женъ есть изобрѣтеніе высшихъ слоевъ общества, а не пролетаріата. Эта общность женъ есть одинъ изъ родовъ эксплуатаціи пролетаріата. Это—не соціализмъ, а его противоположность.

5. Промышленная резервная армія.

Введеніе женскаго и дѣтскаго труда въ промышленность является, какъ мы видѣли, для капиталиста однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ понижать заработную плату.

Но временами столь же сильное дѣйствіе оказываетъ и другое средство: подвозъ рабочихъ изъ отсталыхъ мѣстностей, гдѣ населеніе обладаетъ еще ничтожными потребностями и вмѣстѣ съ тѣмъ не надорванною еще фабричнымъ трудомъ рабочей силой. Развитіе крупнаго производства, главнымъ образомъ машиннаго, создаетъ не только возможность замѣнять обученныхъ рабочихъ необученными: оно создаетъ также возможность легко и быстро ихъ доставлять. Рука-объ-руку съ развитіемъ производства идетъ развитіе путей сообщенія; массовому производству отвѣчаетъ массовая перевозка не только *товаровъ*, но и *людей*. Пароходы и желѣзныя дороги — эти прославленные носители культуры, везутъ не только къ варварамъ оружіе, водку и сифилисъ, они везутъ къ намъ варваровъ, а вмѣстѣ съ ними и варварство. Притокъ сельскихъ рабочихъ въ города становится теперь все сильнѣе. И изъ все болѣе отдаленныхъ мѣстъ тянутся толпы людей съ ничтожными потребностями, выносливыхъ и неспособныхъ къ сопротивленію. Славяне, шведы и итальянцы идутъ въ Германію сбивать заработную плату; нѣмцы, бельгійцы и итальянцы идутъ во Францію; славяне, нѣмцы, итальянцы, ирландцы и шведы—въ Англію и Соединенные Штаты; китайцы—въ Америку и Австралію и можетъ быть въ недалекомъ будущемъ даже и въ Европу. На нѣмецкихъ судахъ китайцы и негры уже занимаютъ мѣста бѣлыхъ рабочихъ.

Эти иностранные рабочіе являются частью экспропріированными мелкими крестьянами и ремесленниками, которыхъ разорилъ капиталистическій способъ производства, согналъ ихъ съ земли, и отнялъ у нихъ не только кровъ, но и родину. Взгляните на эти безчисленныя толпы эмигрантовъ, что-же, по вашему, это соціалъ-демократія лишаетъ ихъ родины, воспитываетъ безразличное отношеніе къ ней?

Благодаря экспропріаціи мелкихъ буржуа и крестьянъ, благодаря подвозу рабочихъ массъ изъ отдаленныхъ странъ, благодаря развитію женскаго и дѣтскаго труда, благодаря сокращенію времени обученія, превратившагося въ простое ознакомленіе съ тѣмъ или инымъ пріемомъ работы,—капиталистическому способу производства удается въ колоссальныхъ размѣрахъ увеличивать число рабочихъ силъ, находящихся въ его распоряженіи. И рука-объ-руку съ этимъ идетъ постоянное увеличеніе продуктивности человѣческаго труда, вслѣдствіе непрерывнаго прогресса техническихъ улучшеній и усовершенствованій. Но капиталистической эксплуатаціи этого недостаточно и она старается до крайняго предѣла использовать силу каждаго отдѣльнаго рабочаго, частью путемъ удлиненія рабочаго времени, частью же,—особенно тамъ, гдѣ законодательство или рабочія организаціи дѣлаютъ такое удлиненіе невозможнымъ,—путемъ большей напряженности труда.

И одновременно съ этимъ машина дѣлаетъ рабочія силы излишними.—Всякая машина сберегаетъ рабочую силу,—если бы она этого не дѣлала, существованіе ея не имѣло бы смысла. Въ каждой отрасли промышленности переходъ отъ ручного труда къ машинному связанъ съ огромными страданіями для тѣхъ рабочихъ, которыхъ касается дѣло, и которые, будь-то ремесленники или мануфактурные рабочіе, становятся излишними и выбрасываются на мостовую. Именно это вліяніе машинъ рабочіе испытали на себѣ прежде всего. Многочисленныя возстанія въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка свидѣтельствуютъ о томъ, какое количество страданій было суждено перенести ручнымъ рабочимъ, благодаря переходу къ машинной работѣ, какое возмущеніе и отчаяніе она вызывала. Введеніе машинъ, какъ и всякое послѣдующее ихъ усовершенствованіе, всегда является гибельнымъ *для отдѣльныхъ слоевъ рабочихъ*: конечно при извѣстныхъ условіяхъ другіе слои рабочихъ,—напр., занятые въ производствѣ машинъ,—могутъ отъ этого выиграть. Но мы не думаемъ, чтобы это сознаніе могло явиться большимъ утѣшеніемъ для умирающихъ съ голоду.

Всякая новая машина ведетъ къ тому, что вслѣдствіе ея введенія производится столько же, сколько и раньше при меньшемъ количествѣ рабочихъ, или же при томъ же количествѣ производится больше. Слѣдовательно, чтобы число занятыхъ въ какой-нибудь странѣ рабочихъ не уменьшилось подъ вліяніемъ прогрессивнаго развитія машиннаго дѣла, необходимо чтобы и рынокъ расширялся въ такой же мѣрѣ, въ какой возрастаетъ производительная сила рабочихъ. Но такъ какъ экономическое развитіе одновременно повышаетъ продуктивность труда рабочаго и быстро увеличиваетъ количество имѣющихся въ распоряженіи рабочихъ силъ,—при томъ даже много

быстрѣе, чѣмъ совершается приростъ населенія,—то для того, чтобы не наступила безработица, рынокъ *долженъ расширяться еще гораздо быстрѣе*, чѣмъ это соотвѣтствовало бы увеличенію производительной силы рабочихъ благодаря машинѣ.

Столь быстрое расширеніе рынка при господствѣ крупной капиталистической промышленности едва-ли когда-либо,—вѣрнѣе никогда — не имѣло мѣста ни въ какой изъ крупныхъ отраслей капиталистической промышленности въ теченіе сколько-нибудь значительнаго промежутка времени. *Слѣдовательно, при крупной капиталистической промышленности, безработица представляетъ явленіе постоянное, неразрывно съ нею связанное.* Даже въ лучшія времена, когда рынокъ испытываетъ внезапно значительное расширеніе и дѣла идутъ особенно бойко, промышленность не въ состояніи датъ работу всѣмъ безработнымъ; въ плохія-же времена, въ періодъ заминки въ дѣлахъ, число ихъ возрастаетъ колоссально. Они образуютъ вмѣстѣ съ рабочими мелкихъ предпріятій, ставшихъ излишними, цѣлую армію—*промышленную резервную армію*, какъ ее назвалъ Марксъ, армію рабочихъ силъ, всегда готовую къ услугамъ капитала, изъ которой онъ всегда можетъ черпать резервы, когда промышленная кампанія начинаетъ разгораться.

Для капиталиста эта резервная армія неоцѣнима. Она служитъ для него важнымъ оружіемъ, чтобы держать въ уздѣ армію рабочихъ, дѣлать ее послушной. Послѣ того какъ чрезмѣрная работа однихъ вызываетъ безработицу другихъ,—безработица этихъ послѣднихъ становится средствомъ для поддержанія и усиленія чрезмѣрной работы первыхъ. И еще говорятъ, что въ этомъ мірѣ не все устроено къ лучшему!

Хотя размѣры промышленной резервной арміи постоянно колеблются вмѣстѣ съ колебаніями дѣлъ въ промышленности, однако въ общемъ они обнаруживаютъ склонность двигаться *въ восходящемъ направленіи.* Ибо техническій прогрессъ совершается все быстрѣе и быстрѣе, охватывая все болѣе широкія области; напротивъ, расширеніе рынка встрѣчаетъ все больше преградъ. Мы еще вернемся къ этому въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь достаточно будетъ только отмѣтить это.

Но что значитъ безработица? Она означаетъ не только нужду и нищету для тѣхъ, кого она коснулась, не только увеличеніе рабства и эксплуатаціи для трудящихся,—она означаетъ также *необезпеченность существованія для всего рабочаго класса.*

Какова-бы ни была участь эксплуатируемаго, на которую обрекали его прежнія способы эксплуатаціи, они давали ему одно: обезпеченность существованія. Содержаніе раба и крѣпостного было обезпечено по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока было обезпечено существованіе

ихъ господина. Только гибель послѣдняго могла лишить ихъ средствъ существованія.

Какое бы бѣдствіе, какая бы нужда ни обрушивалась отъ времени до времени на населеніе при прежнихъ способахъ производства, это не было слѣдствіемъ производства, но слѣдствіемъ *нарушенія*, происходившаго благодаря неурожаю, эпидеміи, наводненію, вторженію вражескихъ войскъ и т. д.

Существованіе эксплуататора и эксплуатируемыхъ въ настоящее время не связаны между собою. Рабочій можетъ быть каждую минуту выброшенъ на улицу вмѣстѣ съ женой и дѣтьми и даже осужденъ на голодную смерть, не вызывая никакихъ измѣненій въ положеніи эксплуататора, котораго онъ обогатилъ.

Бѣдствія, вызываемыя безработицей, въ настоящее время только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ являются слѣдствіемъ нарушенія производства внѣшними непреодолимыми причинами,—въ гораздо большей степени-они являются естественно-необходимымъ слѣдствіемъ развитія самаго производства. Нарушеніе хода производства въ наши дни часто увеличиваетъ, а не уменьшаетъ шансы найти работу: достаточно вспомнить послѣдствія войны 1870 года для хозяйственной жизни Германіи и Франціи въ ближайшіе годы.

При господствѣ мелкаго производства доходъ рабочаго въ его собственномъ хозяйствѣ былъ тѣмъ больше, чѣмъ онъ былъ прилежнѣе. Напротивъ, лѣность разоряла его, дѣлала его безработнымъ. Въ настоящее время безработица тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше, чѣмъ продолжительнѣе работаютъ рабочіе. Рабочій создаетъ безработицу своею собственной работой. Какъ многія другія истины временъ господства мелкаго производства, такъ и та, что счастье рабочаго зависитъ отъ его прилежанія, превратилась, благодаря крупному капиталистическому производству, въ свою противоположность. Такою же ложью стала и другая сентенція, которая все еще преподносится рабочимъ разными филистерами,—что всякій, желающій работать, найдетъ себѣ пропитаніе.

Обладаніе рабочей силой такъ же мало, какъ и собственность, въ настоящее время можетъ служить вѣрной защитой противъ нужды и бѣдствія. Если мелкаго крестьянина и ремесленника постоянно преслѣдуетъ призракъ *банкротства*, то рабочаго всегда преслѣдуетъ призракъ *безработицы*.

Эта постоянная необезпеченность является самымъ мучительнымъ, но также и наиболѣе возмущающимъ изъ всѣхъ золъ современнаго способа производства,—тѣмъ зломъ, которое глубже всего волнуетъ души, уничтожая въ корнѣ всякую склонность къ консерватизму. Эта вѣчная необезпеченность собственнаго положенія уничтожаетъ вѣру въ прочность существующаго строя и всякій интересъ къ его

поддержанію. Тотъ, кого современный строй держитъ въ постоянномъ страхѣ, перестаетъ страшиться будущаго.

Чрезмѣрная работа, безработица и разложеніе семьи,—вотъ что приноситъ пролетаріату капиталистическій способъ производства, заботясь въ то же время о томъ, чтобы пролетарское состояніе распространялось на все болѣе широкіе круги и явственно становилось состояніемъ широкой массы населенія.

6. Ростъ пролетаризаціи. Торговый и интеллигентный пролетаріатъ.

Не только благодаря постоянному расширенію области крупной промышленности капиталистическій способъ производства ведетъ къ тому, что пролетарское состояніе все больше и больше становится состояніемъ народа вообще. Онъ ведетъ къ этому еще и благодаря тому, что положеніе наемныхъ рабочихъ въ крупной промышленности опредѣляетъ собою и положеніе наемныхъ рабочихъ въ другихъ отрасляхъ труда. Ихъ условія труда и жизни также измѣняются подъ вліяніемъ крупной промышленности; выгоды, которыми пользовались эти рабочіе передъ рабочими капиталистической промышленности, превращаются, подъ вліяніемъ этой послѣдней, въ стѣснительныя неудобства. Тамъ, напримѣръ, гдѣ въ наше время ремесленный рабочій еще живетъ и ѣстъ у мастера, тамъ это становится средствомъ дѣлать его жизнь и питаніе гораздо худшими, чѣмъ у наемнаго рабочаго, ведущаго собственное хозяйство. Продолжительное время обученія было прежде средствомъ предохранять ремесло отъ чрезмѣрнаго наплыва рабочихъ силъ; теперь же ученичество является самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы наводнить ремесло дешевыми рабочими силами и оставить безъ куска хлѣба взрослыхъ рабочихъ.

И здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, подъ вліяніемъ капиталистическаго способа производства, стало безсмыслицей и бѣдствіемъ то, что при господствѣ мелкаго производства было мудростью и благодѣяніемъ.

Стремленіе цеховыхъ хозяевъ возобновить старое цеховое устройство въ своей основѣ сводится къ тому, чтобы путемъ оживленія старыхъ формъ получить новыя средства эксплуатаціи своихъ рабочихъ. Они хотятъ спасти себя отъ погруженія въ болото тѣмъ, что карабкаются на тѣла пролетаріевъ. И послѣ этого эти господа возмущаются, что пролетаріатъ не приходитъ въ восторгъ отъ такой попытки хоть немного отсрочить неминуемую гибель мелкаго производства.

То же самое развитіе, что и въ ремеслѣ, совершается и въ *торговомъ дѣлѣ*. Крупное производство начинаетъ вытѣснять мелкое

даже въ области мелочной торговли (Zwischenhandel). Число мелкихъ торговыхъ предпріятій можетъ при этомъ не уменьшаться. Мелочная торговля является послѣднимъ прибѣжищемъ для обанкротившихся мелкихъ буржуа [1]). Ограничить мелочную торговлю, — напр. путемъ стѣсненія торговли въ разносъ,—значитъ не что иное, какъ окончательно выбить всякую почву изъ-подъ ногъ этихъ людей и бросить ихъ въ ряды босяцкаго пролетаріата, — превратить ихъ въ нищихъ, бродягъ, кандидатовъ въ исправительные дома: своеобразная соціальная реформа!

Вліяніе развитія крупнаго производства обнаруживается въ мелочной торговлѣ не въ *уменьшеніи* числа мелкихъ предпріятій, а въ томъ, что они *приходятъ въ упадокъ*. Существованіе мелкихъ самостоятельныхъ торговцевъ становится все необезпеченнѣе, все ближе къ пролетарскому. И на ряду съ этимъ увеличивается число служащихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, дѣйствительныхъ пролетаріевъ, у которыхъ нѣтъ никакой надежды стать когда-нибудь самостоятельными производителями; возрастаетъ дѣтскій и женскій трудъ съ его спутницей—проституціей; возрастаетъ чрезмѣрная работа, безработица и пониженіе заработной платы и въ этой области хозяйства. Положеніе служащаго въ торговлѣ все больше и больше приближается къ положенію пролетарія, занятаго въ промышленности. Отъ послѣдняго онъ отличается почти только тѣмъ, что онъ долженъ сохранять *внѣшній видъ* болѣе высокаго жизненнаго уровня и ради него приносить жертвы, которыхъ не знаетъ промышленный пролетарій.

Наконецъ, начинаетъ развиваться еще одинъ пролетарскій слой: *интеллигентный пролетаріатъ* (das Proletariat der Gebildeten). При нашемъ способѣ производства образованіе сдѣлалось особымъ промысломъ. Количество знаній расширилось до безконечности и возрастаетъ съ каждымъ днемъ. И капиталистическое общество, какъ и капиталистическое государство, все больше и больше нуждается въ

---

1) Въ Германіи изъ каждой тысячи рабочихъ соотвѣтствующей группы было занято:

ПРЕДПРІЯТІЯ.	Промышленность.		Торговля и транспортъ (включ. трактирный промыселъ).	
	1882	1895	1882	1895
съ 1—5 рабочихъ	551	399	757	697
„ 6—50 „	186	238	202	243
Свыше 50 „	263	363	41	60

Отсюда видно, что въ торговлѣ и трактирномъ дѣлѣ мелкія предпріятія преобладаютъ гораздо больше, чѣмъ въ промышленности и сокращаются—относительно — менѣе быстро. Абсолютно мелкія предпріятія въ торговлѣ и трактирномъ дѣлѣ быстро увеличиваются. Ихъ персоналъ возросъ съ 1882-го по 1895 годъ съ 1.013,981 до 1.509,453.

представителяхъ науки и искусства для веденія своихъ дѣлъ и подчиненія силъ природы,—будетъ ли то въ цѣляхъ производства, или разрушенія, или же въ цѣляхъ примѣненія все растущаго избытка этихъ силъ для удовлетворенія потребности въ роскоши. Однако не только крестьянинъ, ремесленникъ или же пролетарій, но и купецъ, фабрикантъ, банкиръ, биржевой спекулянтъ, крупный землевладѣлецъ — не имѣютъ времени посвятить себя искусству и наукѣ. Они всецѣло поглощены своими дѣлами и удовольствіями. Въ современномъ обществѣ, въ противоположность его прежнимъ формамъ, искусствами и наукой занимаются не сами эксплуататоры или какой-либо классъ послѣднихъ. Эту дѣятельность они предоставляютъ особому классу, которому они за это платятъ. Образованіе стало товаромъ.

Но до послѣднихъ десятилѣтій оно было рѣдкимъ товаромъ. Школъ было мало, ученіе было сопряжено съ значительными расходами. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ были слишкомъ бѣдны, чтобы скопить средства на посылку своихъ сыновей въ высшія школы. Напротивъ, ремесло и торговля были еще золотымъ дномъ; кто стоялъ у этихъ профессій, тотъ тутъ и оставался; только особое дарованіе или исключительныя обстоятельства побуждали сына ремесленника или купца обратиться къ занятію наукой или искусствомъ. Въ то время какъ спросъ на чиновниковъ, техниковъ, врачей, учителей, художниковъ и т. д. возросталъ, притокъ почти всецѣло ограничивался новымъ поколѣніемъ изъ этихъ же самыхъ круговъ.

Поэтому товаръ—образованіе стоялъ высоко въ цѣнѣ. Обладаніе имъ доставляло тѣмъ, по крайней мѣрѣ, кто пользовался имъ для практическихъ цѣлей,—адвокатамъ, чиновникамъ, врачамъ, профессорамъ etc., — въ большинствѣ случаевъ безбѣдное существованіе, оно доставляло нерѣдко славу и почетъ. Художники, поэты, философы были собесѣдниками королей. Аристократъ ума чувствовалъ свое превосходство надъ аристократомъ родовымъ или денежнымъ. Его единственной заботой было развитіе своихъ духовныхъ способностей. Поэтому, образованные могли быть идеалистами и даже очень часто бывали таковыми. Они стояли выше другихъ классовъ, выше ихъ матеріальныхъ стремленій и противорѣчій. Образованіе означало силу, счастье и доброту, — отсюда такъ легко было придти къ выводу: чтобы сдѣлать всѣхъ людей счастливыми и добрыми, чтобы преодолѣть классовыя противорѣчія и уничтожить бѣдность и пошлость—не нужно ничего другого, какъ образованіе.

Съ тѣхъ поръ распространеніе высшихъ учебныхъ заведеній—а только о высшемъ образованіи здѣсь и идетъ рѣчь—сдѣлало колоссальные успѣхи. Число учебныхъ заведеній необыкновенно возросло. Еще въ большей степени возростало число учащихся. Мелкое производство въ торговлѣ и промышленности перестало быть золотымъ

дномъ. Мелкій буржуа не знаетъ другого способа спасти своихъ дѣтей отъ паденія въ ряды пролетаріата, какъ дать имъ образованіе, если ему удалось сколотить для этого хоть какія-нибудь средства. И ему приходится заботиться не только о своихъ *сыновьяхъ*, но также и о *дочеряхъ*. Ибо прогрессирующее раздѣленіе труда, какъ сказано, все больше и больше превращаетъ домашнія работы въ особыя профессіи, сокращаетъ работу по хозяйству, такъ что бракъ, въ которомъ жена является исключительно хозяйкой дома, все больше и больше становится роскошью. Но одновременно, какъ мы видѣли, мелкая буржуазія бѣднѣетъ и такимъ образомъ все больше лишается возможности позволять себѣ какую-либо роскошь. Постоянно увеличивается число безбрачныхъ, постоянно возрастаетъ число такихъ семей, гдѣ жена и дочь должны работать для заработка. Такъ возрастаетъ женскій трудъ не только въ области крупной и мелкой промышленности и мелочной торговли, но и на государственной службѣ и въ частныхъ предпріятіяхъ, — на почтѣ, телеграфѣ, желѣзныхъ дорогахъ, банкахъ etc., въ области искусства и науки. Какъ бы громко ни кричали предразсудки и личные интересы, женскій трудъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ права гражданства въ разнообразнѣйшихъ областяхъ умственнаго труда. Не тщеславіе, не пронырливость, не дерзость, но давленіе экономическаго развитія гонитъ женщинъ къ труду, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ умственнаго труда, которыя организованы еще на цеховыхъ началахъ, мужчинамъ удалось устранить конкуренцію женщины, то тѣмъ сильнѣе онѣ устремляются въ тѣ отрасли, гдѣ нѣтъ цеховой замкнутости, какъ напр. литература, живопись, музыка.

Однимъ изъ слѣдствій всего этого развитія является колоссальное возрастаніе числа образованныхъ людей въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Но тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, которыхъ идеалисты ожидали отъ увеличенія образованія, все нѣтъ. До тѣхъ поръ, пока образованіе является товаромъ, распространеніе образованія есть увеличеніе количества этого товара и вмѣстѣ съ тѣмъ паденіе его цѣны, слѣдовательно, ухудшеніе положенія его владѣльцевъ. Число образованныхъ людей возросло до такихъ размѣровъ, что оно болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія потребностей капиталистовъ и капиталистическаго государства. Для рабочихъ умственнаго труда рынокъ въ настоящее время такъ же переполненъ, какъ и для рабочихъ ручного труда. Умственные работники также имѣютъ уже свою *резервную армію; безработица* въ ихъ кругахъ такая же постоянная гостья, какъ и среди промышленныхъ рабочихъ. Тѣ изъ нихъ, которые желаютъ устроиться на государственной службѣ, должны ждать годы, нерѣдко десятилѣтія, пока не получатъ какой-нибудь

дурно оплачиваемой низшей должности. У другихъ безработица и чрезмѣрная работа чередуются такъ же, какъ и у рабочихъ, и какъ у этихъ послѣднихъ пониженіе заработной платы сдѣлалось обычнымъ явленіемъ.

Классовое положеніе умственныхъ работниковъ замѣтно ухудшается; если прежде говорили объ аристократіи ума, то теперь говорятъ объ интеллигентномъ пролетаріатѣ; и скоро эти пролетаріи будутъ отличаться отъ другихъ наемныхъ рабочихъ только однимъ,—своею притязательностью. Въ большинствѣ своемъ они все еще воображаютъ себѣ, что являются чѣмъ-то лучшимъ, чѣмъ пролетаріатъ, они все еще причисляютъ себя къ бюргерству, т. е. къ буржуазіи [1],—но такъ, какъ слуги причисляютъ себя къ своимъ господамъ. Они перестали быть умственными вождями буржуазіи и стали ея наемными вояками. Карьеризмъ среди нихъ разрастается, какъ зараза; не *развитіе* своихъ умственныхъ силъ, но *извлеченіе* изъ нихъ *выгодъ* составляетъ теперь ихъ первую заботу, и *проституированіе своего я* является главнымъ средствомъ выдвинуться впередъ. Какъ и мелкіе промышленники они ослѣплены блескомъ немногихъ выигрышей въ лотереѣ ихъ жизни; они не обращаютъ вниманія на многочисленные пустые номера, которые стоятъ передъ ними, и продаютъ душу и тѣло за одну надежду получить такой главный выигрышъ. *Продажа собственныхъ убѣжденій и бракъ изъ-за денегъ* въ глазахъ большинства нашихъ образованныхъ людей являются двумя само собой разумѣющимися и необходимыми средствами «устроить свое счастье». Вотъ что сдѣлалъ капиталистическій способъ производства изъ идеалистовъ, изслѣдователей, мыслителей и мечтателей!

Но предложеніе растетъ слишкомъ быстро, чтобы можно было вообще много выколотить изъ образованія, даже если отдаешь въ придачу и свою личность. Задержать паденіи массы образованныхъ людей въ ряды пролетаріата болѣе невозможно.

Поведетъ ли развитіе къ тому, что образованные люди всей своей массой, а не отдѣльныя только личности, какъ это было до сихъ поръ, присоединятся къ борющемуся пролетаріату,—это еще неизвѣстно. Но несомнѣнно одно: съ пролетаризаціей образованныхъ слоевъ для пролетарія закрылся послѣдній путь самостоятельно, своими собственными силами, выбиться изъ пролетаріата и подняться до высшаго класса.

Можно сказать заранѣе, что наемному рабочему невозможно сдѣлаться капиталистомъ, по крайней мѣрѣ при нормальномъ положеніи

---

[1]) По нѣмецки слово „Bürger"—бюргеръ — означаетъ не только представителя опредѣленнаго класса, именно въ городахъ класса имущихъ, но также и всякаго члена государства,—гражданина. Французы для каждаго изъ этихъ понятій имѣютъ особое слово. Первое — „bourgeois", второе „citoyen". Такъ какъ слово „буржуа" представляетъ болѣе точное понятіе, чѣмъ слово „бюргеръ", то оно поэтому укоренилось и въ Германіи.

вещей. Возможность выигрыша въ гамбургскую лотерею или полученія наслѣдства отъ богатаго американскаго дядюшки, конечно, не могутъ приниматься во вниманіе серьезными людьми при обсужденіи вопроса о положеніи рабочаго класса. Но при особенно благопріятныхъ условіяхъ какому-нибудь изъ лучше обставленныхъ рабочихъ иногда и удастся, путемъ суровыхъ лишеній, сдѣлать столько сбереженій, что онъ сможетъ открыть небольшое ремесленное предпріятіе или мелочную лавочку, или же дать образованіе одному изъ своихъ сыновей, помочь ему выйти въ «люди». Смѣшно было указывать рабочимъ на такого рода возможность улучшить свое положеніе или положеніе своихъ дѣтей. Если рабочій, вообще, можетъ дѣлать сбереженія, онъ долженъ быть радъ, когда въ хорошія времена удастся столько отложить, чтобы не остаться совершенно ни съ чѣмъ при наступленіи безработицы. Но въ наши дни смѣшнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, утѣшать рабочихъ подобными возможностями. Экономическое развитіе не только дѣлаетъ сбереженіе для рабочаго все болѣе невозможнымъ, оно исключаетъ также возможность выбиться ему или его дѣтямъ изъ пролетарскаго существованія, даже если бы ему удалось скопить необходимыя средства. Перейти къ самостоятельному мелкому предпріятію значитъ для него попасть изъ одной нищеты въ другую, съ тѣмъ, чтобы обыкновенно вскорѣ вновь вернуться къ прежней нищетѣ и цѣною потери своихъ сбереженій купить сознаніе, что мелкое производство нельзя удержать отъ гибели.

Еще болѣе трудными, чѣмъ переходъ къ самостоятельному мелкому предпріятію, можно сказать, почти безнадежными въ настоящее время, являются попытки пролетарія дать своему сыну образованіе. Но если даже мы допустимъ, что подобная попытка удалась,—какую же пользу можетъ извлечь изъ своего высшаго образованія сынъ пролетарія, который не можетъ ждать съ продажей своихъ знаній и у котораго нѣтъ никакой протекціи,—въ такое время, когда тысячи юристовъ годами ждутъ очереди для поступленія на государственную службу, когда техники, химики, лица съ законченнымъ коммерческимъ образованіемъ сотнями бродятъ безъ мѣста?

Куда бы въ настоящее время ни обратился пролетарій, онъ всюду наталкивается на близкія къ пролетарскимъ условія жизни и труда. Пролетарское состояніе все больше и больше пропитываетъ собою все общество; масса населенія во всѣхъ культурныхъ странахъ уже опустилась до уровня пролетаріата. Для каждаго отдѣльнаго пролетарія исчезла всякая надежда выкарабкаться своими собственными руками, своими собственными силами изъ болота, въ которое его толкаетъ современный способъ производства. Достигнуть своего подъёма онъ можетъ исключительно путемъ подъёма всего класса, къ которому онъ принадлежитъ.

III. Классъ капиталистовъ.

1. Торговля и кредитъ.

Мы уже видѣли, какъ въ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства масса населенія все больше и больше превращается въ *пролетаріевъ*, рабочихъ, отдѣленныхъ отъ своихъ средствъ производства, и такимъ образомъ не имѣющихъ возможности ничего производить на свой рискъ и потому вынужденныхъ, чтобы не умереть съ голода, продавать единственное, что они имѣютъ,—свою *рабочую силу*. Большинство крестьянъ и мелкихъ промышленниковъ фактически принадлежатъ уже къ пролетаріату. То, что ихъ отдѣляетъ отъ послѣдняго—ихъ собственность—является лишь слабой завѣсой, способной скорѣе прикрыть ихъ эксплуатацію и зависимость, чѣмъ предотвратить ее,—завѣсой, которую поднимаетъ и уноситъ малѣйшій вѣтерокъ.

Съ другой стороны, мы видимъ небольшую кучку собственниковъ, капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ однимъ принадлежатъ важнѣйшія средства производства, важнѣйшіе источники жизни всего населенія и которымъ это исключительное владѣніе даетъ возможность и власть держать въ зависимости отъ себя неимущихъ и эксплуатировать ихъ.

Въ то время какъ большинство населенія погружается все глубже и глубже въ нужду и нищету, эта небольшая кучка капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ пристроившимися къ нимъ паразитами, одни пожинаютъ всѣ тѣ огромныя преимущества, которыя являются слѣдствіемъ пріобрѣтеній современной культуры и прежде всего прогресса естествознанія и его практическаго примѣненія.

Присмотримся же ближе къ этой небольшой кучкѣ избранниковъ; разсмотримъ ту роль, которую она играетъ въ хозяйственной жизни и слѣдствія, вытекающія отсюда для всего общества.

Мы уже познакомились съ тѣми тремя видами, на которые распадается капиталъ: *торговый капиталъ, ростовщическій капиталъ и промышленный капиталъ*. Послѣдній изъ нихъ самый молодой, онъ насчитываетъ, пожалуй, менѣе *столѣтій*, чѣмъ два другіе вида капитала насчитываютъ *тысячелѣтій*. Но младшій братъ выросъ скорѣе, гораздо скорѣе старшихъ; онъ превратился въ великана, который покорилъ ихъ и заставилъ служить себѣ.

Для мелкаго производства въ его совершенной (классической) формѣ торговля не представляетъ безусловной необходимости. Крестьянинъ или ремесленникъ можетъ получить свои средства производства,—поскольку ему приходится ихъ покупать,—прямо отъ производителя; свой продуктъ онъ можетъ продать непосредственно потребителю. На этой ступени экономическаго развитія торговля служитъ преимущественно для предметовъ роскоши, но для прогресса производства въ его цѣломъ, для поддержанія общества, она не необходима.

Напротивъ, капиталистическое производство, какъ мы видѣли, находится уже заранѣе въ зависимости отъ торговли, — какъ, съ другой стороны, и торговля на извѣстной ступени требуетъ для дальнѣйшаго своего развитія капиталистическаго производства. Чѣмъ больше распространено послѣднее, чѣмъ больше становится капиталистическій способъ господствующимъ, тѣмъ необходимѣе оказывается прогрессъ торговли для всей хозяйственной жизни. Торговля не служитъ теперь болѣе только избытку, роскоши. Все производство, даже питаніе населенія какой-нибудь капиталистической страны, въ настоящее время зависитъ отъ того, совершаетъ ли безпрепятственно свой ходъ торговля. Это — одно изъ основаній, которыя сдѣлали бы всемірную войну въ настоящее время гораздо болѣе опустошительной, чѣмъ когда-либо. Война ведетъ къ остановкѣ торговли, а эта остановка означала бы въ настоящее время остановку производства, всей хозяйственной жизни, — она означала бы такое экономическое разореніе, которое распространилось бы шире и явилось бы не менѣе гибельнымъ, чѣмъ опустошенія на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Такое же важное значеніе, какъ развитіе *торговли*, пріобрѣло для капиталистическаго способа производства и развитіе *ростовщичества*. При господствѣ мелкаго производства ростовщикъ являлся паразитомъ, пользовавшимся нуждой или легкомысліемъ другихъ, чтобы высасывать изъ нихъ кровь. Деньги, которыя онъ давалъ взаймы, служили, при обычныхъ условіяхъ,—а такими условіями являлась принадлежность средствъ производства самому производителю,—только на непроизводительныя траты. Если, напр., дворянинъ занималъ деньги, то дѣлалъ онъ это, чтобы ихъ прокутить; крестья-

нинъ—чтобы уплатить денежныя пошлины и издержки какого-либо процесса. Поэтому ссуда денегъ подъ проценты считалась безнравственной и осуждалась всѣми.

Совершенно иначе дѣло обстоитъ при капиталистическомъ способѣ производства. Теперь деньги являются средствомъ для оборудованія капиталистическаго предпріятія, для покупки рабочей силы и ея эксплуатаціи. Если въ наши дни предприниматель занимаетъ деньги, чтобы основать новое предпріятіе или расширить уже существующее, то это вовсе не значитъ, что проценты на занятую сумму денегъ соотвѣтственно уменьшатъ его прежній доходъ, — предполагая, конечно, что предпріятіе удастся. Взятыя взаймы деньги служатъ ему для эксплуатаціи рабочей силы, слѣдовательно, увеличиваютъ его доходъ и при томъ на сумму гораздо большую, чѣмъ проценты, которые онъ долженъ выплатить. Ростовщичество теряетъ теперь свой первоначальный характеръ. Его роль, какъ средства эксплуатаціи нужды и легкомыслія, постепенно отходитъ на задній планъ передъ другой ролью «оплодотворять» капиталистическое производство, т. е. давать ему возможность совершать свое развитіе быстрѣе, чѣмъ этого можно было бы достигнуть при помощи простого накопленія капитала въ денежныхъ шкапахъ промышленныхъ капиталистовъ. Отвращеніе къ ростовщику теперь исчезаетъ; онъ становится безпорочнымъ и пріобрѣтаетъ новое благозвучное имя: *кредиторъ*.

Одновременно главная струя движенія капитала, приносящаго проценты, измѣнила свое направленіе. Денежныя суммы, накоплявшіяся въ шкапахъ капиталиста-ростовщика, прежде текли изъ этихъ резервуаровъ по тысячѣ каналовъ въ карманы некапиталистовъ. Въ настоящее время денежные шкапы ростовщическаго капитала—кредитныя учрежденія—скорѣе сами сдѣлались резервуарами, въ которые по тысячѣ каналовъ стекаются деньги некапиталистовъ, чтобы оттуда быть доставленными капиталистамъ. Какъ и прежде, кредитъ является средствомъ заставить некапиталистовъ—имущихъ и неимущихъ — платить проценты капиталу. Но теперь онъ сдѣлался также могучимъ средствомъ превращать въ капиталъ имущества, находящіяся въ рукахъ различныхъ классовъ некапиталистовъ,—отъ огромныхъ богатствъ католической церкви и стараго дворянства до убогихъ грошовыхъ сбереженій служанки или поденщика,—т. е., сдѣлался средствомъ эксплуатаціи однихъ изъ этихъ классовъ и разложенія другихъ. Восхваляютъ современныя кредитныя учрежденія,—сберегательныя кассы и т. д.,—за то, что они, превращая грошовыя сбереженія наемныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и крестьянъ въ капиталъ, превращаютъ и ихъ самихъ въ «капиталистовъ», какъ утверждаютъ сторонники современнаго строя. Однако, это собираніе

денегъ некапиталистовъ не преслѣдуетъ никакой иной цѣли, какъ только предоставить въ распоряженіе капиталистовъ новые капиталы и этимъ путемъ ускорить развитіе капиталистическаго способа производства. Какое значеніе это имѣетъ для наемныхъ рабочихъ, крестьянъ и ремесленниковъ,—это мы уже видѣли.

Если современныя кредитныя учрежденія все больше и больше заботятся о томъ, чтобы превратить все имущество различныхъ классовъ некапиталистовъ въ капиталъ, поступающій въ распоряженіе класса капиталистовъ, то, съ другой стороны, они заботятся также и о томъ, чтобы капиталы, принадлежащіе классу капиталистовъ, могли быть использованы лучше, чѣмъ до сихъ поръ. Они становятся резервуарами всѣхъ денежныхъ суммъ тѣхъ отдѣльныхъ капиталистовъ, которые, такъ или иначе, не имѣютъ случая употребить ихъ въ своихъ предпріятіяхъ,—и дѣлаютъ эти суммы, которыя иначе лежали бы «мертвыми», доступными для другихъ капиталистовъ, которые въ нихъ нуждаются. — Далѣе, они даютъ возможность превращать товаръ въ деньги, прежде чѣмъ онъ проданъ, и такимъ образомъ сокращаютъ время обращенія, а, слѣдовательно, и размѣры капитала, необходимые каждый разъ для веденія какого-либо опредѣленнаго предпріятія.

Благодаря всему этому, количество и сила дѣйствія капитала, находящагося въ распоряженіи класса капиталистовъ, необыкновенно разрастается. Поэтому кредитъ въ настоящее время сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ капиталистическаго производства. На ряду съ высокимъ развитіемъ машинъ и скопленіемъ промышленной резервной арміи онъ является одной изъ главныхъ причинъ той эластичности современнаго способа производства, которая сообщаетъ промышленности способность при малѣйшемъ толчкѣ быстро и могуче разрастаться.

Но кредитъ еще гораздо чувствительнѣе ко всякому препятствію, чѣмъ торговля. Всякое потрясеніе, которое его касается, распространяется на всю хозяйственную жизнь.

Многіе экономисты считали кредитъ средствомъ, съ помощью котораго неимущіе или малоимущіе могли бы превращаться въ капиталистовъ. Но, какъ уже показываетъ само названіе, кредитъ покоится на довѣріи кредитора къ должнику. Чѣмъ состоятельнѣе послѣдній, тѣмъ больше ручательствъ, которыя онъ представляетъ, тѣмъ больше и кредитъ, которымъ онъ пользуется. Слѣдовательно, кредитное дѣло является только средствомъ доставить капиталистамъ еще большій капиталъ, чѣмъ тотъ, которымъ они владѣютъ, увеличить перевѣсъ капиталистовъ, обострить общественныя противорѣчія, а не смягчить ихъ.

Поэтому кредитъ является не только средствомъ, сообщающимъ

болѣе быстрое развитіе капиталистическому производству и облегчающимъ ему возможность использовать всякую благопріятную конъюнктуру; онъ является также средствомъ, ускоряющимъ гибель мелкаго производства, и, наконецъ, онъ является средствомъ, преобразующимъ весь современный способъ производства въ болѣе и болѣе сложный и чувствительный ко всякимъ препятствіямъ механизмъ, пробуждая чувство неувѣренности даже въ рядахъ капиталистовъ и дѣлая все болѣе и болѣе шаткой ту почву, на которой они движутся.

2. Раздѣленіе труда и конкуренція.

Въ то время какъ, съ одной стороны, экономическое развитіе ведетъ къ тому, чтобы поставить торговлю и кредитъ въ возможно тѣсную связь съ промышленностью,—съ другой стороны, вслѣдствіе все увеличивающагося раздѣленія труда, оно способствуетъ распредѣленію различныхъ функцій (отправленій), которыя приходится выполнять капиталисту въ хозяйственной жизни, между различными, обособленными другъ отъ друга, предпріятіями и учрежденіями. Въ прежнія времена купецъ долженъ былъ не только купить и продать товаръ; онъ долженъ былъ его собрать, хранить на складѣ и доставлять часто на весьма отдаленный рынокъ; онъ долженъ былъ сортировать товаръ, распредѣлить его и сдѣлать доступнымъ для каждаго отдѣльнаго покупателя. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ раздѣленіе труда не только между мелкой и крупной торговлей, но находимъ крупныя самостоятельныя предпріятія для транспорта и храненія товаровъ (склады, элеваторы); на крупныхъ центральныхъ рынкахъ—*биржахъ*—продажа и покупка сдѣлались настолько самостоятельными отраслями дѣятельности, настолько обособились отъ другихъ функцій купца, что тамъ не только продаютъ и покупаютъ товары, находящіеся далеко отъ этихъ мѣстъ или еще не произведенные,—но покупаютъ даже товары, не имѣя въ виду обладать ими и продаютъ товары, которыхъ на самомъ дѣлѣ не имѣютъ.

Въ прежнее время нельзя было себѣ представить капиталиста безъ большого денежнаго шкапа, въ которомъ накоплялись вырученныя имъ деньги и изъ котораго онъ вынималъ деньги, необходимыя для его платежей. Въ настоящее время кассы капиталистовъ во всѣхъ передовыхъ въ хозяйственномъ отношеніи странахъ, — особенно въ Англіи, Америкѣ,—превратились въ особыя предпріятія—*банки*. Теперь платятъ уже не капиталисту, а его банку, къ банку же, а не капиталисту, обращаются за полученіемъ его долговъ. Такимъ образомъ нѣсколько центральныхъ предпріятій обслуживаютъ кассовое дѣло всего класса капиталистовъ страны.

Но если такимъ путемъ различныя функціи капиталиста передаются различнымъ самостоятельнымъ предпріятіямъ, то они только внѣшнимъ образомъ, юридически, становятся независимыми; экономически онѣ остаются, какъ и раньше, тѣснѣйшимъ образомъ связанными между собою и зависящими другъ отъ друга. Каждое изъ этихъ предпріятій не можетъ правильно функціонировать, если всѣ остальныя, связанныя съ нимъ въ дѣловомъ отношеніи предпріятія испытываютъ какія-либо затрудненія.

Чѣмъ тѣснѣе становится взаимная зависимость торговли, кредита и промышленности и чѣмъ больше различныя функціи класса капиталистовъ распредѣляются между обособленными предпріятіями, тѣмъ сильнѣе становится зависимость каждаго отдѣльнаго капиталиста отъ другихъ. Капиталистическое хозяйство страны,—а въ извѣстныхъ отношеніяхъ и всего міроваго рынка,— все больше и больше превращается въ одно громадное тѣло, всѣ части котораго находятся въ самой тѣсной связи между собой. Если масса населенія все больше и больше попадаетъ въ зависимость отъ капиталистовъ, то эти послѣдніе попадаютъ во все большую зависимость другъ отъ друга.

Хозяйственный механизмъ современнаго способа производства становится все болѣе сложнымъ и чувствительнымъ механизмомъ, такъ что его безпрепятственное движеніе можетъ совершаться лишь въ томъ случаѣ, если всѣ его безчисленныя колеса хорошо пригнаны другъ къ другу и точно исполняютъ свои обязанности. Никогда еще никакой способъ производства не требовалъ настолько планомѣрнаго регулированія, какъ современный. Но частная собственность дѣлаетъ невозможнымъ внесеніе планомѣрности и порядка въ этотъ механизмъ. Въ то время какъ отдѣльныя предпріятія становятся все болѣе зависимыми другъ отъ друга *въ хозяйственномъ отношеніи*, они остаются въ правовомъ, *юридическомъ, отношеніи* независимыми. Необходимыя для веденія каждаго отдѣльнаго предпріятія средства являются частной собственностью, ихъ собственникъ можетъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію.

Чѣмъ больше развивается крупное производство, чѣмъ крупнѣе становятся отдѣльныя предпріятія, тѣмъ строже регулируется и устанавливается до мельчайшихъ подробностей хозяйственная дѣятельность въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ предпріятій, согласно опредѣленному, точно обдуманному, плану. Но совмѣстная дѣятельность отдѣльныхъ предпріятій по отношенію другъ къ другу остается предоставленной слѣпой силѣ *свободной конкуренціи*. При громадной тратѣ силъ и средствъ, при постоянно усиливающихся потрясеніяхъ, поддерживаетъ она ходъ хозяйственнаго механизма; она поддерживаетъ его не тѣмъ, что указываетъ каждому его настоящее мѣсто, но тѣмъ что давитъ всякаго, кто становится на пути движенія этого механизма. Это назы-

вають «подборомъ лучшихъ въ борьбѣ за существованіе». Въ дѣйствительности же свободная конкуренція выбрасываетъ не бездарныхъ, а скорѣе лицъ, занимающихъ ложную позицію, для удержанія которой у нихъ не хватаетъ способностей, или—и это самое главное—*капитала*. Но въ наши дни она не довольствуется однимъ уничтоженіемъ лишь тѣхъ, кто не приспособленъ къ «борьбѣ за существованіе». Каждая такая гибель побѣжденнаго влечетъ за собой разореніе или потрясеніе безчисленнаго множества другихъ существованій, стоявшихъ въ экономической зависимости съ предпріятіемъ, потерпѣвшимъ банкротство,—наемныхъ рабочихъ, кредиторовъ, поставщиковъ и т. д.

Еще и понынѣ въ большомъ ходу поговорка: «всякій самъ кузнецъ своего счастья». Она ведетъ свое происхожденіе изъ временъ мелкаго производства, когда отъ личныхъ качествъ отдѣльнаго работника зависѣла его судьба,—и при томъ судьба только его и его семьи. Въ настоящее время судьба любого члена капиталистическаго общества все меньше зависитъ отъ его личности и, напротивъ, все больше и больше—отъ тысячи условій, на которыя онъ не имѣетъ никакого вліянія. Подборъ, который создаетъ въ наши дни конкуренція, далеко не является подборомъ лучшихъ.

3. Прибыль.

Откуда-же извлекаетъ свой доходъ классъ капиталистовъ? *Торговый* и *ростовщическій* капиталъ первоначально получаютъ свой доходъ и проценты благодаря вычетамъ изъ *имущества* лицъ различныхъ классовъ, нуждающихся въ ихъ помощи или посредничествѣ. *Промышленный капиталъ* высиживаетъ свою прибыль при помощи эксплуатаціи *неимущихъ* наемныхъ рабочихъ. Но чѣмъ больше развивается капиталистическій способъ производства, тѣмъ сильнѣе промышленный капиталъ опережаетъ другіе роды капитала, тѣмъ болѣе, какъ мы видѣли, заставляетъ онъ ихъ служить себѣ; но это онъ можетъ сдѣлать лишь уступая имъ часть прибавочной стоимости, извлеченной изъ наемныхъ рабочихъ. Вслѣдствіе такого процесса развитія прибавочная стоимость, созданная пролетаріями, все болѣе и болѣе становится единственнымъ источникомъ, изъ котораго черпаетъ свой доходъ *весь классъ капиталистовъ*. Какъ ремесло и крестьянское земледѣліе, такъ и старыя формы торговаго и ростовщическаго капитала, черпающія свой доходъ изъ эксплуатаціи некапиталистическихъ классовъ, утрачиваютъ экономическое значеніе и все меньше и меньше вліяютъ на сущность современнаго общества: уже теперь существуютъ государства безъ ремесленниковъ и крестьянъ, напримѣръ, Англія. Но ни одно изъ современныхъ государствъ

немыслимо безъ крупной промышленности. Кто хочетъ понять нынѣшнія формы капитала, тотъ долженъ брать за исходный пунктъ промышленный капиталъ: въ прибавочной стоимости, производимой капиталистической промышленностью, слѣдуетъ искать важнѣйшій, все больше выдвигающійся на первое мѣсто, источникъ всѣхъ капиталистическихъ доходовъ.

Мы уже разсмотрѣли въ предыдущей главѣ прибавочную стоимость, которую производитъ промышленный пролетарій и присваиваетъ промышленный капиталистъ. Мы видѣли также, какимъ образомъ величина прибавочной стоимости, создаваемая отдѣльнымъ рабочимъ, все больше и больше возрастаетъ по отношенію къ величинѣ его заработной платы, а именно вслѣдствіе увеличенія труда рабочаго, введенія сберегающихъ трудъ машинъ, примѣненія дешевыхъ рабочихъ рукъ и т. д. Одновременно съ развитіемъ капиталистической промышленности растетъ также число эксплуатируемыхъ пролетаріевъ: такъ все больше и больше увеличивается масса прибавочной стоимости, стекающейся въ руки класса капиталистовъ.

Но, увы, «безоблачная радость смертнымъ не дана въ удѣлъ»,— и классъ капиталистовъ долженъ «дѣлиться», какъ ни ненавистенъ для него этотъ «дѣлежъ», собранною имъ прибавочною цѣнностью онъ долженъ дѣлиться съ *землевладѣніемъ* и *государствомъ*. И доля, которую прибираютъ къ своимъ рукамъ эти послѣдніе, возрастаетъ изъ года въ годъ.

4. Земельная рента.

Когда мы говоримъ о классахъ, которые становятся все болѣе исключительными собственниками и эксплуататорами, монополистами средствъ производства, то мы должны различать *капиталистовъ* и *крупныхъ землевладѣльцевъ*. Вѣдь земля есть средство производства особаго рода. Она *необходимѣйшее* изъ всѣхъ средствъ; безъ нея невозможна никакая человѣческая дѣятельность; даже мореплаватель и воздухоплаватель нуждаются въ мѣстахъ отправленія и высадки. Но земля, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое средство производства, которое *никоимъ образомъ не можетъ быть увеличено по желанію*. Между тѣмъ до сихъ поръ едва-ли когда встрѣчалась сколько нибудь значительная область, въ которой каждый клочекъ земли былъ-бы воздѣланъ ея обитателями. Даже въ Китаѣ имѣются еще обширныя пространства необработанной земли.

При господствѣ въ средневѣковой Европѣ мелкаго крестьянскаго производства, каждый крестьянинъ владѣлъ своей усадьбой и полемъ. Вода, лѣсъ, выгонъ были общественной собственностью, а

количество не воздѣланной земли было такъ велико, что можно было позволять каждому брать во владѣніе тѣ участки, которые онъ воздѣлывалъ среди пустоши и вести на нихъ хозяйство. Но вотъ началось развитіе товарнаго производства съ его послѣдствіями, съ которыми мы уже познакомились. Продукты земли стали товарами, они пріобрѣли цѣнность. Это въ свою очередь превратило и землю въ товаръ, имѣющій свою цѣнность. Отдѣльныя крестьянскія общины и товарищества старались теперь ограничить кругъ своихъ сочленовъ и стали разсматривать землю, которой они сообща владѣли и отчасти сообща-же эксплуатировали, не какъ неотчуждаемую общую собственность общины или товарищества, но какъ особый родъ *частной собственности*, принадлежащей сообща лишь наличнымъ членамъ и ихъ наслѣдникамъ, отъ пользованія которой отстранялись всѣ, позже вошедшіе въ составъ общины, члены. Они желали сдѣлать землю своей *монополіей*.

Но на общую собственность общины съ вожделѣніемъ взиралъ еще нѣкто другой,—именно *помѣщикъ*, который являлся покровителемъ общинной собственности; если эти, пріобрѣвшія такую цѣнность, земельныя владѣнія должны были теперь сдѣлаться частной собственностью, то именно *его* собственностью. Въ большинствѣ мѣстностей, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ развивалось крупное хозяйство, помѣщику удалось овладѣть крестьянской общинной собственностью. За этимъ послѣдовало обезземеленье крестьянъ,—захватъ крестьянскихъ земель,—изгнаніе отдѣльныхъ крестьянъ съ ихъ хозяйствъ. Теперь вся земля, даже и не примѣнявшаяся для сельскаго хозяйства, перешла въ частную собственность; землевладѣніе сдѣлалось привилегіей немногихъ. Такимъ образомъ, благодаря экономическому развитію, главнымъ образомъ вслѣдствіе образованія крупнаго землевладѣнія, земля стала монополіей еще задолго до того, какъ были исчерпаны пригодные для обработки участки, задолго до того, когда можно было говорить о перенаселеніи. Слѣдовательно, если земля, какъ средство производства, и занимаетъ особое мѣсто въ силу невозможности увеличивать по произволу ея количество, то это происходитъ не потому, что вся находящаяся въ наличности земля уже *обработывается*, а потому, что она,—по крайней мѣрѣ въ культурныхъ странахъ,—уже совершенно *захвачена въ собственность* меньшинствомъ. Такъ создалась монополія совершенно особаго рода. Конечно, классъ капиталистовъ, въ противоположность неимущимъ классамъ, обладаетъ монополіей на средства производства. Но внутри самого класса капиталистовъ опредѣленныя средства производства не составляютъ монополіи опредѣленныхъ членовъ этого класса, по крайней мѣрѣ не составляютъ продолжительной ихъ монополіи. Если образуется компанія капиталистовъ для моно-

полизированія какого-нибудь опредѣленнаго, въ высшей степени важнаго, изобрѣтенія, напримѣръ, новой машины, то всегда могутъ найтись другіе капиталисты, которые либо тоже пріобрѣтутъ эту машину, либо побьютъ ее новымъ изобрѣтеніемъ, либо-же, рано или поздно, введутъ сходную машину. Все это непримѣнимо къ землевладѣнію. Землевладѣлецъ имѣетъ монополію, направленную не только противъ неимущихъ классовъ, но и противъ класса капиталистовъ.

Это особенное свойство землевладѣнія наиболѣе рѣзко выражено въ Англіи, гдѣ небольшое число семействъ имѣетъ въ своихъ рукахъ право собственности на землю цѣлой страны и крѣпко за него держится, не продавая никому. Кто нуждается въ землѣ, получаетъ ее отъ нихъ лишь *въ аренду*, за опредѣленную арендную плату,—*земельную ренту* [1]).

Въ Англіи капиталистъ, желающій построить фабрику или жилой домъ, устроить копи или завести сельско-хозяйственное предпріятіе, обыкновенно не можетъ купить земли, но можетъ лишь арендовать ее.

У насъ капиталистъ по большей части и земельный собственникъ; фабрикантъ владѣетъ землею, на которой построена его фабрика, горнопромышленникъ является владѣльцемъ копей, которыя онъ разработываетъ; съ другой стороны—крупный землевладѣлецъ по большей части ведетъ на континентѣ Европы свое собственное сельскохозяйственное предпріятіе и не сдаетъ его въ аренду предпринимателю. Если капиталистъ ведетъ хозяйство на своей землѣ, если онъ самъ землевладѣлецъ, ему, естественно, не нужно дѣлиться съ кѣмъ нибудь прибавочною стоимостью. Но это не вноситъ въ дѣло никакихъ существенныхъ измѣненій. Вѣдь онъ сдѣлался землевладѣльцемъ только потому, что заплатилъ прежнему владѣльцу земельнаго участка капиталъ, проценты съ котораго соотвѣтствуютъ величинѣ земельной ренты. Слѣдовательно, онъ, во всякомъ случаѣ, уплачиваетъ поземельную ренту; въ той или другой формѣ эта рента уменьшаетъ его прибыль.

Монопольный характеръ земельной собственности обостряется, тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе становится спросъ на землю, чѣмъ больше возрастаетъ народонаселеніе, чѣмъ больше классъ капиталистовъ нуждается въ земельной собственности, чѣмъ болѣе развивается капиталистическій способъ производства. Въ той-же мѣрѣ растетъ и *земельная рента*, то есть сумма *всей* земельной ренты, выплачиваемой въ капиталистическомъ обществѣ. Никоимъ образомъ не

---

[1]) Строго говоря, арендная плата и поземельная рента не одно и то же. Въ аренду входитъ большею частью также часть процента на капиталъ. Но для нашей цѣли мы можемъ здѣсь принять равными арендную плату и поземельную ренту.

необходимо, чтобы возрастала рента съ каждаго участка земли. Земельный участокъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, даетъ тѣмъ болѣе ренты, чѣмъ онъ плодороднѣе и чѣмъ благопріятнѣе его положеніе (напримѣръ, ближе или дальше отъ рынка), но входить въ обсужденіе законовъ ренты, конечно, мы не имѣемъ здѣсь возможности. Открытіе новыхъ плодородныхъ земель можетъ такимъ образомъ понизить ренту съ истощенной почвы; но тѣмъ сильнѣе будетъ расти рента съ вновь открытыхъ земель. Точно также, совершенствованіе средствъ транспорта можетъ понизить ренту въ мѣстности, расположенной ближе къ рынку въ пользу болѣе отдаленной. И то и другое происходило въ два послѣднія десятилѣтія. Земельная рента въ Америкѣ возросла, и при томъ, поскольку этому не противодѣйствовали охранительныя сельско-хозяйственныя пошлины, какъ разъ на счетъ западно-европейской ренты. Но это относится только къ землямъ, занятымъ подъ сельское хозяйство. Въ городахъ земельная рента находится въ постоянномъ и быстромъ повышеніи. Вѣдь капиталистическій способъ производства скучиваетъ все болѣе и болѣе массы населенія въ городахъ. Къ несчастью, отъ этого меньше страдаетъ доходъ промышленниковъ-капиталистовъ, чѣмъ физическое и духовное здоровье бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Мы встрѣчаемъ здѣсь въ *квартирномъ вопросѣ* новый источникъ страданій пролетаріата. Но входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь не мѣсто.

5. Налоги.

Если землевладѣлецъ все въ бóльшей и бóльшей степени урѣзываетъ долю капиталиста въ прибавочной стоимости—или прямо, или косвенно, напримѣръ, повышая издержки на содержаніе рабочихъ, то и *государство* дѣйствуетъ подобнымъ-же образомъ не менѣе энергично. Современное государство выросло вмѣстѣ съ классомъ капиталистовъ и при его помощи, съ другой стороны и оно оказалось самымъ могущественнымъ средствомъ поднять этотъ классъ на высоту. Оба помогали другъ другу. Классъ капиталистовъ не можетъ обойтись безъ государства. Онъ нуждается въ его защитѣ—какъ внутренней, такъ и внѣшней.

Чѣмъ болѣе развивается капиталистическій способъ производства, тѣмъ рѣзче становятся создаваемыя имъ противорѣчія и противоположности, тѣмъ сложнѣе становится его механизмъ, тѣмъ сильнѣе зависимость одного отъ другихъ, тѣмъ сильнѣе нужда въ авторитетѣ, который всталъ бы надъ всѣми и заботился-бы о томъ, чтобы всякій исполнялъ обязанности, вытекающія изъ его хозяйственныхъ функцій. Такой чувствительный механизмъ, какъ нынѣшній способъ производ-

ства, допускаетъ менѣе, чѣмъ любой изъ предшествовавшихъ способовъ производства, разрѣшеніе противорѣчій и столкновеній силами самихъ заинтересованныхъ сторонъ. На мѣсто самопомощи выступаетъ охраняемое государствомъ *право*.

Капиталистическая эксплуатація никоимъ образомъ не является слѣдствіемъ какого-нибудь опредѣленнаго права. Наоборотъ, ея потребности создали дѣйствующее нынѣ право и обезпечили его господство. Оно не порождаетъ эксплуатаціи, оно заботится лишь о томъ, чтобы эксплуатація, какъ и другія явленія хозяйственной жизни, совершалась какъ можно глаже. Если мы называемъ *конкуренцію двигательной силой* современнаго способа производства, то мы можемъ разсматривать право, какъ *смазочное масло*, которое имѣетъ назначеніе дѣлать какъ можно менѣе чувствительными всѣ сопротивленія отъ тренія въ хозяйственномъ механизмѣ. Чѣмъ сильнѣе возрастаютъ эти сопротивленія тренія, тѣмъ острѣе становятся съ одной стороны противоположности между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между собственниками и неимущими, тѣмъ многочисленнѣе становится пролетаріатъ, особенно босяцкій пролетаріатъ; чѣмъ болѣе съ другой стороны внутри класса капиталистовъ каждый отдѣльный предприниматель нуждается для безпрепятственнаго хода своего предпріятія въ своевременномъ содѣйствіи многочисленныхъ другихъ капиталистовъ, тѣмъ сильнѣе потребность въ цѣлесообразномъ правѣ, тѣмъ обширнѣе дѣятельность его органовъ— *юстиціи* и *полиціи* и тѣмъ больше потребность въ сильной государственной власти, которая могла-бы право подкрѣпить силою.

Но для капиталистовъ дѣло идетъ не просто о томъ, чтобы имѣть возможность непрерывно производить, покупать и продавать только внутри своей страны. Внѣшняя торговля издавна играетъ большую роль въ капиталистическомъ производствѣ, и чѣмъ больше оно становится господствующимъ, тѣмъ очевиднѣе выясняется, что обезпеченіе и расширеніе внѣшнихъ рынковъ представляетъ жизненный интересъ всей націи. Но на всемірномъ рынкѣ капиталисты одной націи встрѣчаются съ конкурентами другихъ націй. Для отпора послѣднимъ они призываютъ государство, которое должно при помощи военной силы заставить уважать ихъ права, или—что еще лучше—просто прогнать иноземныхъ конкурентовъ. Какъ государства и монархи все больше попадаютъ въ зависимость отъ класса капиталистовъ, такъ и войско служитъ уже не только личнымъ цѣлямъ монарховъ, но и цѣлямъ класса капиталистовъ. Войны изъ династическихъ становятся все болѣе торговыми и наконецъ *національными;* причины послѣднихъ войнъ въ конечномъ счетѣ также сводятся лишь къ экономическимъ противоположностямъ интересовъ капиталистовъ отдѣльныхъ націй.

Капиталистическое государство нуждается поэтому не только въ громадной *арміи чиновниковъ* для судебныхъ и полицейскихъ цѣлей (также, разумѣется, и для завѣдыванія финансами), но въ сильномъ *войскѣ*. Обѣ эти арміи въ капиталистическомъ государствѣ постоянно возрастаютъ; но въ новѣйшее время военная армія увеличивается быстрѣе чиновничьей.

Пока не существовало приложенія науки къ промышленной техникѣ и военная техника измѣнялась лишь весьма медленно. Но какъ только машина достигла господства въ промышленности и толкнула послѣднюю къ постоянному развитію, прекратился прежній застой и для военныхъ машинъ. Каждый день приноситъ новое изобрѣтеніе или открытіе, которое, едва будучи испробовано и введено съ большими издержками, опять вытѣсняется другимъ производящимъ переворотъ нововведеніемъ. И все обширнѣе, сложнѣе и дороже становятся военныя машины. Одновременно прогрессъ транспорта дѣлаетъ возможнымъ доставлять на театръ войны все бо́льшія массы войскъ; вслѣдствіе этого арміи становятся все болѣе многочисленными. При такихъ условіяхъ въ послѣднія 20 лѣтъ во всѣхъ европейскихъ державахъ государственные расходы на военныя нужды (къ которымъ въ большинствѣ случаевъ нужно причислить и государственный долгъ) растутъ прямо съ безумной быстротой.

Государство обходится все дороже, налагаемыя имъ тягости все обременительнѣе. Капиталисты и крупные землевладѣльцы стараются, естественно, всюду, гдѣ пружины законодательства находятся въ ихъ рукахъ, свалить эти тягости, насколько это возможно, на другіе классы народа. Но у послѣднихъ можно добыть все меньше и меньше и такимъ образомъ, несмотря на всѣ ухищренія господъ эксплуататоровъ, ихъ прибавочная стоимость должна все болѣе урѣзываться въ пользу государства.

6. Паденіе прибыли.

Одновременно съ только что описаннымъ процессомъ развитія, сумма всего капитала, вложеннаго классомъ капиталистовъ въ различныя предпріятія «для роста», обнаруживаетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе эксплуатаціи рабочаго класса, быстрѣе массы создаваемой имъ прибавочной стоимости.

Мы не можемъ здѣсь подробно останавливаться на основныхъ причинахъ этого явленія, пониманіе которыхъ предполагаетъ большія знанія въ политической экономіи. Это можно иллюстрировать примѣромъ.

Возьмемъ рѣзко бросающійся въ глаза случай. Сравнимъ съ со-

временнымъ машиннымъ прядильщикомъ ручного прядильщика, работавшаго сто лѣтъ тому назадъ, котораго капиталистъ эксплуатировалъ въ качествѣ рабочаго домашней промышленности. Сколько капитала необходимо, чтобы первый могъ работать! Какъ незначителенъ, напротивъ, капиталъ употреблявшійся при ручномъ пряденіи! Капиталистъ уплачивалъ прядильщику его заработную плату и давалъ ему хлопокъ или ленъ для пряденія. Въ отношеніи заработной платы произошло мало измѣненій, но въ настоящее время машинный прядильщикъ потребляетъ, быть можетъ, разъ въ сто больше сырого матеріала, чѣмъ ручной прядильщикъ; а какія громадныя постройки, паровыя машины и прядильные станки необходимы, чтобы можно было пустить въ ходъ механическую прядильню!

Разсмотримъ еще и другое обстоятельство: сто лѣтъ тому назадъ капиталистъ, нанимавшій прядильщика, дѣлалъ затраты въ своемъ предпріятіи только на *заработную плату* и *сырой матеріалъ;* основного капитала почти не существовало, — прялку нечего было принимать въ разсчетъ. Его капиталъ оборачивался быстро, скажемъ, въ четверть года; слѣдовательно, ему нужно было для своего предпріятія пускать въ оборотъ—затрачивать впередъ—лишь *четверть* того капитала, который онъ употреблялъ въ теченіе цѣлаго года. Теперь сумма капитала, вложеннаго въ механической прядильнѣ, въ машины и строенія, необычайно велика. Пусть время обращенія части капитала, расходуемой на заработную плату и сырые матеріалы, остается такимъ-же, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, но время обращенія другой части капитала, которая сто лѣтъ тому назадъ почти не существовала, весьма продолжительно.

Рядъ причинъ дѣйствуетъ и въ противоположномъ направленіи, какъ, напримѣръ, кредитъ, но въ особенности паденіе стоимости продукта, являющееся необходимымъ слѣдствіемъ повышенія производительности труда. Но эти причины никоимъ образомъ не въ состояніи совершенно остановить указаннаго развитія. Оно совершается во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ однѣхъ медленнѣе, въ другихъ быстрѣе и приводитъ къ тому, что величина затраченной въ годъ суммы капитала, приходящейся въ среднемъ на одного рабочаго, занятаго въ промышленности, быстро и значительно возрастаетъ.

Допустимъ, что сто лѣтъ тому назадъ эта сумма составляла 100 марокъ и что теперь она возросла до тысячи марокъ; примемъ далѣе, что эксплуатація рабочаго *увеличилась въ пять разъ;* если прибавочная стоимость, которую рабочій создавалъ сто лѣтъ назадъ, составляла ежегодно 50 марокъ, то при одинаковой заработной платѣ теперь она составляетъ 250 марокъ. Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ *масса* созданной прибавочной стоимости, какъ таковой (*абсолютно*) чрезвычайно *возросла*; но *по отношенію къ величинѣ капитала*,

который капиталистъ ежегодно затрачиваетъ, прибавочная стоимость *упала*; сто лѣтъ тому назадъ это отношеніе равнялось 50 процентамъ, теперь оно составляетъ всего только 25 процентовъ.

Это, конечно, лишь примѣръ, но тенденція, которую онъ поясняетъ, существуетъ въ дѣйствительности.

Общее количество прибавочной стоимости, создаваемой ежегодно въ капиталистической странѣ, постоянно и быстро возрастаетъ; но еще быстрѣе растетъ общее количество вложеннаго классомъ капиталистовъ въ различныя капиталистическія предпріятія капитала, на который должна распредѣляться прибавочная стоимость. Если, кромѣ того, принять во вниманіе, что, какъ мы уже видѣли, государственные налоги и земельная рента дѣлаютъ все бóльшія урѣзки въ суммѣ ежегодно производимой прибавочной стоимости, тогда будетъ понятно, что средняя величина прибавочной стоимости, приходящейся ежегодно *на опредѣленную сумму капитала*, находится въ постоянномъ пониженіи, несмотря на то, что *эксплуатація рабочаго возрастаетъ.*

Слѣдовательно прибыль, т. е. та часть прибавочной стоимости, которая остается капиталистическому предпринимателю, обнаруживаетъ тенденцію падать по отношенію къ общему затраченному имъ капиталу или, выражаясь иначе, въ процессѣ развитія капиталистическаго способа производства прибыль, приходящаяся на опредѣленную сумму капитала, въ общемъ становится все меньше и меньше. Естественно, это имѣетъ значеніе, какъ средній выводъ для довольно значительныхъ промежутковъ времени. Признакомъ этого паденія служитъ постоянное пониженіе процента.

Итакъ, въ то время, какъ эксплуатація рабочаго имѣетъ тенденцію возрастать, норма прибыли капиталиста показываетъ тенденцію падать.

Это и есть одно изъ самыхъ удивительныхъ противорѣчій столь богатаго противорѣчіями капиталистическаго способа производства. Изъ этого паденія прибыли заключали, что капиталистическая эксплуатація когда-нибудь закончится сама собою. Капиталъ, дескать, будетъ приносить, наконецъ, такъ мало прибыли, что капиталисты отъ голода будутъ искать занятій. Но это случилось-бы лишь только тогда, если-бы норма прибыли постоянно падала, а величина общаго капитала оставалась прежней. Однако дѣло обстоитъ вовсе не такъ. Величина общаго капитала у капиталистическихъ народовъ растетъ быстрѣе, чѣмъ падаетъ норма прибыли и если размѣръ процента падаетъ отъ 5 до 4, или отъ 4 до 3%, то этимъ не убавляется доходъ того капиталиста, капиталъ котораго за это время возросъ съ одного милліона до двухъ или четырехъ милліоновъ. Паденіе нормы прибыли, въ частности размѣра процента, вовсе не означаетъ умень-

шенія дохода класса капиталистовъ; вѣдь *масса* прибавочной стоимости, получаемой ими, постоянно возрастаетъ; это паденіе сокращаетъ доходъ лишь тѣхъ капиталистовъ, которые не въ состояніи соотвѣтственно увеличивать размѣръ своего капитала. Въ теченіе экономическаго развитія все выше подымается граница, за которой капиталъ начинаетъ давать его владѣльцу приличное его положенію содержаніе. Все выше становится минимальный размѣръ состоянія, необходимаго для того, чтобы можно было жить, не работая самому, на счетъ труда другихъ. Что было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ значительнымъ состояніемъ, теперь стало сущими пустяками.

Паденіе прибыли и величины процента ведетъ не къ гибели класса капиталистовъ, но къ его *суженію*. Каждый годъ изъ него исключаются мелкіе капиталисты и обрекаются на ту же отчаянную борьбу съ гибелью, какъ ремесленники, мелкіе торговцы и мелкіе крестьяне; на отчаянную борьбу, которая можетъ продолжаться долго или коротко, но окончательно завершается для нихъ или ихъ дѣтей паденіемъ въ ряды пролетаріата. И всѣ ихъ попытки—избѣжать своей участи,—по большей части лишь ускоряютъ ихъ разореніе.

Удивляются множеству глупцовъ, которыхъ теперь каждый мошенникъ сумѣетъ заставить довѣрить ему свои деньги, если только при этомъ онъ пообѣщаетъ довольно высокій процентъ. Но люди обыкновенно не такъ глупы, какъ они выглядятъ; мошенническое предпріятіе—это послѣдняя соломинка, за которую они хватаются, чтобы добыть отъ своего маленькаго состоянія необходимый доходъ. Ихъ ослѣпляетъ скорѣе страхъ передъ нуждою, чѣмъ жадность.

7. Ростъ крупнаго производства. Картели.

Рядомъ съ борьбою изъ-за конкуренціи между ремесломъ и крупною капиталистическою промышленностью свирѣпствуетъ борьба между болѣе крупными и мелкими капиталистическими предпріятіями. Каждое мгновеніе приноситъ новое изобрѣтеніе, новое открытіе, примѣненіе которыхъ значительно повышаетъ производительность труда. Каждый такой шагъ впередъ болѣе или менѣе обезцѣниваетъ прежнюю организацію производства, вноситъ необходимость нововведеній, часто даже расширенія производства. Кто не обладаетъ необходимымъ для этого капиталомъ, дѣлается рано или поздно неспособнымъ къ конкуренціи и разоряется, или оказывается вынужденнымъ перенести свой капиталъ въ такую отрасль промышленности, въ которой для болѣе мелкаго предпріятія еще есть возможность къ конкуренціи. Такимъ образомъ конкуренція внутри крупной промышленности вызываетъ переполненіе въ сферѣ мелкой промышленности и дѣйствуетъ

здѣсь такимъ образомъ, что ремесло гибнетъ даже въ тѣхъ немногихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ мелкое производство еще до извѣстной степени является жизнеспособнымъ. Все крупнѣе, все обширнѣе становятся предпріятій крупной промышленности. Изъ большихъ предпріятій, насчитывающихъ сотни рабочихъ, образуются гигантскія предпріятія съ тысячами занятыхъ въ нихъ рабочихъ (прядильни, пивоваренные, сахарные, желѣзо-дѣлательные заводы и т. д.). Все болѣе и болѣе исчезаютъ болѣе мелкія предпріятія: промышленное развитіе съ извѣстнаго момента вмѣсто увеличенія ведетъ къ непрерывному *уменьшенію* числа предпріятій капиталистической крупной промышленности.

Но этого еще недостаточно. Экономическое развитіе ведетъ также къ тому, что капиталистическія предпріятія все болѣе сосредоточиваются *въ однѣхъ рукахъ*,—переходя-ли въ собственность отдѣльнаго капиталиста, или товарищества капиталистовъ, которое въ хозяйственномъ отношеніи также представляетъ лишь *одно лицо* (юридическое лицо).

Пути къ этому весьма разнообразны.

Одинъ изъ нихъ создается стремленіемъ капиталистовъ - стать внѣ конкуренціи. Мы видѣли выше, что конкуренція является двигательной силой современнаго способа производства. Она является двигательной силой товарнаго производства и торговли. Но какъ-бы ни была необходима конкуренція для всего общества товаро-производителей, каждый отдѣльный владѣлецъ товаровъ весьма желаетъ— видѣть свой товаръ на рынкѣ *внѣ* конкуренціи. Если онъ является единственнымъ владѣльцемъ искомаго товара, если онъ имѣетъ на него *монополію*, то тогда онъ можетъ поднять его цѣну далеко выше его стоимости; тогда всѣ нуждающіеся въ этомъ товарѣ находятся въ совершенной зависимости отъ него. Гдѣ на рынкѣ встрѣчаются нѣсколько продавцевъ съ товарами одного рода, они могутъ искусственно создать монополію, соединившись другъ съ другомъ, чтобы вмѣстѣ явиться въ качествѣ единственнаго продавца. Естественно, подобное объединеніе—*картель* или союзъ, трестъ, синдикатъ и т. д., дѣлается возможнымъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше число конкурентовъ, противорѣчащіе интересы которыхъ надо согласовать.

Поскольку капиталистическій способъ производства расширяетъ рынокъ и увеличиваетъ на немъ число конкурентовъ, онъ затрудняетъ тѣмъ самымъ образованіе монополій въ торговлѣ, и промышленности. Но въ каждой отрасли капиталистическаго производства рано или поздно наступаетъ моментъ, какъ уже упоминалось, съ котораго дальнѣйшее развитіе промышленности ведетъ уже къ сокращенію числа заключающихся въ ней предпріятій. Съ этого времени она все болѣе и болѣе созрѣваетъ для образованія картелей. Моментъ зрѣлости можетъ быть ускоренъ въ каждой данной странѣ тѣмъ,

что ея внутренній рынокъ будетъ защищенъ отъ иностранной конкуренціи покровительственными пошлинами. Благодаря этому число конкурентовъ для такого рынка сокращается, а это облегчаетъ внутреннимъ производителямъ объединиться, создать монополію и, благодаря «охранѣ національнаго труда» сдирать шкуру съ національныхъ потребителей.

За послѣднія 20 лѣтъ число картелей, посредствомъ которыхъ «регулируется» производство и цѣны опредѣленныхъ товаровъ, какъ извѣстно, весьма возросло, особенно въ странахъ съ покровительственными таможенными пошлинами,—въ Соединенныхъ Штатахъ, Германіи, Франціи. Гдѣ дѣло доходитъ до образованія картелей, тамъ объединившіяся отдѣльныя предпріятія образуютъ въ дѣйствительности лишь *одно* предпріятіе съ *однимъ* руководствомъ,—очень часто они и формально подчиняются одному общему управленію.

Образованіе картелей раньше всего захватываетъ производство и переработку *угля и желѣза*, самыхъ важныхъ, необходимѣйшихъ для хода промышленности товаровъ. Большинство картелей распространяетъ свое вліяніе широко за предѣлы монополизированныхъ ими отраслей промышленности; они ставятъ въ зависимость отъ нѣсколькихъ монополистовъ весь механизмъ производства.

Одновременно со стремленіемъ объединить въ однѣхъ рукахъ различныя предпріятія одной опредѣленной отрасли промышленности, развивается стремленіе объединить въ одно цѣлое различныя производства различныхъ отраслей промышленности, изъ которыхъ одно доставляетъ сырой матеріалъ или орудія производства для другого. Многія желѣзнодорожныя общества владѣютъ собственными угольными копями и паровозными заводами; сахарные заводы стараются сами воздѣлывать часть свекловицы, которую они переработываютъ; производитель картофеля воздвигаетъ собственный винокуренный заводъ и т. д. Слѣдуетъ указать еще третій путь концентраціи различныхъ предпріятій въ однѣхъ рукахъ. Онъ проще всѣхъ.

Мы видѣли, что при современномъ способѣ производства капиталисту приходится выполнять чрезвычайно важныя функціи. Онѣ оказались-бы лишними при другой организаціи производства, но, при господствѣ товарнаго производства и частной собственности на средства производства, крупное производство возможно только какъ производство капиталистическое. Для того, чтобы производство совершалось и продукты достигали потребителей, тутъ необходимо вмѣшательство капиталиста съ его капиталомъ и цѣлесообразное примѣненіе послѣдняго. Хотя капиталистъ ничего не производитъ, хотя онъ не создаетъ никакой стоимости, но все-же онъ играетъ въ хозяйственномъ механизмѣ важную роль.

Но чѣмъ крупнѣе становится капиталистическое предпріятіе, тѣмъ

необходимѣе для капиталиста сложить часть своихъ возрастающихъ дѣловыхъ обязанностей или на другія капиталистическія предпріятія, какъ это мы видѣли, или на своихъ-же наемныхъ служащихъ, которыхъ онъ назначаетъ для отправленія своихъ функцій. Будутъ ли эти функціи выполняться наемнымъ рабочимъ или капиталистомъ, это все равно для хозяйственной жизни; онѣ не сдѣлаются создающими стоимость оттого, что капиталистъ предоставитъ ихъ исполнять другимъ. Слѣдовательно, поскольку онѣ не создаютъ стоимости, капиталистъ долженъ ихъ оплачивать изъ прибавочной стоимости. Тутъ мы знакомимся съ новымъ вычетомъ изъ прибавочной стоимости, благодаря которому также уменьшается прибыль.

Если ростъ предпріятія заставляетъ даннаго капиталиста замѣщать себя введеніемъ служащихъ, то эти расходы для него облегчаются ростомъ прибавочной стоимости. Чѣмъ больше прибавочная стоимость, тѣмъ большее количество своихъ функцій капиталистъ можетъ передать для исполненія своимъ служащимъ, пока наконецъ онъ не сложитъ съ себя всю свою работу, такъ что ему остается лишь одна забота—о выгодномъ помѣщеніи той части прибыли, которую онъ не потребляетъ.

Число предпріятій, достигшихъ такого положенія, растетъ изъ года въ годъ. Это яснѣе всего показываетъ ростъ *акціонерныхъ обществъ*, въ которыхъ, какъ это очевидно для самаго близорукаго глаза, *личность* капиталиста, уже при современномъ способѣ производства, сдѣлалась совершенно ненужной и имѣетъ значеніе только его *капиталъ*. Въ Англіи (для Германіи отсутствуютъ болѣе давнія цифры) въ 1845 году было основано 57 акціонерныхъ обществъ, въ 1861—344, зато въ 1888—2550 и въ 1896—4735. Въ 1888 году дѣйствовало 11001 акціонерное общество съ акціонернымъ капиталомъ свыше 12.000 милліоновъ марокъ, въ 1896—21223 съ капиталомъ въ 23.000 милліоновъ марокъ. Нѣкоторые думали, что въ акціонерныхъ предпріятіяхъ найдено средство дѣлать для маленькихъ людей доступными выгоды крупныхъ предпріятій. Но какъ и кредитъ, такъ и акціонерное дѣло, представляющее лишь особую форму кредита, служитъ скорѣе средствомъ предоставить въ распоряженіе крупныхъ капиталистовъ состояніе мелкаго люда.

Если личность капиталиста сдѣлалась ненужной для предпріятія, то въ немъ можетъ принять участіе каждый, кто имѣетъ необходимый капиталъ, безразлично, понимаетъ ли онъ что-нибудь въ данномъ дѣлѣ или нѣтъ. Благодаря этому для отдѣльныхъ капиталистовъ явилась возможность—соединять въ своихъ рукахъ различныя предпріятія, не имѣющія никакого отношенія одно къ другому. Всего легче крупный капиталистъ прибираетъ въ свои руки акціонерныя общества. Чтобы сдѣлать предпріятіе зависимымъ отъ себя и за-

ставить служить своимъ интересамъ, нужно только обладать большею частью его акцій, которыя такъ же быстро покупаются, какъ и продаются.

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что въ общемъ крупные капиталисты возрастаютъ быстрѣе мелкихъ; ибо чѣмъ крупнѣе капиталъ, тѣмъ больше (при прочихъ равныхъ условіяхъ) размѣръ прибыли, слѣдовательно и доходъ, который онъ получаетъ, тѣмъ мельче та доля его, которая нужна капиталисту для его личныхъ потребностей, тѣмъ больше часть, которую онъ накопляетъ и можетъ присоединить къ своему прежнему капиталу въ качествѣ новаго капитала. Капиталистъ, предпріятіе котораго приноситъ ежегодно 10.000 марокъ, будетъ въ состояніи на эти деньги по капиталистическимъ понятіямъ лишь скромно существовать. Онъ можетъ радоваться, если ему удастся ежегодно откладывать по 2.000 марокъ—*пятую часть* его прибыли. Капиталистъ, капиталъ котораго настолько великъ, что онъ извлекаетъ изъ него 100.000 марокъ дохода, будетъ въ состояніи, даже если онъ истратитъ на себя и свою семью въ пять разъ больше, чѣмъ вышеупомянутый капиталистъ, откладывать къ своему капиталу уже *три пятыхъ* своей прибыли. И если капиталъ какого-нибудь капиталиста настолько великъ, что онъ приноситъ въ годъ милліонъ марокъ, то онъ, издержавъ на себя десятую часть, и то не безъ усилій, если онъ нормальный человѣкъ, сможетъ, несмотря на крупныя траты, спокойно отложить *девять десятыхъ* своего дохода.

Въ то время, какъ для мелкихъ капиталистовъ борьба за существованіе становится все труднѣе, крупныя состоянія растутъ все быстрѣе и достигаютъ въ короткое время огромныхъ размѣровъ.

Если мы все это сопоставимъ: увеличеніе размѣровъ предпріятій, быстрый ростъ крупныхъ состояній; уменьшеніе числа предпріятій, усиливающуюся концентрацію мелкихъ предпріятій въ однѣхъ рукахъ,—тогда станетъ яснымъ, что тенденція капиталистическаго способа производства клонится къ соединенію средствъ производства, уже ставшихъ монополіей класса капиталистовъ, все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ. Это развитіе въ концѣ концовъ ведетъ къ тому, что всѣ средства производства націи, или даже всего мірового хозяйства, сдѣлаются частною собственностью отдѣльной личности или акціонернаго общества, которыя и будутъ распоряжаться ими по произволу; весь хозяйственный механизмъ соберется въ одно чудовищное предпріятіе, въ которомъ все служитъ одному господину, все принадлежитъ одному господину. Частная собственность на средства производства приводитъ въ капиталистическомъ обществѣ къ тому, что всѣ лишаются собственности за исключеніемъ одного человѣка. Она ведетъ, слѣдовательно, къ своему собственному упраздненію, къ лишенію всѣхъ собственности и къ

порабощенію всѣхъ. Но этимъ самымъ развитіе капиталистическаго товарнаго производства ведетъ къ упраздненію своихъ собственныхъ устоевъ. Капиталистическая эксплуатація станетъ безсмысленной, когда эксплуататоръ не будетъ находить другихъ потребителей своихъ товаровъ, кромѣ имъ-же эксплуатируемыхъ. Если наемные рабочіе являются единственными потребителями, тогда исчезаетъ возможность продажи продуктовъ, въ которыхъ воплощена прибавочная стоимость, а эта послѣдняя обезцѣнивается.

Въ дѣйствительности положеніе, здѣсь обрисованное, было-бы столь-же чудовищно, какъ и невозможно. До этого дѣло не дойдетъ и не можетъ дойти. Вѣдь простое приближеніе къ такому состоянію должно довести всѣ страданія, противоположности и противорѣчія въ обществѣ до такого предѣла, что они станутъ невыносимы и, если развитію заблаговременно не будетъ дано другое направленіе, общество утратитъ равновѣсіе и рухнетъ.

Но если въ дѣйствительности такое положеніе и не будетъ осуществлено вполнѣ, то мы подвигаемся къ нему навстрѣчу быстро, быстрѣе, чѣмъ кажется большинству. Ибо въ то время какъ, съ одной стороны, идетъ впередъ концентрація отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій въ рукахъ немногихъ, съ другой стороны, вмѣстѣ съ прогрессомъ раздѣленія труда растетъ, какъ мы видѣли, взаимная зависимость съ виду самостоятельныхъ предпріятій. Но эта взаимная зависимость все болѣе становится односторонней зависимостью мелкихъ капиталистовъ отъ крупныхъ. Подобно тому, какъ большинство съ виду самостоятельныхъ рабочихъ домашней промышленности на самомъ дѣлѣ является лишь наемными рабочими капиталиста, такъ теперь ужъ многіе, съ виду самостоятельные, капиталисты фактически находятся во власти другихъ капиталистовъ, а многія, съ виду самостоятельныя, капиталистическія предпріятія на самомъ дѣлѣ являются лишь филіальными отдѣленіями одного громаднаго капиталистическаго предпріятія.

И эта зависимость мелкихъ капиталистовъ отъ крупныхъ увеличивается, быть можетъ, еще быстрѣе, чѣмъ соединеніе различныхъ производствъ въ частную собственность немногихъ. Хозяйственный механизмъ капиталистическихъ націй уже и теперь въ конечномъ счетѣ находится во власти немногихъ владѣльцевъ гигантскихъ капиталовъ и ими эксплуатируется. Его объединеніе подъ руководствомъ нѣсколькихъ немногочисленныхъ фирмъ являются уже почти простой формальностью.

Въ то время какъ все болѣе увеличивается экономическая зависимость большихъ массъ населенія отъ класса капиталистовъ, внутри его также растетъ зависимость большинства отъ немногихъ, число которыхъ постоянно уменьшается, сила же и богатство возрастаетъ.

Но эта зависимость и для капиталистовъ такъ же мало увеличиваетъ ихъ *увѣренность* въ своемъ положенiи, какъ и для пролетарiевъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и крестьянъ. Напротивъ, къ нимъ примѣнимо то же, что и ко всѣмъ другимъ: одновременно съ ихъ зависимостью растетъ неувѣренность въ своемъ положенiи. Всего сильнѣе растетъ она, конечно, для мелкихъ капиталистовъ. Но полной обезпеченности не даетъ теперь даже самый крупный капиталъ.

Мы уже коснулись нѣкоторыхъ причинъ растущей шаткости капиталистическихъ предпрiятiй: чувствительность всего хозяйственнаго механизма къ внѣшнимъ потрясенiямъ постоянно возрастаетъ; между тѣмъ капиталистическiй способъ производства, обостряя противоположности между различными классами и нацiями, заставляя все болѣе расти выступающiя другъ противъ друга массы, дѣлая все болѣе мощными ихъ средства борьбы,—увеличиваетъ поводы къ такимъ потрясенiямъ и увеличиваетъ опустошенiя, ими производимыя. Растущая производительность труда умножаетъ не только прибавочную цѣнность, достающуюся капиталисту, но и количество товаровъ, которые должны быть доставлены на рынокъ и проданы капиталистомъ. Съ эксплуатацiей растетъ и конкуренцiя, ожесточенная борьба всѣхъ предпринимателей противъ всѣхъ предпринимателей, и рука-объ-руку съ этимъ развитiемъ идетъ постоянный техническiй переворотъ, идутъ безпрерывныя новыя открытiя и изобрѣтенiя, обезцѣнивающiя существующее и дѣлающiя излишними не только отдѣльныхъ рабочихъ, не только отдѣльныя машины, но часто цѣлыя предпрiятiя, даже цѣлыя отрасли промышленности.

Ни одинъ капиталистъ не можетъ полагаться на будущее, ни одинъ не знаетъ въ точности, будетъ-ли онъ въ состоянiи удержать и передать своимъ дѣтямъ то, что онъ самъ прiобрѣлъ.

Самъ классъ капиталистовъ все болѣе раскалывается на два слоя: одинъ—постоянно увеличивающiйся численно, сдѣлавшiйся совершенно лишнимъ для хозяйственной жизни, которому не остается ничего другого, какъ только прокучивать и проматывать плывущую въ ихъ руки, все возрастающую массу прибавочной стоимости,—поскольку они не пользуются ею для накопленiя новаго капитала. Если припомнить то, что мы говорили о положенiи образованныхъ людей въ современномъ обществѣ, то не придется удивляться при видѣ того, какъ огромное большинство богатыхъ праздныхъ людей выбрасываютъ свои деньги только на пошлыя и грубыя удовольствiя.

Другой слой капиталистовъ,—именно тѣ, которые не сдѣлались еще лишними въ своихъ предпрiятiяхъ,—все сокращается въ своемъ числѣ, но ихъ заботы и бремя отвѣтственности все возрастаютъ.

Если одна часть капиталистовъ все болѣе вырождается въ лѣнивомъ бездѣльѣ, то другая треплется въ вѣчной безпокойной борьбѣ изъ-за конкуренціи.

Но для обоихъ слоевъ необезпеченность ихъ положенія возрастаетъ. Такимъ образомъ, нынѣшній способъ производства не даетъ полнаго удовлетворенія даже эксплуататорамъ, даже тѣмъ, которые монополизировали и присвоили въ исключительное пользованіе всѣ его громадныя выгоды.

8. Хозяйственные кризисы.

Какъ ни велика, даже при обыкновенныхъ условіяхъ, общая необезпеченность всѣхъ классовъ общества, но она еще страшно увеличивается вслѣдствіе *кризисовъ*, которые съ неизбѣжностью естественнаго процесса вызываетъ время отъ времени товарное производство, достигшее извѣстной высоты развитія.

Вслѣдствіе той важности, которую пріобрѣли кризисы за послѣднія десятилѣтія для всей нашей хозяйственной жизни, и вслѣдствіе неясности относительно ихъ причинъ, господствующей еще въ широкихъ кругахъ, мы позволяемъ себѣ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Крупные современные кризисы, потрясающіе всемірный рынокъ, являются слѣдствіемъ *перепроизводства*, которое, въ свою очередь, есть слѣдствіе *отсутствія планомѣрности*, необходимо связанной съ товарнымъ производствомъ.

Перепроизводство въ томъ смыслѣ, что произведено больше, чѣмъ нужно, можетъ наступить при всякомъ способѣ производства. Но, само собою разумѣется, оно не можетъ приносить вреда, если производители работаютъ для собственнаго потребленія. Если, напримѣръ, первобытная крестьянская семья соберетъ больше хлѣба, чѣмъ ей нужно, то она сохранитъ избытокъ на время неурожая, или, если ея житницы переполнены, скормитъ его скоту, или, въ худшемъ случаѣ, только броситъ его.

Другое дѣло при товарномъ производствѣ. Оно предполагаетъ (въ своей развитой формѣ), что никто не производитъ для себя, но каждый для другихъ. Каждый долженъ покупать что ему нужно. Но все производство вовсе не распредѣлено планомѣрно, наоборотъ, каждому производителю предоставлено догадываться, какъ велика потребность въ производимыхъ имъ товарахъ. Съ другой стороны, при товарномъ производствѣ, коль скоро оно переросло низшую ступень мѣновой торговли, никто, кромѣ производителя денежнаго товара, благороднаго металла, не можетъ купить что-нибудь, предварительно не продавъ своего товара.

Вотъ тѣ два корня, изъ которыхъ выростаютъ кризисы.

Возьмемъ для наглядности самый простой случай. На одномъ рынкѣ сходятся вмѣстѣ владѣлецъ денегъ, положимъ золотопромышленникъ, съ двадцатью марками золота; далѣе, винодѣлъ съ боченкомъ вина, льняной ткачъ съ кускомъ полотна, мельникъ съ мѣшкомъ муки. Положимъ, что каждый изъ этихъ товаровъ имѣетъ одинаковую стоимость въ двадцать марокъ, другое предположеніе только усложнило-бы случай, не измѣняя ничего въ конечномъ результатѣ. Эти четыре владѣльца товаровъ—единственные на рынкѣ. Предположимъ далѣе, что каждый изъ нихъ вѣрно опредѣлилъ потребности другого: винодѣлъ продаетъ свой боченокъ вина золотопромышленнику и покупаетъ на полученные при этомъ 20 марокъ штуку полотна у ткача; этотъ послѣдній употребляетъ выручку со своего полотна, чтобы купить мѣшокъ муки. Каждый уходитъ съ рынка довольный.

Черезъ годъ всѣ четверо снова сходятся вмѣстѣ; каждый разсчитываетъ на тотъ-же сбытъ, что и раньше. Владѣлецъ денегъ опять не отказывается отъ вина винодѣла. Но винодѣлъ къ несчастью не имѣетъ никакой нужды въ полотнѣ; или, быть можетъ, ему нужны деньги для уплаты долга и поэтому онъ предпочитаетъ ходить въ рваной рубашкѣ, вмѣсто того чтобы купить полотна. Винодѣлъ оставляетъ свои двадцать марокъ въ карманѣ и уходитъ домой. Ткачъ теперь напрасно ждетъ покупателя. А разъ ткачъ ждетъ, то ждетъ также и мельникъ. Правда, семья ткача весьма голодна, правда, она нуждается въ мѣшкѣ муки, но ткачъ произвелъ полотно, на которое нѣтъ спроса, и потому полотно оказалось лишнимъ и лишней стала теперь также мука. У ткача и мельника нѣтъ денегъ, они не могутъ купить, что имъ нужно, и то, что они произвели, составляетъ теперь перепроизводство, равнымъ образомъ какъ и то, что было произведено для нихъ, напримѣръ, (чтобы продолжить сравненіе), столъ, который по разсчетамъ столяра долженъ былъ купить у него мельникъ.

Самыя существенныя явленія хозяйственнаго кризиса уже даны въ этомъ примѣрѣ. Конечно, при такихъ простыхъ отношеніяхъ кризиса не наступаетъ. Въ началѣ товарнаго производства каждое предпріятіе всегда производитъ въ большей или меньшей степени для собственнаго потребленія; производство товаровъ въ каждой семьѣ образуетъ лишь часть ея общаго производства. Ткачъ и мельникъ въ нашемъ примѣрѣ обладаютъ каждый участкомъ земли, скотомъ и могутъ спокойно переждать нѣкоторый срокъ, пока не найдется покупатель для ихъ товаровъ. При нуждѣ они могутъ прожить и безъ него.

Въ началѣ товарнаго производства рынокъ еще не великъ, за

нимъ легко наблюдать, производство и потребленіе, вся общественная жизнь изъ года въ годъ протекаетъ при одинаковыхъ условіяхъ. Въ маленькихъ общинахъ прежняго времени каждый хорошо зналъ другого, его потребности и покупательную силу. Хозяйственный механизмъ оставался все тѣмъ-же; число производителей, продуктивность ихъ работы, количество продукта, число потребителей, размѣръ спроса, денежныя суммы, которыми они располагали,—всѣ эти условія измѣнялись только весьма медленно, и каждое измѣненіе замѣчалось и принималось въ соображеніе.

Иначе складывались обстоятельства благодаря развитію товарной торговли. Подъ ея вліяніемъ производство для собственныхъ потребностей все болѣе отступало на задній планъ; отдѣльные товаропроизводители, а еще въ большей степени торговцы, все больше становились въ исключительную зависимость отъ сбыта своихъ товаровъ и при томъ возможно быстраго сбыта. Замедленіе или даже остановка въ сбытѣ товаровъ становится теперь для его владѣльца все болѣе зловѣщей; она можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ прямо привести его къ окончательной гибели. Но въ то же время растетъ и возможность застоя въ торговлѣ.

Посредствомъ товарной торговли приводятся въ связь различные, далеко другъ отъ друга отстоящіе, рынки; общій рынокъ отъ этого весьма расширяется, но и становится при этомъ менѣе доступнымъ наблюденію.

Этому еще содѣйствуетъ вмѣшательство одного или нѣсколькихъ посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, что порождается торговлей. Одновременно, благодаря торговлѣ и развитію транспорта, товары становятся болѣе подвижными; достаточно незначительнаго толчка, чтобы они въ громадномъ количествѣ устремились въ одинъ пунктъ.

Опредѣленіе спроса и находящихся въ наличности товарныхъ запасовъ становится теперь все болѣе затруднительно; развитіе статистики не исключаетъ трудности этой недостовѣрности; оно вообще дѣлаетъ возможнымъ разсчетъ, который, начиная съ извѣстной ступени товарнаго производства, безъ статистики былъ-бы совсѣмъ немыслимъ. Вся хозяйственная жизнь дѣлается все болѣе и болѣе зависимой отъ торговой спекуляціи, а послѣдняя становится все болѣе рискованной.

Купецъ исконный спекулянтъ; спекуляція была изобрѣтена не на биржѣ; и спекуляція является необходимой функціей капиталиста. Спекулируя, т. е. высчитывая ожидаемый спросъ, покупая свои товары тамъ, гдѣ они дешевы, т. е. гдѣ они находятся въ избыткѣ, и продавая тамъ, гдѣ они дороги, т. е. гдѣ ихъ мало, купецъ помогаетъ вносить нѣкоторый порядокъ въ хаосъ непланомѣрнаго производ-

ства независимыхъ другъ отъ друга частныхъ предпріятій. Но въ своихъ спекуляціяхъ онъ можетъ дѣлать ошибки. Тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ времени долго раздумывать, такъ какъ онъ не единственный купецъ на свѣтѣ. Сотни и тысячи конкурентовъ, подобно ему, ждутъ возможности воспользоваться каждымъ благопріятнымъ случаемъ, и кто первый уловитъ его, тотъ и получаетъ наибольшую выгоду. А это значитъ, — надо дѣйствовать быстро, не много взвѣшивать, не долго разсматривать, но рисковать: кто рискуетъ, тотъ выигрываетъ! Но можно и проиграть. Если гдѣ-нибудь на рынкѣ существуетъ большой спросъ на какой-нибудь товаръ, то этотъ товаръ туда устремляется скоро массами, пока его не окажется больше, чѣмъ можетъ поглотить рынокъ. Цѣны тогда падаютъ, купецъ долженъ продавать дешево, часто съ убыткомъ, или искать со своимъ товаромъ другого, лучшаго рынка. Его убытки при этой игрѣ могутъ быть такъ велики, что разорятъ его.

При господствѣ развитого товарнаго производства на рынкѣ всегда оказывается товаровъ или слишкомъ мало, или слишкомъ много; буржуазные экономисты считаютъ этотъ порядокъ въ высшей степенмудрымъ и заслуживающимъ удивленія; мы думаемъ нѣсколько иначе, но во всякомъ случаѣ онъ неизбѣженъ, пока существуетъ товарное производство, достигшее извѣстной высоты развитія. Этотъ мудрый порядокъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ привести къ тому, что вслѣдствіе какого-нибудь необыкновенно сильнаго возбужденія, переполненіе рынка товарами будетъ чрезвычайне велико и такимъ образомъ потери торговцевъ сдѣлаются особенно огромными и большое число торговцевъ станетъ несостоятельными — банкротами. Тогда мы имѣемъ уже торговый кризисъ въ чистомъ видѣ.

Развитіе путей сообщенія съ одной стороны и кредита съ другой облегчаютъ внезапныя переполненія рынка товарами, ускоряютъ благодаря этому и кризисы и увеличиваютъ ихъ опустошительное дѣйствіе.

Тѣмъ не менѣе торговые кризисы были ограничены по своимъ размѣрамъ и по своей глубинѣ, пока мелкое производство было господствующей формой производства. Было невозможно, чтобы подъ вліяніемъ какого-нибудь толчка быстро возросло количество продуктовъ, произведенныхъ для *всего рынка*. При господствѣ ремесленныхъ мелкихъ предпріятій производство не способно къ быстрому расширенію. Оно не можетъ быть расширено посредствомъ увеличенія числа рабочихъ, такъ какъ и въ обыкновенное время заняты почти всѣ работоспособные члены въ соотвѣтствующихъ слояхъ населенія. Оно можетъ быть увеличено лишь увеличеніемъ тяжести труда отдѣльныхъ лицъ— удлиненіемъ рабочаго времени, воскресной работой и т. д. Но самостоятельный ремесленникъ и крестьянинъ добраго стараго времени,

не испытавшій еще конкуренціи крупнаго производства, не имѣлъ къ этому ни малѣйшей охоты. Но если-бы онъ и приноровился къ чрезмѣрной работѣ, это принесло бы не много пользы, такъ какъ производительность работы была незначительна.

Это измѣнилось со времени возникновенія крупной капиталистической промышленности. Послѣдняя пе только развиваетъ до невиданныхъ прежде размѣровъ всѣ вспомогательныя средства, облегчающія торговлѣ возможность быстро переполнять рынки товарами, она не только расширяетъ рынокъ до размѣровъ всемірнаго рынка, обнимаетъ весь земной шаръ, она не только увеличиваетъ число посредниковъ между производителями и потребителями, но дѣлаетъ производство способнымъ слѣдовать за каждымъ движеніемъ торговли и расширяться скачками.

Уже то обстоятельство, что теперь рабочіе вполнѣ подчинены капиталисту, что послѣдній можетъ увеличить рабочіе часы и уничтожить воскресный и ночной отдыхъ, позволяетъ капиталисту расширять производство быстрѣе, чѣмъ это было возможно раньше. А теперь лишній часъ работы, при громадной производительности труда, обозначаетъ совсѣмъ иное расширеніе производства, чѣмъ во времена ремесла. При этомъ капиталисты въ состояніи теперь быстрѣе расширять свое предпріятіе. Капиталъ представляетъ весьма эластичную, растяжимую величину, въ особенности благодаря кредиту. Оживленіе въ дѣлахъ увеличиваетъ довѣріе, выманиваетъ деньги на улицу, сокращаетъ срокъ оборота части капитала, и, слѣдовательно, увеличиваетъ его дѣеспособность, и т. д. Но самое важное заключается въ томъ, что *въ распоряженіи капитала всегда находится промышленная резервная армія рабочихъ*.

Такимъ образомъ капиталистъ въ состояніи въ каждый моментъ расширить свое предпріятіе, поставить новыхъ рабочихъ, быстро увеличить производство и надлежащимъ образомъ использовать всякую благопріятную конъюнктуру.

Мы уже объяснили въ началѣ этой главы, что при господствѣ крупной промышленности промышленный капиталъ все болѣе выдвигается на первый планъ и все болѣе овладѣваетъ всѣмъ капиталистическимъ механизмомъ. А внутри самой капиталистической промышленности опредѣленныя ея отрасли, главнымъ образомъ *текстильная и желѣзо-дѣлательная промышленности*, становятся въ свою очередь, руководящими. Если одна изъ нихъ получаетъ особенный толчокъ, напримѣръ, благодаря открытію новаго большого рынка, скажемъ въ Китаѣ, или благодаря внезапно начавшемуся усиленному желѣзнодорожному строительству, напримѣръ въ Америкѣ, то она начинаетъ не только быстро расширяться, но и сообщаетъ полученный ею толчокъ всей хозяйственной жизни. Капиталисты увеличиваютъ свои предпріятія, основываютъ новыя

увеличиваютъ потребленіе сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ; нанимаются новые рабочіе, одновременно растетъ земельная рента, прибыль и заработная плата. Возрастаетъ спросъ на самые различные товары, самыя разнообразныя отрасли промышленности начинаютъ принимать участіе въ хозяйственномъ подъемѣ, который, наконецъ, становится всеобщимъ. Кажется, что каждое предпріятіе будетъ имѣть успѣхъ; довѣріе становится слѣпымъ, кредитъ неизмѣримымъ, кто только имѣетъ какія-нибудь деньги, старается выгодно ихъ помѣстить, кто имѣетъ долю въ возрастающей рентѣ и прибыли, стремится часть ея превратить въ капиталъ. Увлеченіе становится всеобщимъ.

Между тѣмъ гигантски разросшееся производство удовлетворило повышенныя требованія рынка; но оно не перестаетъ производить далѣе.

Одинъ ничего не знаетъ про другого, и если у того или другого капиталиста въ трезвыя мгновенія могутъ возникнуть сомнѣнія, то они будутъ подавлены необходимостью использовать конъюнктуру и не остаться позади въ борьбѣ изъ-за конкуренціи. Отстающихъ кусаютъ собаки. Сбытъ излишне производимыхъ товаровъ идетъ все труднѣе и медленнѣе, склады торговыхъ домовъ переполняются, но опьяненіе все еще продолжается. Но вотъ одинъ изъ торговыхъ домовъ долженъ расплачиваться за товары, которые онъ забралъ въ кредитъ у фабриканта нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Товары еще не проданы, онъ владѣетъ товарами, а не деньгами; онъ не можетъ выполнить своихъ обязательствъ,—онъ банкротъ. Но и фабриканту, равнымъ образомъ, нужно производить платежи,—такъ какъ его должникъ не можетъ платить, то и онъ погибъ. Одно банкротство слѣдуетъ за другимъ. Происходитъ всеобщее смятеніе; на мѣсто слѣпой довѣрчивости наступаетъ такой-же слѣпой страхъ, паника дѣлается общей и крахъ на-лицо.

Вся экономическая жизнь потрясена до глубины. Каждое предпріятіе, которое не успѣло твердо укорениться, — рушится. Гибель постигаетъ не только дутыя предпріятія, но и всѣ тѣ, которыя въ обыкновенное время съ трудомъ держатся на поверхности. Во времена кризисовъ всего быстрѣе идетъ экспропріація крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ капиталистовъ. Но падаетъ немало и крупныхъ, и никто не увѣренъ, что не будетъ захваченъ всеобщимъ крушеніемъ. Тѣмъ изъ крупныхъ капиталистовъ, которые удержались, конечно достается богатая добыча; во время кризисовъ не только происходитъ экспропріація «мелкихъ людей», но также соединеніе предпріятій въ немногихъ рукахъ и ростъ крупныхъ состояній совершается легче, чѣмъ когда-либо.

Но никто не знаетъ, удержится ли онъ, переживетъ ли онъ кризисъ; и во время кризиса, пока вся дѣловая жизнь нѣкоторымъ обра-

зомъ не войдетъ въ колею, всѣ ужасы теперешняго способа производства достигаютъ своего апогея; возрастаетъ необезпеченность, нужда, проституція и преступность. Тысячи погибаютъ отъ голода и холода, потому что они произвели слишкомъ много пищи, одежды, жилищъ. Тогда рѣзче всего выступаетъ на свѣтъ то обстоятельство, что современныя производительныя силы становятся все болѣе несовмѣстимыми съ товарнымъ производствомъ, что частная собственность на средства производства все болѣе становится проклятіемъ, прежде всего для неимущихъ, но въ концѣ концовъ также и для имущихъ.

Нѣкоторые экономисты ожидаютъ отъ *картелей* уничтоженія кризисовъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого.

Урегулированіе производства посредствомъ картелей предполагаетъ прежде всего, что онѣ охватятъ всѣ главнѣйшія отрасли промышленности, будутъ построены на *международныхъ основаніяхъ* и распространены по всѣмъ землямъ съ капиталистическимъ способомъ производства. До сихъ поръ не существуетъ ни одной международной картели въ отрасляхъ промышленности, имѣющихъ значеніе для всей хозяйственной жизни. Интернаціональныя картели трудно основать и равнымъ образомъ трудно сохранить въ цѣлости. Марксъ замѣтилъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, что не только конкуренція создаетъ монополію, но и монополія создаетъ конкуренцію. Чѣмъ болѣе прибыль, которую получаетъ рядъ предпріятій вслѣдствіе образованія картели, тѣмъ больше опасность, что какой-нибудь посторонній сильный капиталистъ попробуетъ отнять у нихъ эту прибыль путемъ основанія конкурирующаго предпріятія; сами картели и тресты становятся предметомъ и причиной коммерческихъ спекуляцій. Они образуютъ высшую форму акціонерныхъ предпріятій и позволяютъ доводить до крайности легко связываемыя съ ними мошенническія спекуляціи. Если эпоха мошенничествъ 1871—73 гг. была эпохой основанія акціонерныхъ обществъ, то недавняя эпоха мошенничествъ 1896—1900 гг. была эпохой основанія картелей и трестовъ, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ.

Какъ тормазъ для перепроизводства, картели не оказываютъ никакого дѣйствія. Ихъ главная задача по отношенію къ перепроизводству состоитъ не въ томъ, чтобы помѣшать ему, но въ томъ. чтобы взваливать его послѣдствія съ капиталистовъ на рабочихъ и потребителей. Они должны помогать крупнымъ капиталистамъ переносить кризисы, сокращать временно производство, распускать рабочихъ и т. д. безъ ущерба отъ этого для ихъ прибыли.

Но предположимъ даже самое невѣроятное, что въ ближайшемъ будущемъ удалось-бы организовать міровую промышленность въ картели, которыя будутъ носить международный характеръ и будутъ хорошо дисциплинированы. Какія были-бы послѣдствія? Въ лучшемъ

случаѣ при этомъ была-бы устранена конкуренція между капиталистами одной и той-же отрасли промышленности только съ *одной* стороны. Насъ завело-бы слишкомъ далеко, если-бы мы стали изслѣдовать, каковы должны оказаться послѣдствія другихъ сторонъ конкуренціи, которыя будутъ продолжать существовать. Обратимъ вниманіе только на *одинъ* пунктъ; чѣмъ больше исчезаетъ конкуренція между предпринимателями одной и той-же отрасли промышленности, тѣмъ больше становится противоположность интересовъ между ними и предпринимателями другихъ отраслей промышленности, которые находятся въ зависимоти отъ ихъ товаровъ. Если заканчивается борьба между отдѣльными производителями одной и той-же отрасли промышленности, то еще болѣе обостряется борьба между производителями и потребителями,—понимая послѣднее слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. А въ этомъ смыслѣ каждый производитель является и потребителемъ; напримѣръ, бумагопрядильщикъ, независимо отъ его личнаго потребленія, является потребителемъ хлопка, угля, машинъ, масла и т. д. Весь классъ капиталистовъ тогда будетъ распадаться не на отдѣльныя личности, но на слои, ожесточенно борющіеся другъ съ другомъ.

Теперь каждый капиталистъ имѣетъ стремленіе производить какъ можно больше, доставить на рынокъ *какъ можно больше товаровъ*; ибо—чѣмъ больше товаровъ, тѣмъ больше и прибыли,—при прочихъ равныхъ условіяхъ. Только его разсчеты относительно емкости рынка и, конечно, размѣры капитала кладутъ предѣлъ его производству. Напротивъ, если-бы образованіе картелей стало всеобщимъ, мы получили-бы не регулированіе производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ устраненіе кризисовъ, какъ расписываютъ нѣкоторые оптимисты, но встрѣтили-бы общее стремленіе каждой картели—производить *какъ можно меньше*, такъ какъ, чѣмъ меньше товаровъ, тѣмъ выше ихъ цѣны. Прежній обычай торговцевъ—въ случаѣ переполненія рынка уничтожать часть наличныхъ товаровъ, чтобы удержать для оставшихся выгодныя цѣны, войдетъ тогда во всеобщую практику. Ясно, что при такихъ условіяхъ, общество не можетъ существовать. Если каждая картель сама стремится къ недопроизводству, то, съ другой стороны, она сама должна стараться *принудить къ перепроизводству* другія картели, въ товарахъ которыхъ она нуждается. Для этого существуетъ много путей. Простѣйшій заключается въ томъ, чтобы болѣе ограничить свое потребленіе, чѣмъ другая картель ограничиваетъ свое производство. Второй путь состоитъ въ томъ, что обращаются къ наукѣ, которая можетъ доставить суррогатъ для товара, производство котораго ограничено. Третій путь заключается въ томъ, что соотвѣтствующіе потребители сами начинаютъ производить, то, что имъ необходимо.

Предположимъ, напримѣръ, что мѣдные рудники образуютъ картѣль, сокращаютъ производство мѣди и повышаютъ ея цѣну. Каковы слѣдствія этого? Одни изъ промышленниковъ, предпріятія которыхъ заняты переработкою мѣди, остановятъ свое производство до лучшихъ временъ; другіе постараются замѣнить мѣдь другимъ металломъ; третьи сами пріобрѣтутъ или пустятъ въ ходъ мѣдные рудники и сдѣлаются независимыми отъ мѣднаго синдиката. Въ концѣ концовъ происходитъ распаденіе или банкротство этой картели, а *слѣдовательно кризисъ*.

Если-же это не удастся, тогда недопроизводство картелей создаетъ искусственное сокращеніе производства, *слѣдовательно, опять-таки кризисъ* въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя потребляютъ продукты картели, какъ сырой матеріалъ или инструменты.

Нѣчто подобное уже происходило въ дѣйствительности.

Слѣдовательно, картели не уничтожаютъ кризисовъ. Если-бы онѣ и могли имѣть успѣхъ въ этомъ отношеніи, то онъ самое большее заключался-бы въ томъ, что кризисы-бы приняли другую форму, но вовсе не лучшую. Банкротства не будутъ устранены, разница будетъ лишь въ томъ, что они сдѣлаются обширнѣе, что они будутъ поражать не только отдѣльныхъ капиталистовъ, но всякій разъ цѣлые слои капиталистовъ. Картели не могутъ устранить кризисовъ, но онѣ могутъ вызвать кризисы, гораздо болѣе опустошительные, чѣмъ все, что мы видѣли до сихъ поръ.

Только въ томъ случаѣ, если-бы всѣ картели сплавились въ одну единственную, въ рукахъ которой были-бы соединены всѣ средства производства всѣхъ капиталистическихъ народовъ, если-бы, слѣдовательно, частная собственность на средства производства фактически была упразднена, только тогда образованіе картели могло-бы сдѣлать возможнымъ устраненіе кризисовъ. Напротивъ, кризисы, начиная съ извѣстной высоты экономическаго развитія, неустранимы, пока существуетъ частная собственность на средства производства.

Нельзя упразднить однѣ только темныя стороны частной собственности, оставивъ ее самое существовать по-прежнему.

9. Хроническое перепроизводство.

На ряду съ періодическими кризисами, на ряду съ временнымъ перепроизводствомъ и слѣдующимъ за этимъ временнымъ уничтоженіемъ цѣнностей и растратой силъ, все сильнѣе и сильнѣе развивается однако *длящееся (хроническое) перепроизводство и длящаяся растрата силъ*.

Мы видѣли, что техническій переворотъ совершается непрерывно;

его область становится все обширнѣе, ибо изъ года въ годъ завоевываются крупной капиталистической промышленностью новыя отрасли, новыя мѣстности; продуктивность труда поэтому возрастаетъ непрерывно и при томъ (если брать капиталистическое общество въ его совокупности) все быстрѣе и быстрѣе.

Одновременно непрерывно совершается накопленіе новыхъ капиталовъ. Чѣмъ больше возрастаетъ эксплуатація отдѣльнаго рабочаго, и чѣмъ больше становится число эксплуатируемыхъ рабочихъ (не въ одной только странѣ, но во всѣхъ капиталистически - эксплуатируемыхъ странахъ),—тѣмъ сильнѣе возрастаетъ также масса прибавочной стоимости, тѣмъ крупнѣе становится та масса богатствъ, которыя классъ капиталистовъ можетъ ежегодно откладывать, чтобы превратить въ капиталъ. Поэтому капиталистическое производство не можетъ остановиться, достигнувъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ размѣровъ; его постоянное расширеніе и постоянное расширеніе его рынковъ является для него вопросомъ жизни; застой—для него смерть. Въ то время, какъ прежде ремесленники и крестьянство какой-нибудь страны изъ года въ годъ производили одинаковое количество, и производство росло обыкновенно только вмѣстѣ съ населеніемъ, капиталистическій способъ производства по самой своей природѣ обусловливаетъ непрерывный ростъ производства; всякая остановка послѣдняго означаетъ состояніе хилости общества, которое тѣмъ болѣзненнѣе и невыносимѣе, чѣмъ дольше оно длится. На ряду съ временными толчками къ расширенію производства, вызываемыми временными расширеніями рынка, мы находимъ постоянное стремленіе къ расширенію производства, которое вытекаетъ изъ самихъ отношеній производства и которое, вмѣсто того, чтобы быть обусловленнымъ расширеніемъ рынка, скорѣе само дѣлаетъ необходимымъ постоянное расширеніе этого послѣдняго.

Но съ этимъ расширеніемъ за послѣднія три десятилѣтія дѣло по-долгу не подвигается впередъ.

Конечно, область, въ которой капиталистическое производство можетъ расширять свой рынокъ, огромна; оно переходитъ всѣ мѣстныя и національныя границы, оно можетъ превратить весь земной шаръ въ свой рынокъ. Но земной шаръ сдѣлался для нея слишкомъ маленькимъ. Еще сто лѣтъ тому назадъ рынкомъ для капиталистической промышленности, существовавшей главнымъ образомъ въ Англіи, служили, кромѣ западныхъ частей Европы, лишь различныя побережныя страны и острова въ другихъ частяхъ свѣта. Между тѣмъ энергія и алчность капиталистовъ и ихъ поборниковъ и помощниковъ была такъ громадна и находившіяся въ ихъ распоряженіи средства были такія гигантскія, что съ тѣхъ поръ почти всѣ страны земного шара открылись для товаровъ уже не только ан-

глійской, но и обще-европейской и сѣверо-американской, капиталистической промышленности, — и такимъ образомъ, за исключеніемъ Китая, остается еще открыть почти только такіе рынки, на которыхъ нечѣмъ больше поживиться, какъ только лихорадкой и колотушками.

Правда, поразительное развитіе транспортнаго дѣла съ каждымъ годомъ даетъ возможность все лучше и лучше эксплуатировать каждый рынокъ, но какъ разъ у тѣхъ народовъ, которые не совсѣмъ дики, среди которыхъ развилась извѣстная культура, извѣстныя культурныя потребности, рынокъ принимаетъ все больше и больше другой видъ. Вторженіе товаровъ крупной капиталистической промышленности убиваетъ туземное мелкое производство всюду, не только въ Европѣ,—и превращаетъ ремесленниковъ и крестьянъ въ пролетаріевъ. Это обстоятельство приводитъ на каждомъ рынкѣ сбыта капиталистической промышленности къ двумъ важнымъ измѣненіямъ. Оно сокращаетъ покупательную силу населенія и такимъ образомъ противодѣйствуетъ расширенію сбыта на соотвѣтствующихъ рынкахъ. Но, что еще гораздо важнѣе,—оно создаетъ также и здѣсь, благодаря нарожденію пролетаріата, основы для введенія капиталистическаго способа производства. Европейская крупная промышленность такимъ образомъ роетъ свою собственную могилу. Начиная съ извѣстнаго пункта развитія всякое дальнѣйшее расширеніе рынка означаетъ для нея возникновеніе новаго конкурента. Крупная промышленность Соединенныхъ Штатовъ, едва насчитывающая одно человѣческое поколѣніе, стремится къ тому, чтобы не только сдѣлаться совершенно независимой отъ европейской, но и наложить свою руку также и на всю Америку; еще болѣе молодая русская промышленность начинаетъ уже одна снабжать товарами своей промышленности всю огромную область, которою владѣетъ Россія въ Европѣ и Азіи; Остъ-Индія, Китай, Японія и Австралія развиваются въ промышленныя государства, которыя рано или поздно будутъ въ состояніи сами удовлетворять свои потребности въ промышленномъ отношеніи; короче,—недалекъ, повидимому, тотъ моментъ, когда рынокъ европейской промышленности не только не будетъ больше расширяться, но начнетъ суживаться. А это значило бы не что иное, какъ банкротство всего капиталистическаго общества.

Между тѣмъ расширеніе рынка происходитъ съ нѣкотораго времени слишкомъ медленно для потребностей капиталистическаго производства; это послѣднее встрѣчаетъ все больше и больше препятствій, все уменьшается для него возможность вполнѣ развить свои производительныя силы. Періоды экономическаго подъема становятся все короче, періоды кризисовъ все длиннѣе, особенно въ старыхъ промышленныхъ странахъ, какъ Англія и Франція. Страны въ родѣ

Америки и Германіи, гдѣ капиталистическій способъ производства только еще поднимается по восходящему пути, могутъ пережить еще долгіе періоды расцвѣта. Но на ряду съ ними существуютъ молодыя, въ капиталистическомъ отношеніи, страны, но отличающіяся уже короткими періодами подъёма и продолжительными періодами кризиса, напримѣръ Австрія и Россія.

Вслѣдствіе этого растетъ количество средствъ производства, которыя эксплуатируются недостаточно или вовсе не эксплуатируются, масса богатствъ, которыя пропадаютъ неиспользованными, масса рабочихъ силъ, которыя должны оставаться безъ употребленія.

Къ послѣднимъ слѣдуетъ причислять не только арміи безработныхъ, но и всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ и все еще размножающихся паразитовъ на тѣлѣ общества, которые, не будучи въ состояніи заниматься продуктивной дѣятельностью, влачатъ жалкое существованіе при помощи разнообразныхъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно излишнихъ, но часто въ высшей степени изнурительныхъ занятій,—мелкіе торговцы, кабатчики, агенты, посредники; далѣе, сюда же относятся цѣлыя огромныя массы пролетаріевъ-босяковъ на различныхъ ступеняхъ, мошенники, изъ высшихъ и низшихъ круговъ, преступники, профессіональныя проститутки съ сутенёрами и другими связанными съ ними личностями; сюда относятся, далѣе, многочисленныя толпы тѣхъ, которые находятся въ личномъ услуженіи у имущихъ; наконецъ, огромныя количества солдатъ: постоянное возрастаніе армій за послѣднія двадцать лѣтъ едва-ли было бы возможно безъ перепроизводства, позволявшаго промышленности отказываться отъ такого множества рабочихъ силъ.

Капиталистическое общество начинаетъ задыхаться въ своемъ собственномъ изобиліи; оно становится все менѣе способнымъ выдерживать полное развитіе производительныхъ силъ, которыя оно создало. Чтобы оно не расползлось по всѣмъ швамъ, всё больше производительныхъ силъ должно оставаться безъ употребленія, все больше продуктовъ расточается безполезно.

Капиталистическій способъ производства, замѣна мелкаго производства крупнымъ капиталистическимъ, средства производства котораго сосредоточены въ качествѣ частной собственности въ немногихъ рукахъ, рабочіе котораго являются неимущими пролетаріями,—этотъ способъ производства былъ средствомъ, расширившимъ до безконечности крайне ограниченную производительную силу труда, свойственную ремеслу и крестьянскому сельскому хозяйству. Въ осуществленіи этого заключалась всемірно-историческая задача класса капиталистовъ. Онъ разрѣшилъ эту задачу, осудивъ на ужасныя страданія экспропріируемыя и эксплуатируемыя имъ народныя массы, но все же онъ ее разрѣшилъ. Онъ самъ былъ такою же исторической необходи-

мостью, какъ тѣ оба основанія, изъ которыхъ онъ возникъ,— товарное производство и тѣсно связанная съ нимъ частная собственность на средства производства и продукты.

Но если классъ капиталистовъ и его основы были исторически необходимы, то въ настоящее время въ нихъ нѣтъ больше необходимости. Функціи класса капиталистовъ все больше и больше переходятъ къ наемнымъ служащимъ, громадному же большинству капиталистовъ остается только задача потреблять то, что производятъ другіе; капиталистъ сдѣлался такъ же излишнимъ, какъ и феодалъ сто лѣтъ тому назадъ.

Даже болѣе того. Какъ феодальное дворянство въ XVIII столѣтіи, такъ въ настоящее время классъ капиталистовъ является уже препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія. Частная собственность на средства производства давно перестала обезпечивать каждому производителю право собственности на его продуктъ и его свободу. Въ настоящее время она быстро идетъ къ тому, чтобы уничтожить эту собственность и эту свободу для всего населенія капиталистическихъ націй; изъ основы общества она все больше и больше становится средствомъ, разлагающимъ всѣ его основы. И изъ средства, побуждавшаго общество къ наиболѣе быстрому развитію его производительныхъ силъ, она превратилась въ средство, вынуждающее общество все больше и больше растрачивать и оставлять втунѣ свои производительныя силы.

Такъ превращается первоначальная сущность частной собственности на средства производства въ свою противоположность не только для мелкихъ производителей, но и для всего общества. Изъ двигательной силы общественнаго развитія она становится причиной общественнаго застоя и общественнаго банкротства.

Въ настоящее время не приходится больше спрашивать, хотятъ или не хотятъ сохранить частную собственность на средства производства. Ея гибель несомнѣнна. Весь вопросъ въ слѣдующемъ: *должна-ли она увлечь съ собой въ бездну и общество, или же оно должно освободиться отъ гибельнаго бремени, чтобы имѣть возможность свободно и съ новыми силами идти дальше по тому пути, который предписываютъ ему законы развитія.*

IV. Государство будущаго.

1. Соціальная реформа и революція.

Пятый абзацъ Эрфуртской программы гласитъ:

Частная собственность на средства производства, служившая прежде средствомъ обезпеченія за производителемъ права собственности на его продуктъ, въ настоящее время сдѣлалась средствомъ экспропріаціи крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ и передачи продукта труда рабочихъ въ собственность неработающихъ — капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Только превращеніе капиталистической частной собственности на средства производства,—земли, рудниковъ и шахтъ, сырыхъ матеріаловъ, орудій, машинъ, средствъ сообщенія,—въ собственность общественную и преобразованіе товарнаго производства въ производство соціалистическое, которое ведетъ само общество и для себя, можетъ повести къ тому, что крупное производство и постоянно растущая производительность общественнаго труда изъ источника нищеты и угнетенія эксплуатируемыхъ до сихъ поръ классовъ сдѣлается источникомъ высшаго благоденствія и всесторонняго, гармоничнаго усовершенствованія.

Послѣ того, что было нами сказано до сихъ поръ, не трудно себѣ представить, какъ слѣдуетъ понимать этотъ абзацъ.

Производительныя силы, развившіяся въ нѣдрахъ капиталистическаго общества, стали несовмѣстимыми съ тѣмъ строемъ собственности, на которомъ покоится это общество. Желать сохраненія этого строя собственности, это значитъ дѣлать невозможнымъ всякій дальнѣйшій общественный прогрессъ, это значитъ осуждать общество на застой, на разложеніе, но на разложеніе живого тѣла,—разложеніе, которое сопровождается самыми мучительными судорогами.

Всякое дальнѣйшее усовершенствованіе производительныхъ силъ увеличиваетъ противорѣчіе между ними и существующимъ строемъ собственности. Всѣ попытки уничтожить это противорѣчіе или хотя-бы только смягчить его, не касаясь собственности, оказались тщетными и должны были оказаться тщетными. Въ теченіе цѣлаго столѣтія мыслители и политики имущихъ классовъ заботятся о томъ какъ-бы предотвратить грозящее ниспроверженіе—*революцію* частной соб-

ственности на средства производства путемъ соціальныхъ *реформъ*, какъ они называютъ всѣ тѣ вмѣшательства въ хозяйственную область, которыя имѣютъ въ виду устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить то или другое дѣйствіе этой частной собственности, не касаясь ея самой. Въ теченіе цѣлаго столѣтія превозносились и были испробованы для этой цѣли самыя разнообразныя средства; едва ли еще возможно придумать въ этой области что-нибудь новое. Всѣ «самоновѣйшіе» проекты нашихъ соціальныхъ шарлатановъ, долженствующіе въ нѣсколько дней вылечить застарѣлые недуги безболѣзненно и безъ расходовъ, оказываются при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи все тѣми же, вновь подогрѣтыми старыми изобрѣтеніями, которыя были уже испробованы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и въ другое время и достаточно доказали свою недѣйствительность.

Пусть не поймутъ насъ превратно. Мы объявляемъ соціальныя реформы недѣйствительными, если только онѣ имѣютъ назначеніе устранить постоянно растущія въ ходѣ экономическаго развитія противорѣчія между производительными силами и существующимъ строемъ собственности и одновременно удержать и укрѣпить послѣдній. Но этимъ мы не хотимъ сказать, что соціальная революція, т. е. устраненіе частной собственности на средства производства, совершится сама собою—что непреодолимый естественно-необходимый процессъ развитія озаботится объ этомъ помимо вмѣшательства человѣка,—или что всѣ соціальныя реформы вещь безполезная, что тѣмъ, кто страдаетъ отъ противорѣчія между производительными силами и строемъ собственности и явленіями изъ него вытекающими, ничего не остается какъ пассивно сложить руки на груди и терпѣливо ожидать, пока оно не исчезнетъ.

Когда говорятъ о непреодолимости и естественной необходимости общественнаго развитія, то при этомъ само собою разумѣется, что люди—это люди, а не мертвыя куклы,—люди съ опредѣленными потребностями и страстями, съ опредѣленными физическими и духовными силами, которыя они стараются примѣнить для своего блага. Пассивно подчиняться тому, что кажется неизбѣжнымъ, не значитъ предоставить общественному развитію идти своимъ путемъ, а наоборотъ значитъ привести его къ застою.

Если мы считаемъ неизбѣжнымъ уничтоженіе частной собственности на средства производства, то мы не думаемъ при этомъ, что въ одинъ прекрасный день эксплуатируемымъ, безъ всякаго ихъ содѣйствія, прямо въ ротъ полетятъ жареные голуби соціальной революціи. Мы считаемъ неизбѣжнымъ крушеніе нынѣшняго общества, потому что мы знаемъ, что экономическое развитіе съ необходимостью естественнаго процесса, создаетъ условія, принуждающія эксплуатируемыхъ бороться противъ этой частной собственности; что оно увеличиваетъ

число и силу эксплуатируемыхъ и уменьшаетъ число и силу эксплуататоровъ, которые крѣпко держатся за существующее; что оно, наконецъ, приводитъ къ невыносимымъ для массы населенія условіямъ, которыя оставляютъ ей только выборъ между пассивной гибелью или активнымъ ниспроверженіемъ существующаго строя собственности.

Такой переворотъ можетъ принять самыя разнообразныя формы, въ зависимости отъ условій, при которыхъ онъ совершается. Онъ никоимъ образомъ не связанъ обязательно съ насиліями и кровопролитіями. Были уже случаи во всемірной исторіи, когда господствующіе классы были особенно проницательны — особенно слабы и трусливы и такимъ образомъ, добровольно сдавались передъ лицомъ необходимости. Нѣтъ также необходимости, чтобы соціальная революція рѣшалась однимъ ударомъ. Едва-ли даже когда-нибудь такъ бывало. Революціи подготовляются годами и десятилѣтіями политической и экономической борьбы, и совершаются при постоянныхъ измѣненіяхъ и колебаніяхъ въ соотношеніи силъ отдѣльныхъ классовъ и партіи, часто прерываясь долго продолжающимися реакціонными періодами.

Но какъ ни разнообразны бываютъ формы, которыя можетъ принять революція, еще ни одна соціальная революція не происходила незамѣтно и безъ дѣятельнаго вмѣшательства элементовъ наиболѣе угнетенныхъ господствующими условіями.

Далѣе, если мы объявляемъ соціальныя реформы, останавливающіяся передъ частною собственностью, неспособными устранить противорѣчія, которыя порождаетъ современное экономическое развитіе, то этимъ мы никоимъ образомъ не хотимъ сказать, что для эксплуатируемыхъ въ предѣлахъ существующаго строя собственности невозможна борьба противъ тѣхъ страданій, которыя имъ приходится терпѣть,—что они должны терпѣливо переносить всѣ притѣсненія, всѣ формы эксплуатаціи, на которыя они осуждены капиталистическимъ способомъ производства; что пока они вообще подвергаются эксплуатаціи, для нихъ якобы безразлично, какимъ образомъ это происходитъ.—Мы желаемъ этимъ сказать только, что они не должны переоцѣнивать соціальныхъ реформъ и не должны вѣрить будто этимъ путемъ существующія условія могутъ быть преобразованы въ удовлетворительномъ для нихъ смыслѣ. Они должны также внимательно разсматривать соціальныя реформы, которыя имъ предлагаются и въ защиту которыхъ они выступаютъ. Девять десятыхъ проектовъ реформъ не только безполезны, но и прямо вредны для эксплуатируемыхъ; всего хуже тѣ проекты, которые ради спасенія подвергающагося опасности строя собственности, пытаются приспособить къ нему производительныя силы и обратить въ ничто экономическое развитіе послѣднихъ

столѣтій. Эксплуатируемые, выступающіе въ защиту этихъ проектовъ, расточаютъ свои силы въ безсмысленномъ стремленіи оживить мертвое.

Влiять на экономическое развитіе можно различными способами; его можно ускорить или продлить, можно ослабить или усилить его результаты, сдѣлать ихъ болѣе безболѣзненными или болѣе мучительными, сообразно предусмотрительности и общественной силѣ, которою располагаютъ. Но одно невозможно: привести его къ застою или, тѣмъ болѣе, повернуть его назадъ. Напротивъ, опытъ учитъ, что всѣ средства, которыя должны были задержать его, оказываются недѣйствительными или даже увеличиваютъ тѣ самыя дѣйствія, для устраненія которыхъ они должны служить,—въ то время какъ тѣ средства, которыя дѣйствительно способны болѣе или менѣе помочь тому или другому изъ существующихъ бѣдствій, приводятъ также къ ускоренію экономическаго развитія.

Если, напр., ремесленники хотятъ возстановить снова цеховое устройство, чтобы съ его помощью поднять ремесло, то это стремленіе совершенно безуспѣшно и должно быть таковымъ, такъ какъ оно стоитъ въ противорѣчіи съ потребностями современныхъ производительныхъ силъ, крупной промышленности. Сперва нужно устранить послѣднюю, свести на нѣтъ весь техническій прогрессъ новѣйшаго времени, тогда могъ бы еще процвѣтать цеховой порядокъ. Но это рѣшительно невозможно. Поэтому движеніе въ пользу цеховъ имѣетъ теперь цѣлью лишь предоставить въ распоряженіе реакціоннымъ партіямъ силу, деньги и политическое вліяніе ремесленниковъ, которыми они воспользуются ко вреду, а не къ пользѣ «маленькихъ людей», напримѣръ, для повышенія цѣны на хлѣбъ, повышенія налоговъ и тяжести военныхъ расходовъ и т. д.

Но тѣ средства, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ съ пользой служить ремесленникамъ для улучшенія ихъ положенія, сводятся къ тому, чтобы сдѣлать для нихъ возможнымъ расширеніе предпріятій, переходъ къ массовому производству, превращеніе ихъ въ мелкихъ капиталистовъ. Такія средства, какъ различнаго рода товарищества, введеніе дешевыхъ двигателей и т. д.—могутъ, конечно, помочь болѣе состоятельнымъ среди ремесленниковъ, но только лишь тѣмъ, что дѣлаютъ для нихъ возможнымъ покинуть мелкое производство. Менѣе состоятельные, которые не могутъ обзавестись двигателями, не имѣютъ кредита и т. д., пойдутъ тогда тѣмъ быстрѣе навстрѣчу разоренію. Эти средства, слѣдовательно, помогаютъ только отдѣльнымъ ремесленникамъ, но не спасаютъ ремесла, а напротивъ, ускоряютъ его гибель.

Наемные рабочіе сначала также хотѣли задержать развитіе крупной капиталистической промышленности. Они разрушали новыя ма-

шины боролись противъ введенія женскаго труда и т. п. Но они раньше чѣмъ ремесленники научились понимать насколько нелѣпо такое поведеніе. Они нашли другія, болѣе дѣйствительныя, средства, бороться по мѣрѣ возможности съ вредными сторонами капиталистической эксплуатаціи, посредствомъ экономическихъ организацій (профессіональныхъ союзовъ) и путемъ политической дѣятельности; при чемъ эти средства дополняютъ другъ друга, и уже дали возможность рабочимъ въ различныхъ странахъ достигнуть болѣе или менѣе значительныхъ успѣховъ. Но каждый такой успѣхъ,—состоитъ ли онъ въ повышеніи заработной платы, уменьшеніи рабочаго времени, запрещеній труда малолѣтнихъ, требованіи санитарныхъ мѣропріятій и т. д.,—даетъ новый толчокъ для экономическаго развитія, побуждая, напр., капиталистовъ замѣнять машинами вздорожавшія рабочія силы, или вызывая необходимость въ дополнительныхъ расходахъ, которые обременяютъ мелкихъ капиталистовъ сильнѣе чѣмъ крупныхъ и тѣмъ затрудняютъ для первыхъ борьбу противъ конкуренціи, и т. д.

Когда отдѣльные ремесленники стремятся улучшить свое положеніе введеніемъ мелкихъ двигателей или когда рабочіе основываютъ организаціи и добиваются законодательныхъ мѣръ, которыя бы принесли имъ сокращеніе рабочаго времени, улучшеніе условій труда и другія облегченія, — это вполнѣ оправдывается обстоятельствами и даже является необходимымъ, тѣмъ не менѣе было бы ошибочно думать, что такія реформы могутъ задержать соціальную революцію; точно также ошибочно мнѣніе, будто нельзя признавать полезности извѣстныхъ соціальныхъ реформъ, не считая вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ сохранить общество на его теперешнихъ основаніяхъ.—Напротивъ, можно защищать эти реформы даже и съ революціонной точки зрѣнія, потому что онѣ, какъ мы уже видѣли, ускоряютъ ходъ вещей, и потому, что онѣ, далеко не устраняя самоубійственныхъ тенденцій капиталистическаго способа производства, изображенныхъ нами въ предыдущихъ главахъ, скорѣе усиливаютъ ихъ.

Пролетаризація народныхъ массъ, сосредоточеніе всего капитала въ рукахъ немногихъ, которые господствуютъ надъ всею хозяйственною жизнью капиталистическихъ націй, кризисы, необезпеченность существованія,—*всѣ эти мучительные и возмутительные результаты капиталистическаго способа производства не могутъ быть задержаны въ ихъ постоянномъ ростѣ никакими реформами на почвѣ нынѣшняго строя собственности, — какъ бы онѣ ни были обширны*.

Нѣтъ ни одной партіи,—какъ бы упрямо и боязливо ни цѣплялась она за традицію,—которая не предчувствовала бы этого. Всѣ онѣ еще восхваляютъ свои особыя реформы, какъ средство предотвра-

тить великое крушеніе, но ни одна изъ нихъ не имѣетъ больше истинной вѣры въ свои чудесные рецепты.

Никакое вилянье, никакія увертки не помогутъ. Правовая основа современнаго производства — *частная собственность на средства производства* —становится все болѣе несовмѣстимой съ природой средствъ производства, какъ это мы видѣли въ предыдущихъ главахъ. Гибель этой частной собственности является только вопросомъ времени. Она произойдетъ непремѣнно, хотя никто съ опредѣленностью и не можетъ сказать,—когда и какимъ образомъ она наступитъ.

2. Частная собственность и собственность коллективная.

Въ сущности вопросъ заключается не въ томъ, можно ли сохранить и какъ сохранить частную собственность на средства производства, но въ томъ, что *должно стать* или, лучше сказать, что *неизбѣжно станетъ* на ея мѣсто,—ибо здѣсь дѣло идетъ не о чемъ либо такомъ, что можетъ быть придумано произвольно, но о требованіи естественной необходимости. Отъ нашего усмотрѣнія столь же мало зависитъ, какой строй собственности мы поставимъ на мѣсто нынѣ существующаго, какъ и то, сохранимъ ли мы этотъ строй или выбросимъ его за бортъ.

То самое экономическое развитіе, которое приводитъ насъ къ вопросу: что должно быть поставлено на мѣсто частной собственности на средства производства?—даетъ и предпосылки для отвѣта на этотъ вопросъ. Въ нѣдрахъ старой формы собственности уже дремлетъ новая. Чтобы ее познать, мы должны исходить не изъ нашихъ столь разнообразныхъ склонностей и желаній, но изъ очевидныхъ фактовъ, одинаковыхъ для всѣхъ.

Кто знаетъ современныя условія производства, тотъ знаетъ также то, какой формы собственности они требуютъ, лишь только существующая форма становится невозможной.

Поэтому мы просимъ нашихъ читателей и въ послѣдующемъ изложеніи, трактующемъ о будущемъ, не забывать того, что мы говорили о существующемъ способѣ производства въ его прошломъ и настоящемъ.

Частная собственность на средства производства, какъ мы знаемъ, имѣетъ свои корни въ мелкомъ производствѣ. Индивидуальное производство дѣлаетъ необходимымъ и индивидуальную собственность.—Крупное производство, напротивъ, означаетъ производство *коллективное, общественное.*

Въ крупномъ производствѣ каждый рабочій работаетъ не для себя, но значительное число рабочихъ, цѣлое общество, дѣйствуетъ сообща, чтобы создать нѣчто цѣлое. И средства производства совре-

менной крупной промышленности обширны и могучи. Совершенно невозможно поэтому, чтобы каждый отдѣльный рабочій владѣлъ своими средствами производства для себя.—Слѣдовательно, крупное производство на уровнѣ современной техники допускаетъ только двѣ формы собственности: либо *частную собственность* отдѣльнаго лица на средства производства цѣлой совокупности рабочихъ,—а это и представляетъ господствующій въ настоящее время капиталистическій способъ производства съ его спутниками — нищетой и эксплуатаціей на сторонѣ рабочихъ и подавляющимъ избыткомъ богатствъ на сторонѣ капиталистовъ; либо же, кромѣ этой формы, еще возможна только *общая собственность* всѣхъ рабочихъ на общія средства производства; это означаетъ общественный способъ производства, означаетъ прекращеніе эксплуатаціи рабочихъ, которые становятся господами своихъ собственныхъ продуктовъ и получаютъ въ свое распоряженіе тотъ избытокъ (прибавочную стоимость), который до сихъ поръ присвоивалъ себѣ капиталистъ.

Замѣна частной собственности на средства производства собственностью общественной—вотъ то, что въ силу экономическаго развитія становится все болѣе и болѣе необходимымъ.

Это убѣжденіе въ необходимости общественной собственности питаетъ не одна только соціалъ-демократія. Оно раздѣляется и анархистами и либералами. Конечно, послѣдніе для достиженія этой цѣли допускаютъ лишь такіе пути, которые никогда не смогутъ привести къ ней. Приглашать рабочихъ устраивать крупныя предпріятія на ихъ грошевыя сбереженія — это значитъ дурачить ихъ, а не совѣтовать имъ или помогать.

Впрочемъ, насъ здѣсь пока интересуетъ не вопросъ о способѣ достиженія общественной собственности,—имъ мы займемся въ слѣдующей главѣ,—здѣсь дѣло идетъ о возможно точномъ опредѣленіи общественной собственности.

Проще всего объяснить такимъ образомъ, что каждое отдѣльное капиталистическое предпріятіе превращается въ товарищество. Его рабочіе становятся одновременно его владѣльцами. Все остальное остается въ прежнемъ видѣ — товарное производство продолжается, каждое отдѣльное предпріятіе существуетъ совершенно независимо отъ другихъ и производитъ для рынка, *на продажу*.

Чтобы представить себѣ такой способъ производства, для этого, конечно, не требуется слишкомъ большой фантазіи; онъ какъ нельзя болѣе сходенъ съ нынѣшнимъ. Таковъ идеалъ анархистовъ и либераловъ. Тѣ и другіе отличаются между собой только выборомъ пути къ нему. Первые хотятъ, чтобы рабочіе путемъ всеобщей революціи овладѣли различными предпріятіями,—вторые совѣтуютъ уже указанный выше путь сбереженія.

Посмотримъ же, что выйдетъ при такомъ рѣшеніи вопроса.

Оно сводится къ тому, чтобы превратить рабочаго въ предпринимателя, но не въ капиталиста, ибо капиталистовъ больше не будетъ, если всѣ рабочіе вступятъ во владѣніе своими средствами производства. Рабочіе избавятся благодаря такому рѣшенію вопроса отъ тѣхъ бѣдствій, которыя несетъ съ собою капиталистическая эксплуатація,— но опасности, угрожающія въ настоящее время всякому самостоятельному предпринимателю, останутся тѣми же: конкуренція, перепроизводство, кризисы, банкротства отнюдь не исчезнутъ. Лучше поставленныя предпріятія будутъ, какъ и прежде, вытѣснять съ рынка предпріятія, поставленныя въ худшія условія, и, въ концѣ концовъ, разорятъ ихъ. Если даже отдѣльныя предпріятія какой-либо отрасли производства станутъ объединяться въ картели, то и это ничего не измѣнитъ въ развитіи. Намъ достаточно указать только на соображенія, приведенныя въ предыдущей главѣ, чтобы это стало вполнѣ яснымъ.

Какъ въ настоящее время гибнутъ предпріятія капиталистическія, точно такъ же будутъ тогда приходить къ банкротству предпріятія товарищескія. Рабочіе этихъ предпріятій потеряютъ, благодаря этому, свои средства производства и снова станутъ — *пролетаріями*, вынужденными продавать свою рабочую силу, чтобы имѣть возможность жить дальше. Рабочіе же въ болѣе счастливыхъ товариществахъ найдутъ для себя болѣе выгоднымъ, вмѣсто того, чтобы самимъ работать, прибѣгнуть къ наемнымъ рабочимъ; они превратятся въ эксплуататоровъ, въ *капиталистовъ*, и вся исторія окончится тѣмъ, что спустя нѣкоторое время мы вернемся къ прежнему состоянію, къ старому капиталистическому способу производства.

Товарное производство и частная собственность на средства производства находятся въ самой тѣсной зависимости между собой. Товарное производство предполагаетъ частную собственность; оно дѣлаетъ тщетной всякую попытку устранить ее.

При господствѣ товарнаго производства крупная промышленность, въ силу необходимости, принимаетъ капиталистическую форму; коллективная форма можетъ встрѣчаться при немъ лишь въ единичныхъ случаяхъ и несовершенномъ видѣ, но никогда не можетъ стать господствующей формой.

Слѣдовательно, кто серьезно думаетъ поставить коллективную собственность на средства производства на мѣсто капиталистической, тотъ долженъ идти дальше либераловъ и анархистовъ — къ уничтоженію *товарнаго производства*.

3. Соціалистическое производство.

Уничтоженіе товарнаго производства означаетъ замѣну производства *для продажи* производствомъ *для собственнаго потребленія*.

Производство для собственнаго потребленія въ свою очередь можетъ принять двоякую форму: производство *отдѣльнаго человѣка* для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей и производство *общества* или *ассоціаціи* для удовлетворенія его потребностей, т. е. потребностей его членовъ.

Первый способъ никогда не былъ всеобщей формой производства. Человѣкъ являлся всегда, во всѣ времена, насколько мы можемъ это прослѣдить, существомъ общественнымъ; отдѣльный человѣкъ постоянно чувствовалъ себя вынужденнымъ, для удовлетворенія цѣлаго ряда своихъ важнѣйшихъ потребностей, работать сообща съ другими людьми, пользоваться трудомъ другихъ, что обыкновенно вынуждало его работать для другихъ, чтобы воспользоваться ихъ трудомъ. Производство въ одиночку для самого себя всегда играло лишь подчиненную роль. Въ настоящее время о немъ едва приходится упоминать.

Коллективное производство для собственнаго потребленія было господствующей формой производства до тѣхъ поръ, пока не развилось товарное производство. Оно такъ же старо, какъ и само производство вообще. Если допустить, что какой-нибудь одинъ способъ производства является наиболѣе отвѣчающимъ человѣческой природѣ, то тогда именно этотъ способъ производства пришлось бы назвать естественнымъ. Онъ насчитываетъ, быть можетъ, столько же десятковъ тысячелѣтій, сколько товарное производство—тысячелѣтій. Вмѣстѣ съ характеромъ средствъ производства и способа производства мѣнялись сущность, размѣры и права производительной ассоціаціи; но являлась ли она въ формѣ орды, рода, деревенской общины (марки) или домашней артели (большая крестьянская семья), она всегда имѣла цѣлый рядъ общихъ существенныхъ характерныхъ чертъ. Каждая изъ этихъ формъ удовлетворяла всѣ свои потребности (или по крайней мѣрѣ всѣ наиболѣе важныя и необходимыя) продуктами собственнаго производства. Средства производства были собственностью общины. Общинники работали вмѣстѣ, какъ равные и свободные, сообразуясь съ обычаемъ или планомъ, ими же самими выработаннымъ, подъ управленіемъ своихъ выборныхъ, передъ ними отвѣтственныхъ. Продуктъ коллективнаго труда принадлежалъ общинѣ, которая частью его употребляла для удовлетворенія общихъ потребностей (потребленія или производства), частью же дѣлила его согласно обычаю или же установленнымъ обществомъ нормамъ между отдѣльными лицами или группами, изъ которыхъ состояла община.

Благосостояніе подобной самодовлѣющей общины зависѣло отъ естественныхъ и индивидуальныхъ особенностей.—Чѣмъ плодороднѣе была мѣстность, занимаемая общиной, чѣмъ трудолюбивѣе, изобрѣтательнѣе и сильнѣе ея члены, тѣмъ выше и обезпеченнѣе являлось общее благосостояніе. Болѣзни, наводненія, нападенія болѣе сильныхъ враговъ могли подвергнуть общину опасности, подчасъ даже вовсе уничтожить,—*одно* только не могло ея коснуться, это—колебанія *рынка.* Она либо вовсе не знала рынка, либо же если и знала, то только для такихъ предметовъ, которые были въ излишкѣ.

Подобное общинное производство для собственнаго потребленія является ничѣмъ инымъ, какъ *куммунистическимъ* или, какъ нынче говорятъ, *соціалистическимъ производствомъ.* Только такого рода способомъ производства можно одолѣть товарное производство; онъ является единственной возможной формой, когда товарное производство уже сдѣлалось невозможнымъ.

Однако, этимъ вовсе не сказано, что теперь было бы хорошо оживить мертвое и вновь пробудить старыя формы общаго владѣнія и общиннаго производства. Эти формы отвѣчали опредѣленнымъ средствамъ производства; онѣ были и остаются несовмѣстимыми съ болѣе высоко развитыми средствами производства, и потому онѣ исчезаютъ всюду въ теченіе экономическаго развитія передъ развивающимся товарнымъ производствомъ; гдѣ онѣ еще оказываютъ сопротивленіе его натиску, онѣ становятся препятствіемъ развитію производительныхъ силъ. Такими же реакціонными и безнадежными, какъ и усилія возродить цехи, были бы попытки одолѣть товарное производство путемъ сохраненія и воскрешенія остатковъ стараго коммунизма, которые еще уцѣлѣли главнымъ образомъ въ отсталыхъ крестьянскихъ общинахъ.

Соціалистическое производство, которое въ настоящее время сдѣлалось необходимымъ, благодаря наступающему банкротству товарнаго производства, будетъ и должно имѣть цѣлый рядъ общихъ чертъ съ болѣе древними формами коммунистическаго производства, поскольку, какъ и эти послѣднія, оно является способомъ коллективнаго производства для собственнаго потребленія.

Но точно также и капиталистическое производство обнаруживаетъ сходныя черты съ производствомъ ремесленнымъ, поскольку оба они являются товарнымъ производствомъ. Несмотря на это, какъ капиталистическое производство—высшая ступень производства товарнаго—вполнѣ отлично отъ ремесленнаго, такъ и ставшая теперь необходимой форма коллективнаго производства будетъ совершенно отлична отъ его прежнихъ формъ.

Не изъ первобытнаго коммунизма будетъ исходить грядущій соціалистическій способъ производства, но изъ капиталистическаго производ-

ства, которое само развиваетъ элементы для образованія своего преемника. Оно само создаетъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, тѣхъ новыхъ людей, въ которыхъ нуждается новый способъ производства. Оно создастъ также и тѣ общественныя организаціи, которыя, какъ скоро новые люди овладѣютъ ими, образуютъ основы новаго способа производства.

То, чего требуетъ соціалистическій способъ производства, это — съ одной стороны превращенія отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій въ общественныя. Подготовляется это тѣмъ, что личность капиталиста, какъ это мы видѣли, становится все болѣе и болѣе излишней въ хозяйственной жизни.—Съ другой стороны, однако, соціалистическій способъ производства требуетъ *объединенія* всѣхъ предпріятій, которыя при данномъ состояніи производства необходимы для удовлетворенія важнѣйшихъ потребностей общества, *единую великую ассоціацію*. Какимъ образомъ уже въ настоящее время экономическое развитіе подготовляетъ это преобразованіе при помощи растущей концентраціи капиталистическихъ предпріятій въ рукахъ немногихъ фирмъ,— это мы видѣли уже въ прошлой главѣ.

Но, какъ велика должна быть подобная самодовлѣющая ассоціація?—Какъ соціалистическая ассоціація вообще является не произвольной выдумкой, а неизбѣжнымъ продуктомъ экономическаго развитія, который представляется тѣмъ яснѣе, чѣмъ лучше мы его понимаемъ,— точно также и размѣры такой ассоціаціи не могутъ быть произвольными, но опредѣляются данной степенью развитія. Чѣмъ дальше оно идетъ, чѣмъ сильнѣе раздѣленіе труда, чѣмъ развитѣе обмѣнъ,— тѣмъ обширнѣе должна быть такая ассоціація.

Болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ одинъ доброжелательный англичанинъ, по имени Джонъ Беллерсъ, представилъ англійскому парламенту (въ 1696 году) проектъ для устраненія нищеты, которую уже тогда, при всей своей молодости, породилъ капиталистическій способъ производства.—Беллерсъ предлагалъ основать товарищества, которыя сами производили бы всѣ необходимые для нихъ промышленные и сельскохозяйственные продукты. Каждое такое товарищество, по его вычисленіямъ, потребовало бы не болѣе 200—300 рабочихъ.

Въ то время въ промышленности еще была преобладающей ремесленная форма производства, но на ряду съ нею господствовала капиталистическая мануфактура; о капиталистической же фабрикѣ съ машиннымъ производствомъ тогда еще не было и рѣчи.

Столѣтіемъ позже та же самая идея, значительно углубленная и развитая, была вновь воспринята соціалистическими мыслителями. Но тогда уже начала замѣтно развиваться фабричная система, ремесло приходило мѣстами въ упадокъ, и вся общественная жизнь достигла болѣе высокой ступени. Предназначенныя къ удовлетворенію собствен-

ныхъ потребностей товарищества, которыхъ требовали соціалисты въ началѣ 19-го столѣтія для устраненія золъ капиталистическаго способа производства, теперь уже достигали въ десять разъ большихъ размѣровъ, чѣмъ предполагавшіяся Беллерсомъ (такъ, напр., фаланстеры Фурье).

Однако, какъ ни грандіозны были экономическія отношенія времени Фурье въ сравненіи съ эпохой Беллерса, — спустя одно поколѣніе они казались уже мизерными. Въ своемъ неудержимомъ побѣдоносномъ шествіи машина совершила переворотъ во всей хозяйственной жизни. Она дѣлала капиталистическія предпріятія все болѣе обширными, такъ что скоро отдѣльныя изъ нихъ въ своей дѣятельности охватили цѣлыя страны; она ставила различныя предпріятія одной и той же страны въ постоянно увеличивающуюся зависимость другъ отъ друга, такъ что они въ хозяйственномъ отношеніи образовали *одно* производство; она, наконецъ, стремится все больше и больше къ тому, чтобы и всю хозяйственную жизнь капиталистическихъ націй объединить въ одинъ хозяйственный механизмъ.

Раздѣленіе труда идетъ все дальше и дальше; все больше отдѣльныя предпріятія замыкаются въ производствѣ спеціальныхъ продуктовъ, но зато производятъ ихъ на весь міръ; и все крупнѣе становятся отдѣльныя предпріятія, — многія изъ нихъ насчитываютъ рабочихъ тысячами.—При такомъ положеніи ассоціація, которая сама должна покрывать свои потребности и обнимать всѣ предпріятія, необходимыя для ихъ удовлетворенія, должна имѣть и совсѣмъ иные размѣры, чѣмъ фаланстеры и соціалистическія колоніи начала прошлаго столѣтія.

Изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время общественныхъ организацій есть только *одна* такая, которая обладаетъ необходимыми размѣрами, чтобы ею можно было воспользоваться, какъ рамкой для развитія въ ея предѣлахъ соціалистической ассоціаціи,—такой организаціей является *современное государство*.

Мало того. Размѣры, которыхъ достигло уже производство отдѣльныхъ предпріятій, настолько громадны и экономическая связь между различными капиталистическими націями настолько тѣсна, — что, пожалуй, можно было бы усумниться въ томъ, окажутся ли предѣлы государства достаточными, чтобы охватить соціалистическую ассоціацію.

Однако, необходимо принять въ соображеніе слѣдующее.—Современное развитіе международнаго обмѣна обусловливается въ меньшей степени существующими отношеніями производства, чѣмъ существующими отношеніями эксплуатаціи. Чѣмъ шире распространено капиталистическое производство въ странѣ и чѣмъ сильнѣе связанная съ нимъ эксплуатація трудящихся классовъ, — тѣмъ значительнѣе

обыкновенно тотъ избытокъ продуктовъ, который не можетъ быть потребленъ въ самой странѣ и потому долженъ быть вывезенъ. Если населеніе страны не имѣетъ денегъ, чтобы самому купить всю массу какого-нибудь продукта, который оно произвело, то капиталисты этой страны стремятся вывезти этотъ продуктъ, не справляясь, необходимъ ли онъ населенію, или нѣтъ. Они ищутъ покупателей, а не потребителей.

Вотъ почему намъ приходилось такъ часто наблюдать отвратительное явленіе, что Ирландія вывозила особенно много пшеницы во время голода; русскимъ капиталистамъ можно было воспрепятствовать вывозу хлѣба во время страшнаго голода въ странѣ только прямымъ воспрещеніемъ вывоза.

Если прекратится эксплуатація и на мѣсто производства на продажу станетъ производство для собственнаго потребленія, то ввозъ изъ одного государства въ другое сильно сократится.

Конечно, этотъ обмѣнъ между отдѣльными государствами не можетъ совершенно исчезнуть. Съ одной стороны раздѣленіе труда пошло такъ далеко, и область сбыта, въ которой нуждаются отдѣльныя гигантскія предпріятія, настолько обширна;—съ другой стороны, благодаря развитію интернаціональнаго обмѣна въ современныхъ государствахъ, родилось такъ много потребностей, которыя уже теперь принадлежатъ къ необходимымъ и могутъ быть удовлетворены только путемъ ввоза изъ другихъ странъ, (напр., въ Европѣ потребность въ кофе) — что кажется невозможнымъ поставить отдѣльныя соціалистическія ассоціаціи,—даже если онѣ цѣликомъ заполнятъ рамки государства, — въ такія условія, чтобы онѣ могли удовлетворять всѣ свои потребности собственнымъ производствомъ. Поэтому извѣстнаго рода обмѣнъ товарами между отдѣльными ассоціаціями, по крайней мѣрѣ вначалѣ, долженъ продолжаться. Все-таки это не можетъ повредить ихъ экономической самостоятельности въ томъ случаѣ, если онѣ сами будутъ производить все *необходимое* и только *излишекъ* обмѣнивать между собой,— приблизительно, какъ это дѣлала первобытная крестьянская семья въ началѣ товарнаго производства.

Но чтобы каждая соціалистическая ассоціація сама производила все *необходимое* для ея существованія, для этого достаточно, пока, если она приметъ размѣры современнаго государства.

Однако, даже и эти размѣры ни въ коемъ случаѣ не являются чѣмъ-либо неизмѣннымъ. Современное государство, какъ уже нами было замѣчено, въ основѣ своей представляетъ не что иное, какъ продуктъ и орудіе капиталистическаго способа производства. Оно растетъ вмѣстѣ съ нимъ и соотвѣтственно его потребностямъ не только въ силѣ, но и въ объемѣ. Внутренній рынокъ, рынокъ въ предѣлахъ собственнаго государства является для капиталистовъ любой страны самымъ

надежнымъ, легче всего попадающимъ подъ ихъ господство и поддающимся самой основательной эксплуатаціи. Поэтому, поскольку развивается капиталистическій способъ производства, — растетъ также и стремленіе класса капиталистовъ каждаго государства къ расширенію его границъ. Въ этомъ смыслѣ не вполнѣ неправъ былъ тотъ государственный человѣкъ, который утверждалъ, что современныя войны имѣютъ своимъ началомъ не *династическіе*, а *національные* интересы: надо только подъ національными интересами понимать интересы класса капиталистовъ. Ничѣмъ нельзя уязвить жизненныхъ интересовъ капиталистовъ какой-либо націи сильнѣе, какъ уменьшеніемъ ея территоріи. Французская буржуазія давно простила бы Германіи пять милліардовъ, — но присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи она не можетъ перенести.

Всѣ современныя государства чувствуютъ потребность въ расширеніи своей территоріи; удобнѣе всего это удается Соединеннымъ Штатамъ, въ распоряженіи которыхъ фактически скоро будетъ находиться вся Америка,—точно также и Англіи, которая, благодаря своему господству на морѣ, непрерывно расширяетъ область своего господства въ заморскихъ колоніяхъ. Россія также до сихъ поръ не чувствовала особыхъ затрудненій раздвинуть свои границы въ извѣстныхъ пунктахъ,—теперь, правда, она почти всюду наталкивается на неуступающихъ ей сосѣдей: на Востокѣ на Японію и Англію, которая прямо или косвенно въ различныхъ государствахъ Востока пытается помѣшать дальнѣйшему проникновенію Россіи.

Хуже всего стоятъ въ этомъ отношеніи тѣ государства европейскаго материка, которыя, такъ же какъ и другія, имѣютъ сильную потребность въ постоянномъ расширеніи; но они крѣпко вклинились другъ въ друга, и ни одно изъ нихъ не можетъ расшириться, не уничтоживъ своего не менѣе сильнаго сосѣда. Колоніальная политика этихъ государствъ лишь весьма недостаточно способствуетъ потребности ихъ капиталистическаго производства въ расширеніи. Это одна изъ могучихъ причинъ милитаризма, — того превращенія Европы въ военный лагерь, которое угрожаетъ задушить государства нашей части свѣта. Возможны два пути для выхода изъ этого невыносимаго положенія и для удовлетворенія потребности нашей хозяйственной жизни въ расширеніи:— *всемірная война*, которая уничтожитъ нѣкоторыя изъ европейскихъ государствъ, но до глубины истощитъ всѣ; или соединеніе ихъ въ *союзъ государствъ*, основаніе котораго могло бы быть заложено таможеннымъ союзомъ. Возможно, что послѣдній уже сталъ бы фактомъ, если бы Германія не сдѣлалась непримиримымъ врагомъ Франціи, благодаря тому, что ею были отняты двѣ французскія провинціи. По милости этого мастерскаго произведенія дипломатіи, милитаризмъ сдѣлался горой, которая будетъ тяготѣть на европейскихъ государствахъ,

пока революція или государственное банкротство одного или нѣсколькихъ государствъ европейскаго материка ея не сбросятъ.

Достаточно. Несомнѣнно то, что каждое современное государство стремится расшириться, соотвѣтственно ходу экономическаго развитія. Такимъ образомъ, это послѣднее само заботится о томъ, чтобы границы будущихъ соціалистическихъ ассоціацій всюду получили необходимые размѣры [1]).

Однако, современное государство является не только единственной изъ существующихъ въ настоящее время общественныхъ организацій, которая обладаетъ достаточнымъ протяженіемъ, чтобы служить рамкой для соціалистической ассоціаціи,—но оно является также и единственной естественной основой для нея.—Чтобы это было легче понять, мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

4. Экономическое значеніе государства.

Отдѣльнымъ обществамъ всегда приходилось выполнять хозяйственныя функціи. Что касается первобытныхъ коммунистическихъ обществъ, которыя мы встрѣчаемъ на порогѣ исторіи народовъ, то это понятно само собой. Когда стало развиваться обособленное хозяйство мелкихъ производствъ,—частная собственность на средства производства и товарное производство, — оказался цѣлый рядъ такихъ общественныхъ функцій, отправленіе которыхъ либо превосходило силы отдѣльныхъ предпріятій, либо являлось слишкомъ важнымъ, чтобы его можно было предоставить усмотрѣнію отдѣльныхъ лицъ. На ряду съ заботой о подрастающемъ поколѣніи, о бѣдныхъ, старикахъ и больныхъ, т. е.—на ряду со школьнымъ дѣломъ, попеченіемъ о бѣдныхъ и больныхъ—на долю отдѣльныхъ обществъ выпало также регулированіе обмѣна и содѣйствіе ему—постройка дорогъ, монетное дѣло, полицейскій надзоръ за рынками,—а также регулированіе и обезпеченіе важнѣйшихъ общихъ основъ производства—лѣсная полиціи, регулированіе водяныхъ путей сообщенія и т. д.

Въ средневѣковомъ обществѣ эти задачи падали на деревенскую

---

[1]) Здѣсь замѣтимъ мимоходомъ, что, такъ какъ экономическое развитіе при соціалистическомъ общественномъ строѣ ни въ коемъ случаѣ не можетъ остановиться, то его дальнѣйшій ходъ сообщитъ постоянный ростъ и размѣрамъ соціалистической ассоціаціи,—насколько это необходимо для ея процвѣтанія. Что отдѣльныя соціалистическія націи, въ концѣ концовъ, сольются въ одно государство, что весь человѣческій родъ образуетъ одно единое общество,—это наше твердое убѣжденіе. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ исходнымъ пунктомъ, а не съ дальнѣйшимъ теченіемъ развитія соціалистическихъ общественныхъ формъ, и, слѣдовательно, намъ не зачѣмъ вводить въ область нашихъ изслѣдованій всемірную республику.

общину (марку) и различныя развившіяся изъ нея городскія и сельскія общины, а также на церковныя организаціи. Средневѣковое государство заботилось чрезвычайно мало объ этихъ дѣлахъ.

Положеніе это измѣнилось, когда средневѣковое государство превратилось въ современное бюрократическое и военное государство,— въ орудіе класса капиталистовъ, который вступилъ въ кругъ господствующихъ классовъ, рядомъ съ земельнымъ дворянствомъ, оспаривая у него господство, раздѣляя его съ нимъ или даже совершенно вытѣсняя его изъ господствующаго положенія. Какъ и всякое государство, современное государство является также орудіемъ классового господства. Однако, оно не могло выполнить своей задачи и удовлетворить потребности класса капиталистовъ, не уничтоживъ или не лишивъ самостоятельности тѣ хозяйственныя организаціи, которыя оно застало, и которыя являлись опорными пунктами до-капиталистическаго хозяйства. Но этимъ создавалась для него необходимость взять на себя рядъ ихъ функцій.

Но и тамъ, гдѣ государство оставило въ прежней силѣ средневѣковыя организаціи, онѣ приходили въ упадокъ и оказывались все менѣе и менѣе способными выполнять всѣ свои функціи. Эти же послѣднія постоянно становились тѣмъ обширнѣе, чѣмъ больше развивался капиталистическій способъ производства; онѣ переростали и переростаютъ отдѣльныя организаціи внутри государства, такъ что послѣднее, въ концѣ концовъ, оказывается вынужденнымъ взять на себя также и тѣ изъ этихъ функцій, которыя ему вовсе не по душѣ. Такъ, передача государству всего школьнаго дѣла и попеченія о бѣдныхъ сдѣлалась неотложной необходимостью, которой оно уже отчасти подчинилось. Монетное дѣло перешло къ нему съ самаго начала; охрана лѣсовъ, регулированіе рѣкъ, постройка дорогъ переходятъ все больше въ область его вѣдѣнія.

Было время, когда классъ капиталистовъ, въ сознаніи собственной силы, думалъ, что онъ можетъ обойтись безъ хозяйственной дѣятельности государства. Думали, что задача послѣдняго только обезпечить безопасность капиталистовъ внутри и внѣ страны, обуздать пролетаріевъ и иностранныхъ конкурентовъ,—вся же хозяйственная жизнь должна быть предоставлена самой себѣ. Классъ капиталистовъ имѣлъ достаточныя основанія желать этого. Какъ ни велика была его сила,—однако, государственная власть не всегда оказывалась настолько готовой къ услугамъ, какъ онъ того желалъ; отъ времени до времени она совершенно подпадала вліянію другой части господствующихъ классовъ, главнымъ образомъ земельнаго дворянства. И даже тамъ, гдѣ государственная власть проявляла себя благожелательной по отношенію къ классу капиталистовъ, государственные чиновники, абсолютно ничего непонимавшіе въ дѣловой жизни, нерѣдко

являлись въ высшей степени непріятными друзьями, — такими же косолапыми, и неуклюжими, какъ тотъ медвѣдь, который раскроилъ черепъ своему другу пустыннику, желая согнать муху съ его лба.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда начало развиваться соціалистическое рабочее движеніе, обнаружилось въ классѣ капиталистовъ это направленіе, враждебное вмѣшательству государства въ экономическую жизнь, — первоначально въ Англіи, гдѣ оно получило названіе *«манчестерской школы»*, которое осталось за нимъ впослѣдствіи также и въ Германіи. Ученіе манчестерства было первымъ идейнымъ оружіемъ, которое классъ капиталистовъ пустилъ въ ходъ противъ соціалистическаго рабочаго движенія, какъ въ Англіи, такъ въ Германіи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что среди соціалистически настроенныхъ рабочихъ нерѣдко укоренялось мнѣніе, что понятія *манчестерецъ* и *капиталистъ*, или другъ капиталистовъ съ одной стороны, и *вмѣшательство государства въ экономическія отношенія* и *соціализмъ*—съ другой, представляютъ понятія равнозначущія; нисколько не удивительно и то, что рабочіе вѣрили, будто бы побѣда надъ манчестерствомъ означаетъ побѣду надъ капитализмомъ.— Это совершенно невѣрно. Манчестерство было не болѣе, какъ голымъ ученіемъ, теоріей, которую классъ капиталистовъ пускаетъ въ ходъ противъ рабочихъ, а въ подходящихъ случаяхъ и противъ правительства,—но послѣдовательнаго проведенія этой теоріи онъ всегда остерегался. И въ настоящее время манчестерство уже утратило почти всякое вліяніе на классъ капиталистовъ.

Послѣдній не только лишился своей самоувѣренности, которая являлась необходимой предпосылкой манчестерства, но и убѣдился въ томъ, что экономическое и политическое развитіе дѣлаетъ неизбѣжнымъ переходъ извѣстныхъ экономическихъ функцій въ руки государства.

И эти функціи растутъ съ каждымъ днемъ. — Не только принимаютъ все большіе и большіе размѣры тѣ функціи, которыя государство взяло изъ рукъ упомянутыхъ выше организацій,—достаточно вспомнить, напр., современное проведеніе каналовъ, регулированіе рѣкъ, — но передъ государствомъ выростаютъ, изъ самаго капиталистическаго способа производства, еще и такія функціи, о которыхъ общественныя организаціи среднихъ вѣковъ не имѣли никакого понятія, и благодаря которымъ оно врѣзается въ самую глубь хозяйственной жизни. Если государственные люди прежнихъ вѣковъ должны были быть преимущественно дипломатами и юристами,—то современные обязаны или, по крайней мѣрѣ, вынуждены быть политико-экономами. Въ политическихъ преніяхъ нашего времени рѣшающими аргументами служатъ уже не договоры и привилегіи, не акты и прецеденты, но экономическія положенія. Достаточно вспомнить только все то, что въ настоящее время входитъ

въ область политики: банковая политика, колоніальная политика, таможенная политика, желѣзнодорожная политика, соціальная политика, какъ охрана труда, страхованіе рабочихъ, попеченіе о бѣдныхъ и т. д., и т. д.

Болѣе того. Экономическое развитіе побуждаетъ государство,—частью въ интересахъ самосохраненія, частью для лучшаго обезпеченія своихъ функцій или, наконецъ, для повышенія своихъ доходовъ, сосредоточивать въ своихъ рукахъ все большее количество предпріятій.

Главнымъ источникомъ могущества представителя государственной власти въ средніе вѣка являлось его личное, или государственное, землевладѣніе. Оно неоднократно было еще увеличено въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ на счетъ церковныхъ и крестьянскихъ владѣній. Съ другой стороны, нужда въ деньгахъ вела государей къ продажѣ казенныхъ имѣній капиталистамъ. Однако, въ большинствѣ странъ сохранились еще значительные остатки въ видѣ государственныхъ *доменовъ* и *рудниковъ*. Развитіе милитаризма присоединило къ этому еще *арсеналы* и *корабельныя верфи*; развитіе путей сообщенія—*почту*, *желѣзныя дороги*, *телеграфы*, наконецъ, увеличеніе нужды государства въ деньгахъ создало *монополіи* всякаго рода.

Въ началѣ капиталистическаго способа производства, когда потребность государей въ деньгахъ была велика, а доходы ихъ незначительны, они уже пытались удержать за собой производство различныхъ товаровъ, и такимъ образомъ путемъ государственныхъ монополій присвоить себѣ барыши. Но государственное чиновничество оказалось слишкомъ дурно приспособленнымъ къ тому, чтобы съ выгодой вести какое-либо предпріятіе товарнаго производства; зато развитіе податного дѣла познакомило государство съ болѣе обильными денежными источниками. Къ этому еще присоединилось вліяніе манчестерской теоріи, которую постигали также и буржуазные государственные дѣятели. Считалось грѣхомъ лишить капиталистовъ случая получить барышъ. Такимъ образомъ монопольное хозяйство не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ теченіе прошлаго столѣтія, напротивъ даже сильно сократилось.

Только за послѣднія десятилѣтія вновь возродилась идея монополіи. Потребность государствъ въ деньгахъ быстро возрастаетъ, между тѣмъ народныя массы постоянно бѣднѣютъ,—такъ что напряженіе налоговаго пресса становится все менѣе дѣйствительнымъ. Съ другой стороны, само развитіе капиталистическаго способа производства привело къ тому, что личность капиталиста становится все болѣе излишней; оно само создало цѣлую армію частныхъ служащихъ, которая взяла на себя и выполняетъ функціи капиталиста; оно само привело къ такого рода организаціи большинства крупныхъ капитали-

стическихъ предпріятій, что они могутъ прямо перейти въ безличную собственность.

Такимъ образомъ условія для прибыльнаго монопольнаго предпріятія въ настоящее время складываются гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ XVIII и XIX столѣтіи до самыхъ послѣднихъ десятилѣтій. Въ виду этого обстоятельства и возрастающей нужды государства въ деньгахъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что почти вездѣ вновь рождаются идеи монополіи, и имъ уже удалось одержать нѣкоторыя побѣды. Уже существуютъ монополіи — табачная, соляная, винная, спичечная, и нѣтъ недостатка въ проектахъ дальнѣйшаго перехода во владѣнія казны различныхъ предпріятій.

Такимъ образомъ, въ то время какъ больше и больше расширяются экономическія функціи и экономическое могущество государства,—весь хозяйственный механизмъ, какъ мы видѣли, становится все сложнѣе, все чувствительнѣе,—а отдѣльныя капиталистическія предпріятія все болѣе и болѣе зависимыми другъ отъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ также ихъ чувствительность и зависимость къ вліянію величайшаго предпріятія класса капиталистовъ—государства. Но одновременно возрастаютъ также разстройство и безпорядки въ самомъ хозяйственномъ механизмѣ, для устраненія которыхъ классомъ капиталистовъ призывается опять-таки государство,—эта крупнѣйшая экономическая сила настоящаго времени. Такимъ образомъ уже въ современномъ обществѣ на долю государства все въ большей мѣрѣ выпадаетъ задача вмѣшательства въ экономическую жизнь въ цѣляхъ ея урегулированія и упорядоченія; и все могущественнѣе становятся тѣ средства, которыя для этой цѣли находятся въ его распоряженіи. Экономическое всемогущество государства, которое кажется манчестерцамъ соціалистической утопіей, развивается на ихъ глазахъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе капиталистическаго способа производства.

5. Государственный соціализмъ и соціалъ-демократія.

Экономическая дѣятельность современнаго государства является естественнымъ исходнымъ пунктомъ того развитія, которое ведетъ къ соціалистической ассоціаціи.

Однако, этимъ ни въ коемъ случаѣ не сказано, что всякій переходъ во владѣніе государства какой-либо хозяйственной функціи или какого-либо хозяйственнаго предпріятія является шагомъ къ соціалистической ассоціаціи, и что послѣдняя можетъ возникнуть изъ общей передачи государству всего хозяйственнаго механизма, безо всякой перемѣны въ самой сущности государства.

Такой взглядъ — взглядъ такъ называемыхъ *государственныхъ*

соціалистовъ — покоится на непониманіи государства. Какъ всякое государство вообще, такъ и современное является прежде всего орудіемъ охраненія общихъ интересовъ господствующихъ классовъ. Въ этой его сущности ничего не измѣняется отъ того, что оно беретъ на себя выполненіе общеполезныхъ функцій, которыя отвѣчаютъ интересамъ не только однихъ господствующихъ классовъ, но и всего общества. Оно беретъ на себя эти функціи часто только потому, что невниманіе къ нимъ могло бы повредить прочности общества, а слѣдовательно и господствующихъ классовъ,—но ни въ какомъ случаѣ оно не выполняетъ этихъ функцій такъ, чтобы это противорѣчило общимъ интересамъ высшихъ классовъ, а тѣмъ болѣе, чтобы это могло угрожать ихъ господству.

Когда современное государство беретъ въ свои руки извѣстныя предпріятія или функціи, то оно дѣлаетъ это не для того, чтобы ограничить капиталистическую эксплуатацію, но для того, чтобы охранить и укрѣпить капиталистическій способъ производства, или же, чтобъ самому принять участіе въ этой эксплуатаціи, увеличить этимъ свои доходы и сократить ту долю, которую классъ капиталистовъ долженъ тратить на его содержаніе. Въ качествѣ же эксплуататора государство еще превосходитъ частнаго капиталиста, такъ какъ по отношенію къ эксплуатируемымъ въ его распоряженіи находится на ряду съ экономической силой капиталистовъ еще и политическая сила государственной власти.

И какъ до сихъ поръ государство доводило огосударствленіе не дальше, чѣмъ это отвѣчало интересамъ господствующихъ классовъ, такъ оно будетъ поступать и въ будущемъ. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ пока *имущіе* классы въ то же время будутъ и *господствующими*, переходъ въ руки государства предпріятій и функцій никогда не зайдетъ такъ далеко, чтобы это могло повредить частному капиталу и землевладѣнію вообще и ограничить его силу и возможность эксплуатаціи.

Только когда трудящіеся классы станутъ господствующими въ государствѣ, государство перестанетъ быть капиталистическимъ предпріятіемъ; только тогда сдѣлается возможнымъ преобразовать его въ соціалистическую ассоціацію.

Изъ такого пониманія вытекаетъ та задача, которую поставила себѣ соціалъ-демократія:—*она стремится къ тому, чтобы трудящіеся классы завоевали политическую власть и при ея помощи превратили государство въ обширную хозяйственную ассоціацію, вполнѣ удовлетворяющую всѣ существенныя потребности своими собственными силами.*

Намъ бросаютъ упрекъ, что мы не ставимъ себѣ никакихъ опредѣленныхъ цѣлей,—умѣемъ только критиковать, но не знаемъ, чѣмъ

слѣдуетъ замѣнить существующее.—Мы же полагаемъ, что ни одна другая партія не имѣетъ столь опредѣленной и ясной цѣли, какъ именно соціалъ-демократія. Да и имѣютъ ли другія партіи вообще какую-нибудь цѣль? Всѣ онѣ крѣпко держатся за существующее, хотя всѣ онѣ понимаютъ, что оно несостоятельно и невыносимо; ихъ программы не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ кое-какихъ мелкихъ заплатъ, помощью которыхъ онѣ *обѣщаютъ* и *надѣются* сдѣлать несостоятельное—состоятельнымъ, невыносимое—сноснымъ.

Соціалъ-демократія, напротивъ, опирается въ своей программѣ не на надежды и обѣщанія, но на неумолимую необходимость экономическаго развитія. Кто признаетъ его, тотъ долженъ признать и нашу цѣль. Кто хочетъ доказать ошибочность нашей цѣли, тотъ долженъ доказать, что наше ученіе объ экономическомъ развитіи невѣрно,—тотъ долженъ доказать, что не существуетъ прогресса отъ мелкаго производства къ крупному, что и теперь все еще производится такъ же, какъ сто и двѣсти лѣтъ назадъ, что всегда было такъ же, какъ и теперь. Если бы кто-нибудь могъ это доказать, тотъ, конечно, имѣлъ бы право повѣрить, что все должно остаться въ томъ же видѣ какъ и теперь. Но кто не настолько безуменъ, чтобы думать, будто бы общественный строй былъ всегда однимъ и тѣмъ же, тотъ не можетъ также, не отступая отъ здраваго смысла, допустить, что теперешній строй будетъ продолжаться вѣчно. Но можетъ ли какая-нибудь другая партія показать ему, что *станетъ* и что *должно стать* на мѣстѣ современнаго строя?

Всѣ другія партіи живутъ только въ настоящемъ, изо дня въ день; соціалъ-демократія—единственная партія, которая имѣетъ осязательную цѣль въ будущемъ и которая въ своей настоящей дѣятельности руководствуется этой великой цѣлью. Но другія партіи не могутъ и не хотятъ видѣть этой цѣли, ибо соціалъ-демократія можетъ достигнуть ея, только перешагнувъ черезъ эти партіи. И именно потому, что онѣ не могутъ и не хотятъ ея видѣть, именно потому, что онѣ упорно отказываются что-нибудь видѣть кромѣ пустого пространства надъ ихъ головами,—онѣ заносчиво утверждаютъ, что мы не имѣемъ никакой опредѣленной цѣли и хотимъ, бросясь въ пустое пространство, разрушить все существующее.

6. Организація государства будущаго.

Въ нашу задачу не можетъ входить отвѣтъ на всѣ возраженія, недоразумѣнія и искаженія, которыя приводятся нашими противниками въ цѣляхъ борьбы противъ насъ. Стараться вразумить глупость и злобу—напрасно. Мы могли бы писать до мозолей на пальцахъ и все-бы не справились съ этимъ дѣломъ.

Только объ *одномъ* возраженіи здѣсь придется упомянуть, такъ какъ поводъ къ нему былъ данъ изъ круговъ самихъ соціалистовъ. Оно настолько важно, что мы должны разсмотрѣть его обстоятельно. Устраненіе этого возраженія послужитъ къ тому, чтобы еще ярче обрисовать точку зрѣнія и цѣль соціалъ-демократіи.

Наши противники заявляютъ, что соціалистическая ассоціація могла бы только тогда быть признана осуществимой и стать цѣлью стремленій разумныхъ людей, если бы существовалъ ея планъ, разработанный, изслѣдованный и признанный полезнымъ и выполнимымъ.— Ни одинъ разумный человѣкъ не начнетъ постройки дома, прежде чѣмъ не будетъ готовъ планъ, одобренный свѣдущими людьми. Меньше всего онъ могъ бы согласиться, не имѣя такого заранѣе выработаннаго плана, разрушить свое единственное жилище, чтобы освободить мѣсто для этого дома.—Слѣдовательно, мы должны выступить съ планомъ «государства будущаго», какъ принято называть соціалистическую ассоціацію или соціалистическое общество. Если же мы его скрываемъ, то это является доказательствомъ, что мы сами хорошо не знаемъ, чего хотимъ и не твердо вѣримъ въ наше дѣло.

Дѣйствительно, это звучитъ очень убѣдительно, настолько убѣдительно, что не только наши противники, но даже многіе среди самихъ соціалистовъ настаивали на необходимости подобнаго плана. И въ самомъ дѣлѣ его слѣдовало бы считать необходимымъ предварительнымъ условіемъ новаго общества до тѣхъ поръ, пока не знали законовъ общественнаго развитія и полагали, что общественныя формы строятся такъ же произвольно, какъ и дома. Еще и теперь охотно говорятъ объ общественномъ зданіи.

О развитіи общества вообще стали думать еще очень недавно. Въ прежнее время экономическое развитіе совершалось настолько медленно, что оно было едва замѣтно. Цѣлыми столѣтіями и даже тысячелѣтіями люди оставались на одной и той же разъ достигнутой ступени культуры. Орудія крестьянъ въ отсталыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Россіи, еще и теперь почти ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ на порогѣ историческихъ временъ.

Поэтому, съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка, въ прежнія времена данный способъ производства являлся чѣмъ-то неизмѣннымъ: его отецъ и дѣдъ вели хозяйство точно такъ же, какъ и онъ,—его сыновья и внуки будутъ вести его такимъ же образомъ. Данный общественный строй разсматривался, какъ неизмѣнный, Богомъ установленный,—и кто касался его, былъ безбожникъ. Какъ ни велики бывали перемѣны, вызываемыя въ обществѣ войнами и классовой борьбой, онѣ, казалось, затрогивали только его поверхность. Правда, эта борьба воздѣйствовала и на *основы* общества, но для отдѣль-

наго наблюдателя, жившаго среди этихъ событій, такія воздѣйствія оставались незамѣтными.

Исторія еще и въ настоящее время, въ сущности, является ни чѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе вѣрнымъ сопоставленіемъ достигшихъ до насъ сообщеній такихъ наблюдателей. Поэтому и она такъ же не идетъ дальше поверхности, и хотя тотъ, кто обозрѣваетъ прошлыя тысячелѣтія, могъ бы прослѣдить ходъ общественнаго развитія,—но наши его историки не замѣчаютъ.

Только капиталистическій способъ производства сообщилъ общественному развитію настолько быстрый ходъ, что люди стали сознавать его и размышлять надъ нимъ. Естественно, что сначала они искали причинъ этого развитія на поверхности, прежде чѣмъ пойти вглубь. Но тотъ, кто не идетъ дальше поверхности, замѣчаетъ только тѣ двигательныя силы, которыя опредѣляютъ развитіе общества *непосредственно*, а этими послѣдними являются не измѣняющіяся условія производства, а измѣняющіяся идеи людей.

Когда возникалъ капиталистическій способъ производства, онъ порождалъ въ зависящихъ отъ него лицахъ—капиталистахъ, пролетаріяхъ и т. под.—новыя потребности, которыя были совершенно отличными отъ потребностей лицъ, экономически связанныхъ съ пережитками прежняго феодальнаго способа производства,—потребностей крупныхъ землевладѣльцевъ, цеховыхъ ремесленниковъ и т. д. Этимъ различнымъ потребностямъ соотвѣтствовали также и различныя идеи о томъ, что справедливо и что несправедливо, что необходимо и что излишне, что полезно и что вредно. Чѣмъ больше разростался капиталистическій способъ производства и чѣмъ сильнѣе становились классы, которые принимали въ немъ участіе,—тѣмъ яснѣе и самостоятельнѣе становились и соотвѣтствующіе этому способу производства идеи, тѣмъ распространеннѣе и вліятельнѣе дѣлались онѣ въ государствѣ, тѣмъ болѣе опредѣляли онѣ собою политическую и общественную жизнь, пока, наконецъ, вновь возникшіе классы не захватили въ свои руки власть въ государствѣ и обществѣ, преобразовавъ и то и другое соотвѣтственно своимъ идеямъ и потребностямъ.

Такимъ образомъ то, что казалось мыслителямъ, желавшимъ изучить причины общественнаго развитія, двигательной силой этого развитія, были *идеи людей*. До извѣстной степени они признавали уже, что эти идеи происходятъ изъ *матеріальныхъ потребностей*; но для нихъ еще оставалось скрытымъ, что эти потребности измѣняются и что ихъ измѣненія имѣютъ своимъ началомъ измѣненія въ экономическихъ, производственныхъ отношеніяхъ. Они принимали, что потребности людей—«человѣческая природа»—неизмѣнно остаются тѣми же самыми. Поэтому въ ихъ глазахъ существуетъ только одинъ единственный «истинный», «естественный», «справедливый» обществен-

ный строй, ибо только одинъ единственный строй можетъ вполнѣ соотвѣтствовать истинной природѣ человѣка. Всѣ другія общественныя формы являются заблужденіями, которыя сдѣлались возможными только потому, что люди не сознавали раньше своихъ потребностей,— въ силу ли, какъ думали одни, природной глупости людей,—или же, какъ утверждали другіе, вслѣдствіе намѣреннаго одурачиванія со стороны поповъ и правителей.

Развитіе общества является съ этой точки зрѣнія слѣдствіемъ развитія разума, развитія идей. Чѣмъ умнѣе люди, чѣмъ искуснѣе въ изобрѣтательности соотвѣтствующихъ человѣческой природѣ общественныхъ формъ,—тѣмъ справедливѣе и лучше общество.

Это было воззрѣніе буржуазныхъ, либеральныхъ мыслителей. Оно господствуетъ еще и въ настоящее время, поскольку простирается ихъ вліяніе. Подъ властью этого воззрѣнія находились, естественно, и первые изъ новѣйшихъ соціалистовъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Какъ и либералы, они думали, что учрежденія буржуазнаго общества и буржуазнаго государства произошли изъ чистыхъ идей мыслителей XVIII столѣтія, экономистовъ и просвѣтителей.

Но они видѣли, что новое буржуазное общество далеко не такъ совершенно, какъ ожидали философы XVIII столѣтія. Слѣдовательно, оно еще не было истиннымъ обществомъ; очевидно, эти мыслители допустили гдѣ-нибудь ошибку,—стоило только ее открыть и изобрѣсти новую общественную форму, которая лучше соотвѣтствовала бы человѣческой природѣ, чѣмъ существующая. Надо было также тщательнѣе выполнить планъ новаго общественнаго зданія, чѣмъ это сдѣлали Кенэ и Адамъ Смитъ, Монтескье и Руссо, для того, чтобы неожиданныя вліянія не могли вновь уничтожить всѣ разсчеты. Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что соціалисты начала прошлаго столѣтія не имѣли передъ собою,—подобно просвѣтителямъ XVIII в.,— ни такой общественной формы, гибель которой была бы близка, ни такого могучаго класса, который былъ бы заинтересованъ въ устраненіи этой общественной формы. Они могли отстаивать таковое общество, къ которому они стремились, не какъ нѣчто *неизбѣжное*, но лишь какъ нѣчто *желательное*. Поэтому они должны были выставить передъ людьми свой общественный идеалъ въ самой ясной, вполнѣ осязательной формѣ, такъ чтобы у нихъ слюнки потекли, и уже никто не могъ сомнѣваться въ возможности и пригодности такого строя.

Наши противники въ своемъ пониманіи общества не пошли дальше той точки зрѣнія, на которой стояла наука въ началѣ прошлаго столѣтія; поэтому единственный родъ соціализма, который они могутъ понять, это только что охарактеризованный соціализмъ утопистовъ, исходившихъ изъ тѣхъ же самыхъ основаній, какъ и они. Наши про-

тивники разсматривают социалистическое общество, какъ какое-то капиталистическое предприятие, акционерное общество, которое должно быть «основано»,—и они отказываются подписаться на его акции до тѣхъ поръ, пока его основатели—Бебель, Зингеръ и К°—не докажутъ достаточно убѣдительно въ особомъ проспектѣ осуществимость и доходность новаго предприятия.

Это воззрѣние еще могло быть оправдано въ началѣ прошлаго столѣтия. Въ настоящее время социалистическое общество для своего осуществления больше не нуждается въ кредитѣ этихъ господъ.

Капиталистическое общество отжило свой вѣкъ; его разложение является только вопросомъ времени; неудержимое экономическое развитие съ естественной необходимостью ведетъ къ банкротству капиталистическаго способа производства. Образование новой общественной формы на мѣстѣ существующей теперь является не только чѣмъ-то *желательнымъ*, оно сдѣлалось уже *неизбѣжнымъ*.

И все многочисленнѣе и могущественнѣе становится армия неимущихъ рабочихъ, для которыхъ существующий способъ производства сталъ невыносимымъ, которые при его ниспровержении ничего не теряютъ и все выигрываютъ, которые *должны* ввести соотвѣтствующую ихъ интересамъ общественную форму,—иначе имъ грозитъ полная гибель, а вмѣстѣ съ ними и всему обществу, важнѣйшую составную часть котораго они представляютъ.

Все это—вовсе не фантазия; все это *доказали* мыслители социалъ-демократии на основании неоспоримыхъ *фактовъ* современнаго способа производства. Эти факты говорятъ гораздо болѣе убѣдительнымъ и сильнымъ языкомъ, чѣмъ самые гениальные и тщательно разработанныя картины будущаго государства. Подобныя картины въ лучшемъ случаѣ могутъ доказать, что социалистическое общество не невозможно,—но онѣ никогда не смогутъ исчерпать общественной жизни во всей ея полнотѣ и всегда будутъ имѣть пробѣлы и щели, черезъ которыя могутъ проникнуть противники. Напротивъ, то, что доказано, какъ *неизбѣжное*, является не только *возможнымъ*, но и *единственно возможнымъ*. Если бы социалистическое общество было невозможно, то и вообще было бы уничтожено всякое дальнѣйшее экономическое развитие. Тогда современное общество должно было, бы подобно Римской империи около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, разложиться,—чтобы, въ концѣ концовъ, вернуться къ варварству.

Остановиться на капиталистической цивилизации—невозможно:—либо впередъ къ социализму, либо назадъ къ варварству.

Въ виду такого положения вещей рѣшительно нѣтъ никакой надобности стараться какимъ-нибудь соблазнительнымъ проспектомъ

склонить нашихъ противниковъ къ тому, чтобы они подарили намъ свой кредитъ. Кому осязательные факты современнаго способа производства не достаточно громко возвѣщаютъ о необходимости соціалистическаго общества, тотъ и впредь останется глухъ ко всякимъ восхваленіямъ строя, который еще не существуетъ, котораго онъ не можетъ ни осязать, ни понять.

Но разработка плана устройства «государства будущаго», въ настоящее время не только безцѣльна, но она не совмѣстима болѣе съ современной научной точкой зрѣнія. Въ теченіе прошлаго столѣтія совершился не только огромный экономическій переворотъ, но и огромный переворотъ—въ головахъ. Пониманіе причинъ общественнаго прогресса чрезвычайно увеличилось. Уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія Марксъ и Энгельсъ намъ показали,—и съ тѣхъ поръ каждый дальнѣйшій успѣхъ въ области общественной науки это подтверждалъ,—что исторія человѣчества въ конечномъ счетѣ опредѣляется не идеями людей, но экономическимъ развитіемъ, которое непреодолимо движется впередъ, слѣдуя опредѣленнымъ законамъ, но не желаніямъ и капризамъ людей. Мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, какъ оно создаетъ новыя формы производства, которыя несутъ съ собой и необходимость въ новыхъ общественныхъ формахъ; какъ оно рождаетъ новыя потребности, которыя вынуждаютъ людей задумываться надъ своими общественными отношеніями и изобрѣтать средства приспособить общество къ новымъ условіямъ производства. Ибо само собой это приспособленіе не совершается; оно нуждается въ посредствѣ мыслящей человѣческой головы,—въ посредствѣ идей. Безъ мышленія, безъ идей не можетъ быть никакого прогресса. Но идеи являются только посредниками въ общественномъ прогрессѣ; не отъ нихъ исходитъ первый толчокъ какъ это думали прежде, а многіе думаютъ и понынѣ, а отъ перемѣнъ въ экономическихъ отношеніяхъ.

Поэтому не мыслители, не философы опредѣляютъ направленіе общественнаго прогресса, но оно дается экономическимъ развитіемъ. Мыслители могутъ *познать* это направленіе,—и тѣмъ проницательнѣе, чѣмъ глубже ихъ проникновеніе въ предшествовавшее развитіе, но они не могутъ его *предписать* произвольно.

Но и познаніе направленія историческаго прогресса имѣетъ свои границы. Ибо механизмъ человѣческаго общества чрезвычайно сложенъ, и для самаго проницательнаго мыслителя невозможно изслѣдовать всѣ его стороны настолько подробно, измѣрить всѣ дѣйствующія въ немъ силы настолько точно, чтобы онъ могъ съ увѣренностью предвидѣть, какія общественныя формы создадутся изъ сочетанія и взаимодѣйствія этихъ силъ.

Новая общественная форма осуществляется не въ силу того, что

отдѣльные, особенно хитрые умы разработываютъ планъ наилучшаго устройства этой общественной формы, что они постепенно убѣждаютъ другихъ въ полезности этого плана и, получивъ въ свои руки необходимую власть, приступаютъ со всѣми удобствами къ возведенію и устройству по этому плану соціальнаго зданія.

Всякая новая общественная форма до сихъ поръ всегда являлась результатомъ продолжительной, протекавшей съ перемѣннымъ успѣхомъ, борьбы. Боролись эксплуатируемые классы съ эксплуатирующими; боролись сходящіе со сцены реакціонные классы съ классами восходящими, революціонными. Въ этой борьбѣ вступаютъ между собою въ связь различные классы и самымъ различнымъ образомъ, чтобы побороть другіе, противостоящіе имъ классы: порой лагерь эксплуатируемыхъ объединялъ и революціонеровъ и реакціонеровъ; лагерь революціонеровъ—эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Даже въ предѣлахъ одного и того же класса часто находятся различныя направленія, въ зависимости отъ различія въ пониманіи, темпераментѣ, жизненномъ положеніи отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ слоевъ. Наконецъ сила каждаго отдѣльнаго класса всегда являлась чѣмъ-то въ высшей степени измѣнчивымъ; она возвышалась или падала въ зависимости отъ того, возростало или убывало пониманіе даннымъ классомъ дѣйствительныхъ отношеній его, сплоченность и размѣры его организацій и его значеніе въ экономической жизни.

Въ измѣнчивой борьбѣ этихъ классовъ распадались мало-по-малу старыя, становившіяся несостоятельными общественныя формы и вытѣснялись новыми. Не всегда новое, становившееся на мѣсто стараго, было также и правильнымъ; для послѣдняго было необходимо условіе, чтобы революціонные классы всецѣло обладали властью и достигли высшаго пониманія общественныхъ явленій. Гдѣ и пока этого не было—постоянно дѣлались ошибки, и нерѣдко новое оказывалось вполнѣ или отчасти почти такимъ же несостоятельнымъ, какъ и отжившее старое. Но чѣмъ сильнѣе тѣснило экономическое развитіе, тѣмъ яснѣе становились его требованія, и тѣмъ больше возростала сила революціонныхъ классовъ, необходимая для проведенія въ жизнь назрѣвшихъ потребностей. Тѣ учрежденія революціонныхъ классовъ, которыя стояли въ противорѣчіи съ требованіями экономическаго развитія, приходили въ упадокъ и скоро предавались забвенію; тѣ же изъ ихъ учрежденій, которыя, напротивъ, были необходимы, скоро пускали глубоко свои корни и уже не могли быть вырваны приверженцами старины.

Такимъ путемъ возникалъ до сихъ поръ всякій новый общественный строй; такъ называемыя революціонныя эпохи отличались отъ другихъ моментовъ общественнаго развитія только тѣмъ, что тогда событія разыгрывались гораздо болѣе быстро и бурно, чѣмъ въ обычное время.

Изъ этого видно, что общественныя формы возникаютъ другимъ путемъ, чѣмъ постройки. Заранѣе приготовленные планы при созданіи ихъ не имѣютъ значенія. Убѣдившись теперь въ этомъ, набрасывать еще «положительные проекты» для организаціи государства будущаго—было бы такъ же почти полезно и глубокомысленно, какъ заранѣе писать исторію предстоящей войны.

Ходъ развитія ни въ какомъ случаѣ не является независимымъ отъ отдѣльныхъ личностей. Всякій, кто дѣйствуетъ въ обществѣ, оказываетъ на это развитіе большее или меньшее вліяніе. Отдѣльныя личности, выдающіяся по своему дарованію или общественному положенію, могутъ на десятилѣтія опредѣлить ходъ вещей въ цѣлыхъ государствахъ; одни изъ нихъ содѣйствуютъ прогрессу, открывая новыя перспективы на общественныя отношенія или дѣлая ихъ понятными для массъ, или же организуя революціонные классы, сплочивая ихъ силы и давая имъ цѣлесообразное примѣненіе; другіе, напротивъ, задерживаютъ прогрессъ, дѣйствуя въ противоположномъ направленіи. Первые дѣйствуютъ такъ, чтобы ускорить процессъ развитія, уменьшить тѣ страданія и жертвы, которыя онъ причиняетъ; другіе же стараются задержать этотъ процессъ, увеличить страданія и жертвы, которыя онъ несетъ съ собой. Но чего никто не можетъ сдѣлать,—ни самый могущественный монархъ, ни глубочайшій мыслитель,—это—дать по своему желанію *направленіе развитію* и точно предсказать тѣ *формы*, въ которыя оно выльется.

Поэтому нѣтъ ничего болѣе смѣшного, какъ требовать отъ насъ, чтобы мы дали картину «государства будущаго», къ которому мы стремимся. Это требованіе, котораго еще не предъявляли ни къ одной изъ партій, настолько смѣшно, что безполезно было бы по этому поводу тратить такъ много словъ, если бы это смѣшное требованіе не представляло самаго серьезнаго возраженія, которое выставляютъ противъ насъ въ настоящее время наши противники. Другія возраженія еще гораздо болѣе забавны.

Еще никогда не было такого случая во всемірной исторіи, чтобы какая-либо революціонная партія могла только предвидѣть,—не говоря уже о томъ, чтобы произвольно опредѣлить,—какія *формы* приметъ новое общество, къ которому она стремится. Для дѣла прогресса было уже большимъ выигрышемъ, если такой партіи удавалось познать тѣ *тенденціи*, которыя вели къ этому обществу,—такъ что ея политическая дѣятельность носила *сознательный*, а не просто *инстинктивный* характеръ. Нельзя требовать большаго также и отъ соціалъ-демократіи.

Между тѣмъ, еще никогда не существовало партіи, которая такъ глубоко изслѣдовала бы и такъ точно понимала бы общественныя тенденціи своего времени, какъ соціалъ-демократія.

Это не ея заслуга, а ея счастье. Этимъ она обязана тому, что опирается на буржуазную политическую экономію, которая предприняла первое научное изслѣдованіе общественнаго строя и общественныхъ отношеній, и благодаря которой революціонные классы, низвергнувшіе феодальный способъ производства, обладали гораздо болѣе яснымъ сознаніемъ своихъ общественныхъ задачъ и поддавались гораздо меньшему самообману, чѣмъ какой бы то ни было предшествовавшій имъ революціонный классъ. Но мыслители соціалъ-демократіи повели изслѣдованіе общественныхъ отношеній еще дальше, они проникли въ эти отношенія еще глубже, чѣмъ всѣ предшествовавшіе имъ буржуазные экономисты. «*Капиталъ*» Маркса сдѣлался, по общему признанію, поворотнымъ пунктомъ современной экономической науки, и насколько выше стоитъ «Капиталъ» Маркса надъ сочиненіями Кенэ, Адама Смита и Рикардо, настолько же выше пониманіе и сознаніе своей цѣли соціалъ-демократіей въ сравненіи съ революціонными классами конца XVIII и начала XIX столѣтія. Если соціалъ-демократія отказывается выкладывать для ознакомленія почтеннѣйшей публики какой-либо проспектъ государства будущаго, то буржуазные писатели не имѣютъ никакого повода надъ этимъ издѣваться и заключать отсюда, что мы не знаемъ, чего хотимъ. Соціалъ-демократія яснѣе предвидитъ будущее, чѣмъ въ свое время предвидѣли піонеры современнаго общественнаго строя, — экономисты и просвѣтители.

Мы сказали, что если какой-либо мыслитель можетъ познать *тенденціи* экономическаго развитія своей эпохи, то онъ не можетъ предвидѣть тѣхъ *формъ*, въ которыхъ получатъ свое выраженіе эти тенденціи. Для доказательства правильности этого положенія достаточно одного взгляда на существующія отношенія. Тенденціи капиталистическаго способа производства однѣ и тѣ же во всѣхъ странахъ, въ которыхъ онъ господствуетъ; и тѣмъ не менѣе, насколько разнообразны государственныя и общественныя формы въ различныхъ капиталистическихъ странахъ,—насколько различны онѣ въ Англіи и во Франціи, и въ Германіи, и какъ, въ свою очередь, совершенно отличны въ Америкѣ! Историческія тенденціи созданнаго существующимъ способомъ производства рабочаго движенія точно также всюду однѣ и тѣ же,—но формы, которыя это движеніе принимаетъ, въ каждой странѣ носятъ свой особый характеръ.

Тенденціи капиталистическаго способа производства въ настоящее время точно извѣстны. И все же никто не могъ бы сказать, какія формы онъ приметъ черезъ 10, 20 или 30 лѣтъ, если предположить, что онъ будетъ еще такъ долго влачить свое существованіе. Отъ насъ же требуютъ изображенія общественныхъ формъ, лежащихъ за предѣломъ существующаго способа производства!

Если мы отвергаемъ требованіе создать какой-либо планъ «государства будущаго» и правила для перехода къ нему, то этимъ мы хотимъ сказать, что и вообще считаемъ безполезнымъ или даже вреднымъ всякое размышленіе о соціалистическомъ обществѣ. Это значило бы выплеснуть изъ ванны вмѣстѣ съ водою и ребенка. Вредно и безполезно только сочинять опредѣленные положительные *проекты* основанія и организаціи соціалистическаго общества. *Проекты* опредѣленнаго преобразованія общественныхъ отношеній можно создавать только для такихъ областей, которыя въ смыслѣ времени и пространства входятъ въ кругъ нашего познанія и воздѣйствія. Слѣдовательно, соціалъ-демократія можетъ создавать *положительные проекты* лишь для современнаго общества, но не для будущаго. Проекты, которые выходятъ изъ этихъ предѣловъ, должны считаться не съ *фактами*, а только съ вымышленными *предположеніями*, и, слѣдовательно, являются плодами фантазіи, мечтами, которыя въ лучшемъ случаѣ остаются безрезультатными. Если виновникомъ такихъ проектовъ является человѣкъ талантливый и достаточно энергичный, чтобы произвести нѣкоторое дѣйствіе на умы,—то оно можетъ выразиться только въ совращеніи съ вѣрнаго пути и расточеніи силъ.

Съ такими мечтами, съ которыми слѣдуетъ рѣшительно бороться, напротивъ не нужно смѣшивать попытокъ изслѣдовать, какое направленіе примутъ тенденціи экономическаго развитія, какъ скоро это послѣднее будетъ перемѣщено съ капиталистической основы на соціалистическую. Здѣсь дѣло идетъ не объ изобрѣтеніи «рецептовъ для кухни будущаго», но о научной переработкѣ данныхъ, которыя стали извѣстными на основаніи научнаго изслѣдованія опредѣленныхъ фактовъ. Изслѣдованія такого рода далеко небезполезны, ибо чѣмъ яснѣе мы можемъ, предвидѣть будущее, тѣмъ цѣлесообразнѣе будемъ мы примѣнять свои силы въ настоящемъ.

Наиболѣе крупные мыслители соціалъ-демократіи предприняли подобныя изслѣдованія. Въ произведеніяхъ Маркса и Энгельса разсѣяны многочисленные результаты такихъ изслѣдованій. Бебель въ своей книгѣ «Женщина и Соціализмъ» далъ сжатое изложеніе своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Подобную работу лично для себя, вѣроятно, исполнялъ каждый мыслящій соціалистъ, ибо всякій, поставившій себѣ великую цѣль, чувствуетъ потребность выяснить себѣ и тѣ условія, при которыхъ она можетъ быть достигнута. Въ зависимости отъ разнообразія въ экономическомъ представленіи, жизненномъ положеніи, въ темпераментѣ, въ знакомствѣ съ другими не-капиталистическими, а именно коммунистическими общественными формами,—образовались и выразились самыя разнообразныя воззрѣнія въ этой области. Эти различія и противорѣчія нимало не нарушаютъ сплоченности и единства соціалъ-демократіи.

Какъ ни разнообразенъ можетъ быть тотъ видъ, который представляетъ собою наша цѣль въ глазахъ различныхъ людей,—важно только, чтобы *направленіе*, въ которомъ они ее видятъ, было одно и то же и при томъ вѣрное.

Мы можемъ здѣсь закончить эту главу, ибо различныя представленія, существующія въ самой соціалъ-демократіи, о «государствѣ будущаго» не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу, *чего хотятъ соціалъ-демократы*. Чего мы хотимъ—это преобразованія государства въ самоудовлетворяющуюся хозяйственную ассоціацію. По этому вопросу въ соціалъ-демократіи не существуетъ никакихъ разногласій. Какъ разовьется эта ассоціація и какія тенденціи она создастъ,—объ этомъ размышлять ни въ коемъ случаѣ не лишнее; но то, къ чему можетъ привести это размышленіе, является уже частнымъ дѣломъ каждаго, а не дѣломъ партіи и не должно быть таковымъ, такъ какъ на партійную дѣятельность это не оказываетъ непосредственнаго вліянія.

Однако, частью подъ вліяніемъ пережитковъ, сохранившихся отъ времени утопическаго соціализма, частью же подъ вліяніемъ изобрѣтеній невѣжественныхъ или недоброжелательныхъ литераторовъ, распространяется такое множество ошибочныхъ представленій о томъ, какимъ образомъ соціалъ демократы хотятъ устроить свое «государство будущаго», что было бы равносильно уклоненію съ нашей стороны, если бы мы здѣсь не коснулись по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — хотя изъ предыдущаго всякому мыслящему человѣку должно быть достаточно ясно, какъ смотрѣть на «государство будущаго». Поэтому намъ хотѣлось бы показать на нѣкоторыхъ примѣрахъ, какой видъ могутъ принять тенденціи экономическаго развитія въ соціалистическомъ обществѣ.

7. «Уничтоженіе семьи».

Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ предразсудковъ противъ соціалъ-демократіи заключается во взглядѣ, будто бы она желаетъ уничтожить семью. Мы уже говорили объ этомъ во второй главѣ (стр. 40 и сл.) и потому можемъ быть теперь краткими.

Объ «уничтоженіи» семьи, объ уничтоженіи ея законодательнымъ путемъ и о насильственномъ разрушеніи ея не думаетъ никто въ партіи. Только самое грубое извращеніе можетъ навязать ей такіе взгляды, и только дуракъ можетъ воображать, что какая-либо форма семьи можетъ быть создана или отмѣнена указами.

Сущности общественнаго производства современная семья нисколько не противорѣчитъ. Слѣдовательно, осуществленіе соціалистическаго общества само по себѣ вовсе не требуетъ уничтоженія существующей формы семьи.

Что ведетъ къ ея уничтоженію, такъ это не сущность общественнаго производства, а экономическое развитіе. Мы уже видѣли въ упомянутой главѣ, какимъ образомъ *въ наши дни* разлагается семья:—мужъ, жена и дѣти отрываются другъ отъ друга, безбрачіе и проституція становятся массовыми явленіями.

Соціалистическое общество не препятствуетъ экономическому развитію; напротивъ, оно дастъ ему новый толчокъ. Слѣдовательно, это развитіе будетъ продолжаться, по-прежнему одно занятіе домашняго хозяйства за другимъ будетъ превращаться въ функціи спеціальныхъ промышленныхъ предпріятій, и женщина изъ работницы въ отдѣльномъ домашнемъ хозяйствѣ будетъ превращаться въ работницу крупнаго производства. Однако, этотъ переходъ для женщины уже не будетъ больше означать перехода отъ домашняго рабства къ рабству наемному; онъ не будетъ больше выбрасывать ее изъ защищающихъ рамокъ семьи въ самые беззащитные и безпомощные слои пролетаріата.—Благодаря своему труду въ общественномъ крупномъ производствѣ женщина сдѣлается экономически-равноправной съ мужчиной и получитъ одинаковое съ нимъ право на участіе въ дѣлахъ общества; она станетъ его свободной подругой, освобожденной (эмансипированной) не только отъ батрачества домашняго хозяйства, но и отъ рабства капитала. Свободно распоряжаясь собой, подобно мужчинѣ, она положитъ конецъ всякаго рода проституціи,—законной и незаконной,—и впервые во всемірной исторіи возведетъ равный для мужчины и женщины моногамный бракъ до высоты дѣйствительнаго, не на бумагѣ только существующаго учрежденія.

Это не утопическіе проекты, а научныя убѣжденія, обоснованныя опредѣленными фактами. Кто желаетъ ихъ опровергнуть, тотъ долженъ доказать, что эти предпосылки несостоятельны. Но такъ какъ до сихъ поръ этого не удалось сдѣлать, то, конечно, господамъ и дамамъ, не желающимъ ничего знать объ этомъ процессѣ развитія, не остается никакихъ другихъ пріемовъ «опроверженія», какъ только выражать свое нравственное негодованіе и путемъ лжи и извращенія выставлять свою нравственность въ возможно болѣе выгодномъ свѣтѣ.

Этимъ, конечно, они ни на одну минуту не задержатъ неизбѣжнаго развитія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что разложеніе традиціонной формы семьи вызвано не соціалъ-демократіей и не сущностью соціалистическаго производства, а происходящимъ уже въ теченіе десятилѣтій на нашихъ глазахъ экономическимъ развитіемъ. Соціалистическое общества не задержитъ его и не можетъ задержать, но оно освободитъ всѣ послѣдствія этого развитія отъ мучительныхъ и унизительныхъ сторонъ, которыми оно съ естественной необходимостью сопровождается въ капиталистическомъ обществѣ. И въ то время какъ послѣд-

нее ведетъ къ разложенію всякаго семейнаго союза, всякаго упорядоченнаго брака,—въ соціалистическомъ обществѣ разложеніе современной семейной формы будетъ совершаться лишь постольку, поскольку онъ будетъ вытѣсняться высшей формой.

Вотъ истинный смыслъ того насколько соціалъ-демократія стремится къ уничтоженію брака и семьи.

8. Конфискація собственности.

Наши противники, которые лучше, чѣмъ мы сами, знаютъ, чего мы хотимъ, и которые могутъ изобразить «государство будущаго» съ большей опредѣленностью, чѣмъ мы, нашли далѣе, что соціалъ-демократія не иначе утвердитъ свое господство, какъ путемъ экспропріаціи (лишенія собственности) ремесленниковъ и крестьянъ, у которыхъ будетъ конфисковано (отнято безъ вознагражденія) все,—не только домъ и дворъ, но и необходимое движимое имущество, не составляющее предметовъ первой необходимости и даже вклады въ сберегательныя кассы. На ряду съ воображаемымъ нашимъ стремленіемъ насильственно порвать всякія семейныя связи это является однимъ изъ главныхъ козырей, выдвигаемыхъ противъ насъ.

На это слѣдуетъ замѣтить, что сущность соціалистическаго общества никоимъ образомъ не требуетъ подобной конфискаціи.

О конфискаціи ничего не говоритъ программа соціалъ-демократіи. И это—не изъ осторожности, чтобы не произвести отталкивающаго дѣйствія, но просто потому, что объ этомъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Съ опредѣленностью можно только заявить, что тенденція экономическаго развитія дѣлаетъ необходимымъ переходъ *крупныхъ предпріятій* въ общественную собственность и общественное завѣдываніе. Какимъ путемъ совершится этотъ переходъ,—явится ли неизбѣжная экспропріація конфискаціей или выкупомъ, совершится ли она мирнымъ или насильственнымъ путемъ,—все это вопросы, на которые ни одинъ человѣкъ не можетъ дать отвѣта. Точно также и ссылка на прошлое здѣсь можетъ помочь очень мало.—Переходъ этотъ можетъ совершиться самымъ различнымъ образомъ, подобно тому, какъ и уничтоженіе феодальныхъ повинностей въ различныхъ странахъ протекало различнѣйшимъ образомъ. Характеръ перехода зависитъ отъ общихъ условій, въ которыхъ онъ совершится,—отъ силы и сознанія каждаго изъ заинтересованныхъ классовъ, и т. д., т.-е. всецѣло отъ тѣхъ условій, которыхъ нельзя учесть заранѣе. Въ историческомъ развитіи неожиданность играетъ самую большую роль.

Само собой понятно, что соціалъ-демократы желаютъ, чтобы ставшая неизбѣжной экспропріація крупныхъ предпріятій произошла, на-

сколько возможно, безболѣзненно, мирнымъ путемъ и при всестороннемъ согласіи. Однако, историческое развитіе опредѣляется такъ же мало нашими желаніями, какъ и желаніями нашихъ противниковъ.

Ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать, чтобы проведеніе соціалъ-демократической программы требовало безусловно конфискаціи той собственности, экспропріація которой сдѣлалась необходимой.

Но зато можно сказать съ опредѣленностью, что экономическое развитіе дѣлаетъ необходимой только экспропріацію одной *части* существующей собственности.—То, чего оно требуетъ, это—общественной собственности на *средства производства*; частная собственность на *средства личнаго потребленія* этимъ вовсе не затрагивается. Это относится не только къ средствамъ существованія, мебели и т. д. Вспомнимъ о томъ, что говорилось въ предыдущей главѣ по поводу сберегательныхъ кассъ. Онѣ являются средствомъ передать собственность некапиталистическихъ классовъ въ распоряженіе капиталистовъ. Каждый изъ небольшихъ вкладовъ въ кассу самъ по себѣ слишкомъ незначителенъ для того, чтобы завести капиталистическое предпріятіе. Только путемъ соединенія этихъ вкладовъ получается для нихъ возможность выполнять функціи капитала. Но по мѣрѣ того, какъ капиталистическія предпріятія будутъ переходить въ собственность общества, сократится возможность получать проценты съ вкладовъ въ сберегательныя кассы. Они перестанутъ быть капиталомъ и станутъ простымъ *сбереженіемъ, не приносящимъ процентовъ*, фондомъ потребленія. Но это нѣчто совершенно другое, чѣмъ *конфискація* сбереженій.

Подобная конфискація, однако, не нужна не только изъ *экономическихъ* основаній, но она невѣроятна еще и по *политическимъ* соображеніямъ. Ибо небольшія сбереженія по большей части принадлежатъ классамъ эксплуатируемымъ, тѣмъ самымъ классамъ, сила которыхъ только и можетъ ввести соціализмъ въ обществѣ. Только тотъ, кто считаетъ эти классы абсолютно невмѣняемыми, можетъ думать, что они, стремясь получить въ свои руки средства производства, начнутъ съ того, что сами себя лишатъ своихъ послѣднихъ грошей!

Но переходъ къ соціалистическому производству не только не обусловливаетъ экспропріаціи средствъ потребленія, но онъ не требуетъ также и экспропріаціи всѣхъ владѣльцевъ *средствъ производства*.

Вѣдь необходимость соціалистическаго общества вызывается *крупнымъ производствомъ*. Коллективное производство требуетъ также и коллективной собственности на средства производства. Но какъ частная собственность на средства производства стоитъ въ противорѣчіи съ коллективнымъ трудомъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, точно

также и коллективная или общественная собственность на средства производства находится въ противорѣчіи съ мелкимъ производствомъ.

Послѣднее требуетъ, какъ мы видѣли, для себя частной собственности на средства производства. Уничтоженіе ея для мелкихъ предпріятій было бы тѣмъ менѣе цѣлесообразно, что тенденція соціализма направлена къ передачѣ во владѣніе рабочихъ необходимыхъ средствъ производства. Слѣдовательно, для мелкихъ предпріятій экспропріація средствъ производства кончилась бы только тѣмъ, что ихъ отняли бы у теперешнихъ владѣльцевъ, для того, чтобы имъ же возвратить ихъ обратно, что явилось бы совершенной безсмыслицей.

Поэтому переходъ къ соціалистическому обществу ни въ коемъ случаѣ не требуетъ экспропріаціи мелкихъ ремесленниковъ и мелкихъ крестьянъ. Этотъ переходъ не только ничего у нихъ не отнимаетъ, но, напротивъ, даетъ имъ еще извѣстныя выгоды.—Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ соціалистическое общество вноситъ тенденцію къ замѣнѣ товарнаго производства производствомъ для прямого потребленія,—какъ это мы видѣли,—то онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы всѣ общественныя повинности,—налоги и проценты на перешедшія въ собственность общества ипотеки, поскольку эти послѣднія не будутъ вовсе уничтожены,—превратить изъ формы *денежныхъ повинностей* въ *натуральныя*,—хлѣбъ, вино, скотъ и т. под. А это для крестьянъ явится огромнымъ облегченіемъ. Часто уже и теперь они стремятся къ такой замѣнѣ. Но послѣдняя невозможна при господствѣ товарнаго производства. Только соціалистическое общество можетъ ее ввести и этимъ устранить главную причину разоренія крестьянскаго хозяйства.

Именно *капиталисты*, какъ это мы видѣли, фактически экспропріируютъ крестьянъ и ремесленниковъ. *Соціалистическое общество положитъ конецъ этой экспропріаціи.*

Конечно, экономическое развитіе не будетъ задержано соціализмомъ. Напротивъ, послѣдній является единственнымъ средствомъ, облегчающимъ ходъ этого развитія дальше извѣстныхъ предѣловъ. Какъ и въ современномъ обществѣ, такъ же и въ соціалистическомъ все больше и больше будетъ развиваться крупное производство, поглощая мелкое. Но и здѣсь примѣнимо то же, что мы говорили о семьѣ и бракѣ. Направленіе развитія остается тѣмъ же, но соціализмъ уничтожаетъ всѣ тѣ отвратительныя и мучительныя явленія, которыми сопровождается процессъ этого развитія въ современномъ обществѣ, и направляетъ выгоды этого развитія въ пользованіе всѣхъ.

Въ настоящее время превращеніе крестьянина или ремесленника изъ рабочаго мелкаго производства въ рабочаго крупнаго производства есть превращеніе его изъ *собственника* въ *пролетарія*. Въ

соціалистическомъ обществѣ, напротивъ, крестьянинъ или ремесленникъ, переходящій къ труду въ крупномъ коллективномъ предпріятіи, становится участникомъ всѣхъ выгодъ крупнаго производства; положеніе его значительно улучшится; переходъ его изъ мелкаго производства въ крупное уже не будетъ превращеніемъ собственника въ пролетарія, но превращеніемъ малоимущаго въ многоимущаго.

Мелкое производство безвозвратно обречено на гибель. Но только соціалъ-демократія даетъ возможность крестьянамъ и ремесленникамъ въ ихъ совокупности превратиться въ рабочихъ крупнаго производства, не падая въ то же время до положенія пролетаріата. Только въ соціалистическомъ обществѣ, ставшее неизбѣжнымъ разложеніе крестьянскаго сельскаго хозяйства и ремесла, означаетъ улучшеніе положенія крестьянъ и ремесленниковъ.

Двигательную силу экономическаго развитія будетъ представлять уже не *конкуренція*, истребляющая отсталыя предпріятія и экспропріирующая ихъ владѣльцевъ, но та *притягательная сила*, которую болѣе развитыя предпріятія и формы производства будутъ оказывать на рабочихъ отсталыхъ предпріятій и формъ производства.

Этотъ характеръ развитія не только безболѣзненъ, но и совершается гораздо быстрѣе, чѣмъ тотъ, который обусловливался конкуренціей. Въ настоящее время, когда введеніе новыхъ, высшихъ формъ производства не можетъ совершиться безъ экспропріаціи владѣльцевъ отсталыхъ предпріятій, безъ лишеній и страданій громадныхъ рабочихъ массъ, которыя становятся лишними,—каждый шагъ по пути экономическаго прогресса встрѣчаетъ упорное сопротивленіе. Мы видѣли, какъ крѣпко держатся еще нерѣдко производители за самыя отсталыя формы производства, какъ отчаянно цѣпляются за нихъ, пока есть въ нихъ еще хоть капля силы. Еще никогда ни одинъ способъ производства не былъ такъ революціоненъ, какъ современный; еще ни одинъ способъ производства не создалъ въ теченіе какого-нибудь столѣтія такихъ гигантскихъ переворотовъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности,—и тѣмъ не менѣе еще какъ много сохранилось развалинъ устарѣлыхъ, пережившихъ себя, формъ производства!

Какъ только исчезнетъ страхъ быть брошеннымъ съ потерей самостоятельнаго хозяйства въ ряды пролетаріата; какъ только выгоды общественнаго крупнаго производства дадутъ себя почувствовать всѣмъ его участникамъ въ самыхъ различныхъ областяхъ; какъ только каждому будетъ предоставлена возможность принять участіе въ этихъ выгодахъ,—одни только глупые люди будутъ тогда стремиться сохранить устарѣлыя формы производства.

Что не удалось крупной капиталистической промышленности въ теченіе столѣтія, того достигнетъ соціалистическое крупное производство въ самое короткое время,—именно поглощенія отсталыхъ мелкихъ предпріятій. Оно достигнетъ этого безъ экспропріаціи, при помощи притягательной силы болѣе выгодныхъ предпріятій.

Гдѣ крестьянское производство еще не стало производствомъ товарнымъ, но является преимущественно производствомъ для собственнаго потребленія, тамъ крестьянское сельское хозяйство, можетъ быть, еще въ теченіе нѣкотораго времени будетъ продолжаться и въ соціалистическомъ обществѣ. Но, въ концѣ концовъ, и въ этихъ кругахъ населенія поймутъ всѣ выгоды крупнаго общественнаго производства.

Переходъ отъ мелкаго производства къ крупному въ сельскомъ хозяйствѣ будетъ ускоряться и облегчаться непрерывнымъ уничтоженіемъ противоположности между городомъ и деревней, — той тенденціей къ перенесенію промышленности въ деревню, которая по необходимости окажется свойственной соціалистическому обществу. Къ сожалѣнію, мы должны ограничиться лишь этимъ указаніемъ, такъ какъ болѣе подробное изложеніе завело бы насъ слишкомъ далеко.

9. Распредѣленіе продуктовъ въ „государствѣ будущаго“.

Мы хотимъ остановиться еще на *одномъ* только пунктѣ, касающемся государства будущаго, именно на томъ, который кажется важнѣе всѣхъ.

Первый вопросъ, который обыкновенно задаетъ посторонній человѣкъ соціалисту, таковъ: «какъ вы будете производить дѣлежъ вашихъ богатствъ? Неужели каждый получитъ то же и столько же, какъ и всякій другой»?

Дѣлежъ! въ этомъ сказывается филистеръ цѣликомъ. Дѣлежомъ исчерпываются всѣ его представленія о соціализмѣ.

Не такъ давно еще самые образованные люди Германіи думали, что коммунисты хотятъ всѣ принадлежащія націи богатства раздѣлить между народомъ.

Что такой взглядъ могъ такъ упорно держаться несмотря на всѣ протесты со стороны соціалъ-демократіи, этому виною является не одна только злонамѣренность нашихъ противниковъ, но—и даже, можетъ быть, въ большей части—ихъ неспособность понять отношенія, созданныя развитіемъ крупной промышленности.

Ихъ умственный кругозоръ все еще сплошь и рядомъ не идетъ дальше тѣхъ представленій, которыя соотвѣтствуютъ мелкому производству. А съ точки зрѣнія мелкаго производства дѣлежъ является

единственной возможной формой своего рода соціализма. И дѣйствительно, понятіе дѣлежа чрезвычайно близко мелкому буржуа и крестьянину.

Со времени возникновенія товарнаго производства въ древности случалось безчисленное множество разъ, что какъ только немногіе семьи — купцы или землевладѣльцы — накопляли крупныя богатства и повергали въ нужду и зависимость отъ себя ремесленниковъ и крестьянъ,— эти послѣдніе стремились помочь себѣ путемъ изгнанія богачей и дѣлежа ихъ имущества. Всего сто лѣтъ тому назадъ, во время французской революціи, которая такъ рѣзко подчеркивала право частной собственности, ремесленники и крестьяне подѣлили между собой напр. церковныя имущества. *Дѣлежъ это—соціализмъ мелкаго производства, соціализмъ „консервативныхъ“, „охранительныхъ“ слоевъ народа,—это не соціализмъ пролетаріата крупной промышленности.*

Понадобилось долгое время, но, въ концѣ концовъ, все-же удалось вдолбить даже въ философскіе черепа нѣмецкой націи сознаніе, что соціалъ-демократы не хотятъ *дѣлить*, но стремятся какъ разъ къ обратному, — къ *соединенію* раздробленныхъ въ настоящее время между многими владѣльцами средствъ производства въ рукахъ общества.

Однако, этимъ еще не былъ устраненъ вопросъ о дѣлежѣ. Если средства производства принадлежатъ обществу, то въ его распоряженіе, естественно, поступаютъ также и продукты, добытые при помощи этихъ средствъ производства. Какимъ образомъ будетъ оно распредѣлять эти продукты между своими членами? На основаніи принципа равенства или же соотвѣтственно затраченному каждымъ труду? Въ послѣднемъ случаѣ будетъ ли каждая работа опредѣляться одинаковымъ вознагражденіемъ, — безразлично, пріятная эта работа или нѣтъ, трудная или легкая, требующая предварительныхъ знаній, или нѣтъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ кажется основнымъ пунктомъ соціализма. Не только наши противники усерднѣйшимъ образомъ постоянно выдвигаютъ его, но даже и сами прежніе соціалисты удѣляли вопросу о дѣлежѣ продуктовъ наибольшее вниманіе. Отъ Фурье до Вейтлинга и отъ Вейтлинга до Беллами протекаетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ попытокъ рѣшить этотъ вопросъ,—попытокъ, свидѣтельствующихъ нерѣдко объ удивительномъ остроуміи ихъ авторовъ. Въ «положительныхъ проектахъ» тоже нѣтъ недостатка, при чемъ изъ нихъ многіе настолько же просты, какъ и практичны.

Однако, этотъ вопросъ далеко не представляетъ такой важности, какую ему такъ часто приписываютъ.

Прежде обыкновенно распредѣленіе продуктовъ разсматривали,

какъ нѣчто вполнѣ независимое отъ производства. И, такъ какъ противорѣчія и недостатки капиталистическаго способа производства впервые выступили въ характерномъ для него способѣ распредѣленія продуктовъ, то было вполнѣ естественно, что эксплуатируемые и ихъ друзья видѣли корень всего зла въ «несправедливомъ» распредѣленіи продуктовъ.

Само собой разумѣется они предполагали,—соотвѣтственно воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ началѣ прошлаго столѣтія, — что распредѣленіе является слѣдствіемъ господствующихъ «идей», правовыхъ понятій. Слѣдовательно, чтобы устранить несправедливое распредѣленіе стоило только придумать лучшее и болѣе справедливое и убѣдить міръ въ его выгодности. Справедливое же распредѣленіе не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ противоположностью существующаго. Въ настоящее время господствуетъ самое ужасное *неравенство*; поэтому,—думали одни,—принципомъ распредѣленія должно быть *равенство.*

Въ настоящее время тунеядецъ утопаетъ въ богатствѣ, а рабочій бѣдствуетъ, поэтому, — взывали другіе: *каждому—по его работѣ* (или въ новѣйшей формѣ: *каждому — продуктъ его труда*). Но какъ та, такъ и другая формула вызывали сомнѣнія, и такимъ образомъ возникла третья: *каждому—по его потребностямъ.*

Съ тѣхъ поръ соціалисты пришли къ сознанію, что распредѣленіе продуктовъ въ обществѣ обусловливается не господствующими въ немъ правовыми воззрѣніями и формулами, но господствующимъ способомъ производства. Доля землевладѣльцевъ, капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ въ общемъ продуктѣ опредѣляется въ современномъ обществѣ тою ролью, которую въ современномъ способѣ производства играютъ земля, предметы капиталистическаго владѣнія и рабочая сила.

Конечно, въ соціалистическомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ будетъ совершаться не по слѣпо-дѣйствующимъ законамъ, которые осуществляются помимо сознанія участниковъ. Подобно тому, какъ въ настоящее время въ какомъ-нибудь крупномъ промышленномъ предпріятіи производство и уплата заработка организованы обдуманно и планомѣрно, такъ это должно будетъ происходить и въ соціалистическомъ обществѣ, являющемся ничѣмъ инымъ, какъ единымъ огромнымъ промышленнымъ предпріятіемъ. Правила, на основаніи которыхъ будетъ совершаться распредѣленіе продуктовъ, будутъ устанавливаться самими участниками. Но не отъ ихъ произвола будетъ зависѣть, какія правила они пожелаютъ установить — эти правила не могутъ быть произвольно выдуманы соотвѣтственно тому или другому «принципу», но они будутъ опредѣляться фактическими отношеніями, господствующими въ обществѣ и прежде всего отношеніями *производства.*

Такъ, напримѣръ, достигнутая высота производительности труда

будетъ имѣть наибольшее вліяніе на способъ распредѣленія продукта труда. Можно себѣ представить, что примѣненіе науки въ промышленности современемъ создастъ настолько высокую производительность труда, что люди будутъ обладать въ избыткѣ всѣхъ необходимымъ; тогда и формула: «каждому — по его потребностямъ» будетъ проведена безъ всякаго затрудненія, почти сама собой.—Напротивъ, даже самое глубокое убѣжденіе въ справедливости этой формулы не въ силахъ будетъ ее провести, если производительность труда останется настолько ничтожной, что безъ чрезмѣрной затраты труда будетъ производиться не больше, чѣмъ это безусловно необходимо.

Формула: «каждому — продуктъ его труда» во всякомъ случаѣ разобьется о потребности производства. Ибо если эта формула имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то она предполагаетъ, что весь данный продуктъ общественнаго труда распредѣляется между членами соціалистическаго общества. Это представленіе, какъ и представленіе о великомъ раздѣлѣ, который якобы долженъ явиться переходомъ къ соціалистическому порядку, вращается въ кругѣ идей, порождаемыхъ современной частной собственностью. Изъ году въ годъ дѣлить всѣ продукты, — это значило бы постепенно вновь возстановить частную собственность на средства производства.

Сущность соціалистическаго производства дѣлаетъ необходимымъ, чтобы только нѣкоторая *часть* полученныхъ въ данное время продуктовъ подлежала распредѣленію. Всѣ тѣ продукты, которые предназначены для продолженія и расширенія *производства* (равно какъ и для покрытія могущихъ случиться убытковъ), само собою разумѣется не подлежатъ распредѣленію. Точно также не подлежатъ ему и тѣ продукты, которые служатъ для *общественнаго потребленія*, т. е. для основанія, содержанія или расширенія общественныхъ учрежденій,— воспитательныхъ, учебныхъ, лечебныхъ, предназначенныхъ для отдыха, развлеченія и т. под.

Число и размѣры подобныхъ институтовъ уже и въ современномъ обществѣ постоянно возрастаютъ, и въ этой области крупное производство все болѣе вытѣсняетъ мелкое, — въ данномъ случаѣ семью. Въ соціалистическомъ обществѣ это развитіе, естественно, будетъ не тормозиться, а поощряться.

Поэтому число продуктовъ, которые могутъ перейти въ частное потребленіе,—въ частную собственность,—будетъ въ соціалистическомъ обществѣ *по отношенію ко всей массѣ продуктовъ* гораздо меньшимъ, чѣмъ въ современномъ обществѣ, гдѣ почти всѣ продукты являются товарами, т. е. частной собственностью. Распредѣляться будетъ не весь почти продуктъ, какъ въ наше время, а только нѣкоторый его остатокъ.

Однако, и этимъ остаткомъ соціалистическое общество не сможетъ

распоряжаться вполнѣ произвольно; точно также и въ его распредѣленіи руководствомъ будутъ служить потребности продолженія производства. И, такъ какъ производство будетъ испытывать постоянное развитіе и преобразованіе, то уже въ силу одного этого формы и способы распредѣленія продуктовъ въ соціалистическомъ обществѣ будутъ подвергаться разнообразнымъ измѣненіямъ.

Совершенно утопично думать, что слѣдуетъ изобрѣсти какую-то особую систему распредѣленія, которая затѣмъ служила бы руководствомъ на вѣчныя времена. Въ этой области, такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ, соціалистическое общество не сдѣлаетъ никакого скачка, а будетъ исходить изъ существующаго. Распредѣленіе имуществъ въ соціалистическомъ обществѣ, насколько можно предвидѣть, можетъ происходить только въ такихъ формахъ, которыя будутъ представлять собой дальнѣйшее развитіе существующихъ въ наше время *формъ заработной платы*. Изъ нихъ оно должно будетъ исходить. И какъ формы заработной платы измѣняются не только съ теченіемъ времени, но и въ одно и то же время являются различными для различныхъ отраслей труда и въ различныхъ мѣстностяхъ,—точно также вполнѣ возможно, что и въ соціалистическомъ обществѣ, — въ зависимости отъ различныхъ историческихъ традицій и обычаевъ, сохранившихъ свою силу среди населенія, и отъ измѣняющихся потребностей производства,—будутъ встрѣчаться другъ подлѣ друга самыя разнообразныя формы распредѣленія продуктовъ.

Соціалистическое общество слѣдуетъ представлять себѣ не въ видѣ чего-то застывшаго, или однообразнаго,—а какъ строй находящійся въ полномъ ходу развитія и одаренный тѣмъ богатствомъ измѣняющихся формъ, которое съ естественной необходимостью вытекаетъ изъ роста раздѣленія труда, мірового обмѣна и господства науки и искусства въ обществѣ.

На ряду съ «дѣлежомъ» существуетъ еще «равенство»,—которое причиняетъ головамъ нашихъ противниковъ больше всего страданій. «Соціалъ-демократы, говорятъ они, хотятъ, чтобы каждый получалъ равную долю въ общемъ продуктѣ. Слѣдовательно, прилежный будетъ получать столько же, сколько и лѣнивый; тяжелая и непріятная работа будетъ оплачиваться такъ же, какъ и легкая и пріятная; чисто-механическій трудъ—такъ же, какъ и самое искусное творчество, требующее долголѣтней подготовки, и т. д. Естественно, при такихъ условіяхъ каждый будетъ трудиться какъ можно меньше, никто не станетъ исполнять тяжелыхъ и непріятныхъ работъ, никто не пожелаетъ чему-нибудь учиться, и въ результатѣ явится полное разстройство общества,—варварство. Отсюда ясно видна вся невыполнимость соціалъ-демократическихъ стремленій».

Насколько безсмысленно это утвержденіе,—едва ли нужно по-

дробно разсматривать послѣ того, что было уже нами сказано. Мы не такъ дальнозорки, какъ наши противники, и потому никакъ не моможемъ высказаться съ такою же опредѣленностью, какъ они, установитъ ли «государство будущаго» полное равенство всѣхъ доходовъ, или нѣтъ. Но если бы соціалистическому обществу когда-нибудь пришло на мысль предписать подобное постановленіе, и это постановленіе дѣйствительно повлекло бы за собой столь отчетливо предусмотрѣнныя нашими противниками ужасныя послѣдствія,—то естественнымъ результатомъ этого было бы то, что пришлось бы выбросить за бортъ не соціалистическое производство, а... принципъ равенства.

Наши противники только тогда имѣли бы право заключать отъ равенства доходовъ къ неосуществимости соціалистическаго общества, если бы имъ удалось доказать,—1) что это равенство ни въ какомъ случаѣ несовмѣстимо съ развитіемъ производства. Этого доказательства они до сихъ поръ не представили и никогда не смогутъ представить, такъ какъ проявленіе отдѣльнаго человѣка въ производствѣ зависитъ не только отъ его вознагражденія, но и отъ различнѣйшихъ обстоятельствъ,—какъ чувство долга, честолюбіе, соревнованіе, привычка, притягательная сила труда и т. д.,—о характерѣ которыхъ въ будущемъ обществѣ мы можемъ дѣлать только предположенія, но не знаемъ ничего достовѣрнаго,—предположенія, которыя, къ слову сказать, говорятъ не *за*, а *противъ* взгляда нашихъ противниковъ; но наши противники, кромѣ того, должны были бы еще доказать, что 2) равенство доходовъ необходимо обусловливается сущностью соціалистическаго общества, такъ что подобное общество немыслимо безъ этого равенства. Но и этого доказательства имъ привести невозможно, ибо уже одинъ взглядъ на различныя формы коммунистическаго производства, существовавшія до сихъ поръ,—отъ первобытнаго коммунизма древнѣйшихъ дикарей вплоть до общины-марки и домашнихъ артелей нашихъ крестьянъ,—показываетъ, насколько разнообразныя формы распредѣленія продуктовъ совмѣстимы съ общей собственностью на средства производства. Всѣ формы современнаго вознагражденія—постоянное жалованіе, плата по времени, поштучная плата, преміи за работу, превышающую извѣстную среднюю норму, различная оплата въ различныхъ отрасляхъ дѣятельности,—всѣ эти формы вознагражденія,—конечно, соотвѣтственно преобразованныя,—совмѣстимы съ сущностью соціалистическаго общества, и каждая изъ нихъ можетъ играть отъ времени до времени въ различныхъ соціалистическихъ обществахъ большую или меньшую роль,—въ зависимости отъ различныхъ потребностей и привычекъ членовъ общества и потребностей производства.

Этимъ, однако, мы не думаемъ утверждать, что принципъ *равен-*

ства (которое не должно непремѣнно быть однообразіемъ) доходовъ или матеріальныхъ условій жизни не будетъ играть роли въ соціалистическихъ обществахъ; но онъ проявится не какъ цѣль какого-либо насильственнаго *уравниванія*, вынужденнаго вопреки требованіямъ жизни, а какъ цѣль *естественнаго развитія*, какъ *тенденція*.

Въ капиталистическомъ способѣ производства господствуетъ тенденція какъ къ увеличенію, такъ и къ уменьшенію различій въ доходахъ,—къ *увеличенію* и къ *уменьшенію неравенства*.

Внося разложеніе въ средніе слои и способствуя все большему усиленію крупныхъ капиталистовъ, этотъ способъ производства замѣтнымъ образомъ увеличиваетъ ту пропасть, которая существуетъ между *массой* населенія и ея *верхами*. Послѣдніе все выше и выше поднимаются надъ нею,—все недоступнѣе и круче. Но одновременно тенденція капиталистическаго способа производства ведетъ къ все большему и большему выравниванію существующихъ различій доходовъ внутри массы населенія. Капиталистическій способъ производства бросаетъ не только крестьянъ и мелкихъ буржуа въ ряды пролетаріата или понижаетъ ихъ доходы до пролетарскаго уровня,—но даже въ нѣдрахъ самого пролетаріата онъ все больше уничтожаетъ существующія различія. Машина все болѣе стремится къ тому, чтобы уничтожить тѣ различія въ заработкѣ разныхъ слоевъ рабочихъ, которыя создавались въ періодъ господства ремесла, а также и мануфактуры, вслѣдствіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока обученія, большаго или меньшаго предложенія рабочихъ силъ, большей или меньшей прочности организаціи и которыя при устойчивости формъ производства, существовавшихъ до введенія машинъ, превратились въ настоящія, крѣпко укоренившіяся различія. Въ настоящее время различія въ высотѣ заработной платы разнообразныхъ слоевъ рабочихъ непрерывно измѣняются и все больше уравниваются. Одновременно съ этимъ доходы лицъ, занимающихся умственнымъ трудомъ, начинаютъ также, какъ мы видѣли, становиться все больше одинаковыми съ доходами пролетаріевъ: это уравниваніе—которое наши противники клеймятъ съ величайшимъ нравственнымъ негодованіемъ, какъ цѣль соціалъ-демократіи,—совершается въ современномъ обществѣ на ихъ глазахъ!

Въ соціалистическомъ обществѣ, естественно, прекратятся всѣ тѣ тенденціи къ увеличенію неравенства, которыя вытекаютъ изъ частной собственности на средства производства. Напротивъ, тѣмъ сильнѣе получитъ свое выраженіе въ этомъ обществѣ тенденція къ уравниванію различій въ доходахъ. Однако, и здѣсь примѣнимо то, что было нами замѣчено выше, когда мы говорили о разложеніи традиціонной формы семьи, а также о гибели мелкаго производства: *тенденція* экономическаго развитія въ извѣстномъ отношеніи остается

въ соціалистическомъ обществѣ та же, что и въ капиталистическомъ, но она проявляется иначе. Въ настоящее время совершается уравниваніе доходовъ большихъ массъ населенія такимъ путемъ, что болѣе высокіе доходы *понижаются* до уровня низкихъ. Въ соціалистическомъ же обществѣ, естественно, эта тенденція будетъ осуществляться такимъ образомъ, что болѣе низкіе доходы *повысятся* и сравняются съ болѣе высокими.

Наши противники стараются застращать рабочихъ и мелкихъ буржуа, говоря, что уравниваніе доходовъ только ухудшило бы ихъ положеніе, такъ какъ общаго дохода состоятельныхъ классовъ не хватило бы, чтобы путемъ раздѣла его между бѣднѣйшими классами поднять доходы послѣднихъ,—на высоту средняго дохода рабочаго класса. Слѣдовательно, въ интересахъ «равенства», лучше обставленнымъ рабочимъ и мелкимъ буржуа пришлось бы отдать кое-что изъ своего дохода. Благодаря соціализму они потеряли бы, вмѣсто того чтобы выиграть.

Въ этомъ вѣрно лишь то, что число наиболѣе бѣдствующихъ и прежде всего пролетаріевъ-босяковъ въ настоящее время, безъ сомнѣнія, настолько велико, и ихъ нужда настолько вопіюща, что едва ли было бы достаточно раздѣлить между ними огромные доходы богачей, чтобы сдѣлать возможнымъ для нихъ такое же существованіе, какъ у болѣе зажиточнаго рабочаго. Но является ли это дѣйствительно основаніемъ, дѣлающимъ особенно необходимымъ сохраненіе нашего прекраснаго общества,—это кажется намъ, во всякомъ случаѣ, сомнительнымъ. Намъ думается, что одно *улучшеніе* бѣдственнаго положенія, которое было бы вызвано такимъ распредѣленіемъ, означало бы шагъ впередъ.

Однако, вѣдь, дѣло идетъ, какъ мы знаемъ, вовсе не о «дѣлежѣ», но объ измѣненіи *способа производства. Переходъ же отъ капиталистическаго производства къ соціалистическому безусловно долженъ вызвать быстрый ростъ массы ежегодно производимыхъ продуктовъ.*

Не забудемъ, что капиталистическое товарное производство сдѣлалось препятствіемъ экономическому развитію, препятствіемъ полному расцвѣту производительныхъ силъ современнаго общества. Оно не только не въ состояніи поглощать мелкія предпріятія въ той мѣрѣ, въ какой это позволяетъ и даже требуетъ техническое развитіе,— оно не имѣетъ больше даже возможности употребить всѣ наличныя рабочія силы. Оно растрачиваетъ эти послѣднія, вытѣсняя все большую часть ихъ въ ряды безработныхъ пролетаріевъ-босяковъ, паразитовъ, непроизводительныхъ торговыхъ посредниковъ, и откармливая другую ихъ часть въ постоянныхъ арміяхъ безъ всякой пользы для производства.

Соціалистическое общество нашло бы производительную работу для всѣхъ этихъ рабочихъ силъ; оно значительно увеличило бы число занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, можетъ быть, удвоило бы ихъ, увеличивъ въ такомъ же размѣрѣ и общее количество годичныхъ продуктовъ. Одного уже этого расширенія производства было бы достаточно, чтобы повысить доходы всѣхъ рабочихъ, а не только наиболѣе бѣдныхъ среди нихъ.

Но благодаря переходу къ соціалистическому производству, какъ уже было изложено, сильно ускорился бы процессъ поглощенія мелкихъ предпріятій и ихъ замѣны крупными, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно повысилась бы и производительность труда вообще. Стало бы возможнымъ не только увеличить доходы рабочихъ, но и сократить рабочее время.

Поэтому совершенно безсмысленно утверждать, будто бы соціализмъ означаетъ равенство нищенской сумы для всѣхъ. Это равенство является тенденціей не соціализма, а современнаго способа производства.—Переходъ къ соціалистическому производству долженъ будетъ съ естественной необходимостью принести съ собой повышеніе благосостоянія *всѣхъ трудящихся классовъ*, въ томъ числѣ крестьянъ и мелкихъ буржуа. Въ зависимости отъ тѣхъ обстоятельствъ и экономическихъ отношеній, при которыхъ совершится такой переходъ, это повышеніе будетъ большимъ или меньшимъ, но во всякомъ случаѣ *замѣтнымъ*. И всякій дальнѣйшій экономическій прогрессъ съ этого момента будетъ уже содѣйствовать *увеличенію* общаго благосостоянія, а не его *уменьшенію*, какъ это происходитъ въ наши дни.

Этотъ поворотъ въ направленіи развитія доходовъ кажется намъ еще болѣе важнымъ для благосостоянія общества, чѣмъ абсолютное увеличеніе доходовъ. Ибо мыслящій человѣкъ живетъ не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ; угрозы или обѣщанія послѣдняго занимаютъ его больше, чѣмъ наслажденіе минутой. Не *бытіе*, но *развитіе*, не *состоянія*, но *тенденціи* рѣшаютъ вопросъ о счастьи или несчастьи отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества.

Мы узнаемъ здѣсь еще одну новую сторону превосходства соціалистическаго общества надъ капиталистическимъ. Оно даетъ не только *повышеніе благосостоянія*, но и *обезпеченность существованія*,— такую обезпеченность, какой въ настоящее время не можетъ гарантировать даже величайшее богатство. Если увеличеніе благосостоянія касается только тѣхъ, которые до сихъ поръ эксплуатировались, то обезпеченіе существованія явится достойнымъ благодарности даромъ даже и для нынѣшнихъ эксплуататоровъ,—для тѣхъ, довольство которыхъ не нуждается въ повышеніи, а часто и не способно болѣе къ нему. Необезпеченность тяготѣетъ какъ надъ богатыми, такъ и надъ

бѣдными, и она, можетъ быть, еще болѣе мучительна, чѣмъ самая нужда; она заставляетъ мысленно чувствовать нужду даже тѣхъ, кто еще не испытываетъ ея; она является призракомъ, отъ котораго не избавлены даже и дворцы.

Всѣмъ изслѣдователямъ, которые знакомились съ коммунистическими общинами, напр., съ индійскими или русскими сельскими общинами (до ихъ разложенія вслѣдствіе товарнаго производства, посягательствъ со стороны государства, денежнаго хозяйства и его слѣдствія—ростовщичества), или же крестьянскими домашними артелями, сохранившимися еще и донынѣ среди южныхъ славянъ,—прежде всего бросалось въ глаза чувство спокойствія, увѣренности, душевнаго равновѣсія, свойственное всѣмъ ихъ членамъ. Совершенно независимо отъ всевозможныхъ колебаній товарнаго рынка, вполнѣ располагая своими средствами производства они удовлетворяются собственными силами, регулируютъ трудъ сообразно своимъ потребностямъ и заранѣе знаютъ, чего имъ слѣдуетъ ожидать.

И все-же далеко не полной была обезпеченность, которую давали эти первобытныя коммунистическія общества. Ихъ власть надъ природой была ничтожна, сами же общины были малы. Убытки, причиняемые падежами скота, неурожаями, наводненіями и т. под., случались нерѣдко и тогда постигали всю общину.—Насколько же будетъ обезпеченнѣе, напротивъ, соціалистическая община, обладающая размѣрами современнаго государства, имѣющаго въ своемъ распоряженіи всѣ пріобрѣтенія современной науки!

10. Соціализмъ и свобода.

Соціалистическое общество даетъ своимъ членамъ благосостояніе и обезпеченность,—это положеніе поняли и признали даже многіе изъ нашихъ противниковъ. Но, возражаютъ они, эти выгоды будутъ куплены слишкомъ дорогой цѣной, ибо онѣ будутъ оплачены полной потерей *свободы*. Птица въ клѣткѣ можетъ разсчитывать каждый день на достаточный кормъ; она обезпечена отъ голода, непогоды и враговъ. Но ей недостаетъ свободы, и потому она представляетъ достойное сожалѣнія созданіе, страстно рвущееся въ міръ опасностей и нужды, въ борьбу за существованіе.

Соціализмъ, говорятъ они, уничтожаетъ хозяйственную свободу, свободу труда. Онъ ведетъ къ такому деспотизму, передъ которымъ самый неограниченный политическій абсолютизмъ является свободнымъ состояніемъ, такъ какъ онъ держитъ въ плѣну лишь *одну сторону* человѣка, соціалистическій же деспотизмъ—*всего* человѣка.

Такъ великъ страхъ передъ рабствомъ коммунизма, что имѣются

даже соціалисты, которые имъ охвачены, именно—*анархисты*. Они питаютъ отвращеніе къ коммунизму не менѣе, чѣмъ къ товарному производству, и пытаются избѣжать опасностей того и другого тѣмъ, что... одновременно желаютъ и того и другого. Они хотятъ коммунизма съ товарнымъ производствомъ. Въ теоріи это абсурдно, на практикѣ же сводится къ уже отмѣченнымъ рабочимъ товариществамъ либеральной «самопомощи».

Когда говорятъ, что соціалистическое производство несовмѣстимо съ полной свободой труда, т. е. съ свободой рабочаго трудиться, когда, гдѣ и какъ онъ хочетъ—то это вѣрно. Но эта свобода рабочаго несовмѣстима со *всякой* планомѣрной совмѣстной работой многихъ, въ какой бы формѣ она ни выражалась,—въ формѣ капиталистической или коллективистической организаціи. Свобода труда возможна только для *мелкаго производства*, но и для него лишь до извѣстной степени. Даже тамъ, гдѣ мелкое производство свободно отъ всѣхъ ограничивающихъ предписаній,—отъ принудительнаго сѣвооборота, отъ цеховыхъ стѣсненій и т. п.—все-же отдѣльный рабочій остается въ зависимости отъ естественныхъ и общественныхъ вліяній,—крестьянинъ, напр., отъ погоды, ремесленникъ — отъ состоянія рынка и т. д. При всемъ томъ мелкое производство даетъ возможность извѣстной свободы труда, и эта свобода представляетъ его идеалъ,—самый революціонный идеалъ, на какой только способенъ мелкій буржуа, который не можетъ взглянуть дальше кругозора мелкаго производства.

Этотъ идеалъ сто лѣтъ тому назадъ, ко времени французской революціи, имѣлъ еще прочные корни въ экономическихъ отношеніяхъ. Въ настоящее время онъ потерялъ всякую опору и можетъ еще складываться въ головахъ людей, которые не видятъ происшедшаго съ тѣхъ поръ экономическаго переворота. Съ гибелью мелкаго производства неизбѣжно связана и гибель свободы труда. Не соціалъ-демократы ее уничтожаютъ, а неудержимый прогрессъ крупной промышленности. И какъ разъ тѣ, которые чаще всего говорятъ о необходимости свободы труда,—капиталисты,—больше всего содѣйствуютъ ея устраненію.

Не только для фабричнаго труда прекращается свобода, но для всякаго труда, въ которомъ отдѣльный человѣкъ дѣйствуетъ только какъ членъ одного большого цѣлаго. Ея не существуетъ для рабочаго, изготовляющаго отдѣльныя части товара въ мануфактурѣ и домашней промышленности, не существуетъ и для всѣхъ тѣхъ, *занимающихся умственнымъ трудомъ*, которые работаютъ не какъ отдѣльныя личности за свой страхъ, а какъ служащіе въ учрежденіяхъ. Госпитальный врачъ и школьный учитель, желѣзнодорожный чиновникъ и журналистъ и т. д.,—всѣ они не пользуются свободой

труда и связаны опредѣленными правилами, должны работать на опредѣленныхъ, предписанныхъ имъ, мѣстахъ, въ опредѣленное время и т. д. Но, какъ уже было замѣчено, въ области умственной дѣятельности крупное производство точно такъ же вытѣсняетъ мелкое, какъ и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности;—поэтому и для занимающихся умственнымъ трудомъ уже въ современномъ обществѣ все больше и больше сокращается свобода труда.

Конечно, рабочій при господствѣ капиталистической крупной промышленности еще обладаетъ извѣстной свободой. Если въ настоящее время ему не подходитъ работа въ какомъ-нибудь предпріятіи, то онъ имѣетъ полную свободу искать работы въ другомъ; отъ одной службы онъ можетъ перейти къ другой. Въ соціалистическомъ обществѣ всѣ средства производства сосредоточены въ *однѣхъ* рукахъ, въ немъ есть только одинъ единственный «работодатель», котораго невозможно перемѣнить.

Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи современный наемный рабочій пользуется, по сравненію съ рабочимъ соціалистическаго общества, одной лишней свободой, но ее нельзя назвать свободой труда. Какъ бы часто онъ ни переходилъ съ одной фабрики на другую, свободы труда ни на одной изъ нихъ онъ не найдетъ; повсюду функціи отдѣльнаго рабочаго точно опредѣлены и урегулированы. Это—техническая необходимость.

Свобода, потеря которой угрожаетъ рабочему при соціалистическомъ производствѣ, является, слѣдовательно, не свободой труда, а лишь свободой самому отыскивать себѣ хозяина. Эта свобода въ настоящее время далеко не лишена значенія; она представляетъ нѣкоторую защиту для рабочаго,—какъ это знаетъ всякій, кто работалъ или работаетъ въ какомъ-нибудь монопольномъ предпріятіи. Но и эта свобода становится все болѣе и болѣе сомнительной, благодаря экономическому развитію; растущая безработица приводитъ къ тому, что число освобождающихся мѣстъ гораздо меньше числа добивающихся ихъ. Безработный обыкновенно долженъ радоваться если, вообще, найдетъ какое-нибудь мѣсто. И все растущее соединеніе средствъ производства въ немногихъ рукахъ приводитъ къ тому, что, въ концѣ концовъ, рабочій въ каждомъ предпріятіи вновь находитъ того же самаго «работодателя» или по крайней мѣрѣ тѣ же самыя условія труда.

То, что наши противники объявляютъ злымъ умысломъ враждебныхъ культурѣ и свободѣ соціалъ-демократовъ, является естественно-необходимой тенденціей экономическаго развитія въ современномъ обществѣ. Это дѣйствительно какъ во многихъ другихъ областяхъ, такъ и въ этой.

Не соціалъ-демократы, а экономическое развитіе является причиной,

благодаря которой устраняется свобода выбора условій работы, такъ же какъ и свобода во время самой работы. Соціалъ-демократія не хочетъ, конечно, да и не можетъ вовсе помѣшать этому развитію; но, какъ мы уже видѣли въ другихъ областяхъ, такъ и здѣсь она придаетъ этому развитію другой, болѣе благопріятный для рабочихъ, видъ. Она не можетъ устранить зависимости рабочаго отъ всего хозяйственнаго механизма, въ которомъ онъ является лишь однимъ колесикомъ,—но на мѣсто зависимости рабочаго отъ какого-нибудь капиталиста, интересы котораго враждебны его интересамъ, она ставитъ его въ зависимость отъ общества, членомъ котораго является онъ самъ,—общества равноправныхъ товарищей, имѣющихъ *одинаковые интересы.*

Подобная зависимость можетъ показаться невыносимой какому-нибудь либеральному адвокату или литератору, но она не представляется таковой для современнаго пролетарія, какъ это показываетъ одинъ взглядъ на *профессіональное движеніе.* Профессіональные союзы даютъ намъ уже картину той «тираніи соціалистическаго принудительнаго государства», о которой мелютъ всякій вздоръ наши противники. Тамъ уже условія труда каждой личности регулируются самымъ строгимъ и точнымъ образомъ,—однако до сихъ поръ ни одному члену подобнаго общества не приходило въ голову видѣть въ этомъ невыносимое нарушеніе его личной свободы. Если кто находилъ необходимымъ защищать противъ этого «терроризма» «свободу труда»,—частью посредствомъ вооруженной силы и кровопролитія,—такъ это были не рабочіе, а ихъ эксплуататоры. Бѣдная свобода, которая нынче не находитъ уже другихъ защитниковъ, кромѣ рабовладѣльцевъ!

Но несвобода труда не только потеряетъ въ соціалистическомъ обществѣ свой характеръ угнетенія, но *она сдѣлается даже основаніемъ высшей свободы,* какая только до сихъ поръ была возможна для человѣческаго рода.

Это звучитъ нѣсколько противорѣчиво. Но это противорѣчіе только кажущееся.

До возникновенія крупной промышленности трудъ для производства и добыванія продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, короче сказать,—*промысловый трудъ* поглощалъ цѣликомъ занятыхъ имъ людей; онъ требовалъ напряженія всѣхъ силъ не только физическихъ, но и духовныхъ. Это относится не только къ охотнику и рыболову, но также и къ крестьянину, ремесленнику и купцу: жизнь производителя почти цѣликомъ уходила на его промыселъ. Именно трудъ закалялъ его мускулы и нервы, дѣлалъ его мозгъ изобрѣтательнымъ и пытливымъ. Но чѣмъ больше развивалось раздѣленіе труда, тѣмъ одностороннѣе должно было оно дѣлать произво-

дителя. Его тѣло и духъ уже не примѣняются болѣе къ различнымъ областямъ, они перестаютъ развивать всѣ свои способности. Всецѣло поглощенные частичной работой минуты, производители теряли способность понимать всю совокупность окружающихъ ихъ явленій. Гармоническое всестороннее развитіе духовныхъ и физическихъ силъ, внимательное изученіе вопросовъ взаимной связи въ обществѣ и природѣ, философское мышленіе, т.-е. исканіе высшихъ истинъ ради нихъ самихъ, могло при такихъ условіяхъ уже встрѣчаться только среди тѣхъ, которые оставались свободными отъ промысловаго труда. Это было возможно до возникновенія машиннаго производства только путемъ переложенія этого труда на другихъ, путемъ *эксплуатаціи*.

Самымъ идеальнымъ племенемъ философовъ, какое только знаетъ исторія, единственнымъ въ своемъ родѣ обществомъ мыслителей и художниковъ, служившихъ наукѣ и искусству ради нихъ самихъ, была аѳинская аристократія, рабовладѣльческіе землевладѣльцы Аѳинъ.

Трудъ,—не только рабскій трудъ, но и трудъ *свободный*,—считался у нихъ чѣмъ-то унизительнымъ, и не безъ основанія. Не было никакого высокомѣрія въ словахъ Сократа: «лавочникамъ и ремесленникамъ недостаетъ образованія уже по причинѣ одного недостатка свободнаго времени, безъ котораго невозможно хорошее воспитаніе. *Они учатся только тому, чего требуетъ ихъ дѣло*, знаніе само по себѣ не имѣетъ для нихъ никакой привлекательности. Такъ, ариѳметикой они занимаются лишь для торговли, а не для того, чтобы ознакомиться съ природой чиселъ. У нихъ нѣтъ силы стремиться къ чему-либо высшему. Промышленникъ говоритъ: радость, доставляемая славой и наукой, не имѣетъ никакой цѣнности въ сравненіи съ денежнымъ барышомъ. Пусть кузнецы, плотники и сапожники очень искусны въ своемъ дѣлѣ,—все-же они въ большинствѣ рабскія души, они не знаютъ, что такое красота, добро, справедливость».

Съ тѣхъ поръ экономическое развитіе шагнуло впередъ, раздѣленіе труда достигло неимовѣрной высоты, а преобладаніе товарнаго производства ввело эксплуататоровъ и образованныхъ людей въ кругъ промышленниковъ. Подобно ремесленникамъ и крестьянамъ, въ настоящее время даже и богатые люди цѣликомъ уходятъ въ свою промышленную дѣятельность. Не въ гимназіяхъ и академіяхъ собираются уже они, но на биржахъ и рынкахъ; спекуляціи, въ которыя они погружены, касаются уже не понятій объ истинѣ и справедливости, но шерсти и водки, русскихъ займовъ и португальскихъ купоновъ. Ихъ естественныя силы исчерпываются въ этихъ спекуляціяхъ. Послѣ совершонной «работы» у нихъ хватаетъ силъ и интереса лишь для самыхъ пошлыхъ удовольствій.

Для образованныхъ же людей образованіе стало, какъ это мы видѣли, товаромъ, у нихъ также нѣтъ времени и побужденія къ безкорыстному исканію истины и стремленію къ идеалу. Каждый зарывается въ свою спеціальность и считаетъ для себя потерянной всякую минуту, потраченную на изученіе чего-нибудь такого, изъ чего онъ не можетъ извлечь выгоды. Отсюда стремленіе нашего времени изгнать изъ среднихъ учебныхъ заведеній латинскій и греческій языки. Противъ нихъ тутъ меньше говорятъ педагогическія соображенія, чѣмъ стремленіе заставить молодежь учиться только тому, что имъ можетъ когда-либо «понадобиться», т.-е. можетъ быть превращено въ деньги.

Даже у людей науки и искусства утрачивается всякая мысль о цѣломъ, всякое стремленіе къ всестороннему, гармоническому развитію. Всюду только односторонняя спеціализація. Наука и искусство падаютъ до ремесла. Къ нимъ также вполнѣ относится то, что Сократъ говорилъ о занятіяхъ ремесленниковъ. Философская мысль вымираетъ—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ упомянутыхъ классовъ.

Между тѣмъ, возникъ новый видъ труда,—*трудъ при машинѣ*,—й новый классъ—*пролетаріатъ*.

Машина лишаетъ трудъ всякаго духовнаго содержанія. Рабочему при машинѣ не нужно больше думать, соображать,—его дѣло только пассивно подчиняться машинѣ. Она предписываетъ ему, что дѣлать,—онъ становится ея придаткомъ.

Сказанное о трудѣ при машинѣ, относится также, хотя обыкновенно и въ меньшей степени, и къ труду въ мануфактурѣ и домашней промышленности. Разложеніе труда ремесленника, создающаго нѣчто цѣлое, на рядъ детальныхъ работъ,—изъ которыхъ каждая, при помощи одного или нѣсколькихъ вполнѣ простыхъ пріемовъ, даетъ лишь часть цѣлаго продукта,—представляетъ, какъ извѣстно, подготовительную ступень, введеніе къ машинному производству.

Первымъ слѣдствіемъ, которое влечетъ за собой однообразіе и отсутствіе работы мысли для пролетаріата, является кажущееся умерщвленіе его духа.

Однако, ближайшимъ результатомъ является то, что въ немъ пробуждается чувство возмущенія противъ чрезмѣрной продолжительности труда. Работать для него уже не значитъ того же, что жить. Для него жизнь начинается только тогда, когда работа пришла къ концу. Для рабочаго, у котораго работа и жизнь составляютъ одно, *свобода труда* можетъ отождествляться съ *свободой жизни*. Но рабочій который живетъ лишь, когда не работаетъ, можетъ достигнуть *свободной жизни* только путемъ *освобожденія отъ труда*. Естественно, что стремленіе послѣдней категоріи рабочихъ не можетъ простираться до того, чтобы освободиться отъ всякаго труда. Вѣдь,

трудъ есть предварительное условіе жизни.—Но ихъ стремленіе должно быть съ естественной необходимостью направлено къ такому ограниченію возложенной па нихъ работы, чтобы она давала имъ время для жизни.

Въ этомъ лежитъ глубочайшій корень борьбы современныхъ пролетаріевъ за сокращеніе рабочаго времени,—борьбы, передъ которой крестьяне и ремесленники стараго закала стоятъ въ недоумѣніи. Это не борьба за мелкія экономическія выгоды, за повышеніе платы, за уменьшеніе числа безработныхъ; эти цѣли играютъ также свою роль, но въ основѣ своей это—*борьба за жизнь*.

Между тѣмъ, изъ того факта, что благодаря машинѣ трудъ лишился своего духовнаго содержанія, вытекаетъ еще одно дальнѣйшее слѣдствіе: духовныя силы пролетаріата не исчерпываются, подобно силамъ другихъ производителей, промышленной дѣятельностью; во время ея онѣ остаются нетронутыми. Тѣмъ сильнѣе стремленіе пролетаріевъ къ проявленію своей духовной дѣятельности внѣ работы, если она даетъ хоть сколько-нибудь мѣста для этого. Однимъ изъ характерныхъ явленій современнаго общества является *жажда знанія пролетаріата*. Въ то время, какъ всѣ другіе классы стараются возможно безсмысленнѣе убить свой досугъ — пролетаріатъ поистинѣ съ жадностью стремится къ образованію. Только тотъ, кому случалось работать среди пролетаріевъ, можетъ вполнѣ оцѣнить силу этого стремленія къ знанію и просвѣщенію. Но ее можетъ уловить даже и посторонній, если онъ сравнитъ газеты, журналы и брошюры рабочихъ съ излюбленной литературой другихъ круговъ общества.

И это стремленіе къ знанію вполнѣ безкорыстно. Рабочему при машинѣ знаніе не можетъ помочь повысить его доходы. Если онъ ищетъ истины, то ищетъ ее ради ея самой, не ради какой-либо матеріальной выгоды. Поэтому онъ не ограничивается также какой-нибудь отдѣльной узкой областью; его взоръ обращенъ къ цѣлому; все общество, весь міръ хочетъ онъ понять. Труднѣйшія загадки привлекаютъ его больше всего, съ особеннымъ предпочтеніемъ онъ обращается къ вопросамъ философіи, метафизики, часто трудно бываетъ вновь свести его съ облаковъ на землю.

Не *обладаніе* знаніемъ, но *стремленіе* къ знанію вырабатываетъ философа. И какъ разъ въ презрѣнныхъ невѣжественныхъ пролетаріяхъ снова возрождается философскій духъ блестящихъ мыслителей аѳинской аристократіи. Но свободный расцвѣтъ этого духа невозможенъ въ современномъ обществѣ. Вѣдь пролетаріи не имѣютъ средствъ, чтобы учиться, не имѣютъ руководства для систематическихъ занятій, они предоставлены всѣмъ случайностямъ и трудностямъ лишеннаго планомѣрности самообразованія, а прежде всего они не имѣютъ достаточнаго досуга! Наука и искусство остаются для нихъ

обѣтованной землей, на которую они смотрятъ издалека, изъ-за обладанія которой они борятся, но въ которую они не могутъ вступить.

Только побѣда соціализма откроетъ пролетаріату всѣ источники образованія; только побѣда соціализма дастъ возможность сократить время труда для добыванія средствъ къ жизни настолько, что рабочему данъ будетъ досугъ, необходимый для пріобрѣтенія достаточныхъ знаній. Капиталистическій способъ производства пробуждаетъ жажду знанія въ пролетаріатѣ,—соціалистическій способъ производства одинъ можетъ ее утолить.

Не свобода труда, но *освобожденіе отъ труда*, которое сдѣлаетъ возможнымъ въ широкихъ размѣрахъ машинное производство въ соціалистическомъ обществѣ, принесетъ человѣчеству *свободу жизни*, *свободу художественной и научной дѣятельности*, *свободу благороднѣйшихъ наслажденій*.

То счастливое гармоническое образованіе, которое до сихъ поръ явилось только однажды въ мировой исторіи, какъ привилегія небольшой кучки избранныхъ аристократовъ, станетъ общимъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; что для первыхъ дѣлали рабы, то для послѣднихъ сдѣлаютъ машины; они всецѣло почувствуютъ возвышающее вліяніе освобожденія отъ промышленнаго труда, но уже безъ тѣхъ его унижающихъ сторонъ, благодаря которымъ рабовладѣльческое хозяйство, въ концѣ концовъ, обезсилило аѳинскихъ аристократовъ. И подобно тому, какъ современныя средства науки и искусства далеко превзошли тѣ, которыя были извѣстны двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, подобно тому, какъ современный культурный міръ далеко превысилъ маленькую Грецію,—и соціалистическое общество превзойдетъ нравственнымъ величіемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ самое блестящее общество, какое только знаетъ до сихъ поръ исторія.

Счастливъ тотъ, кому суждено отдать свои силы въ борьбѣ за осуществленіе этого прекраснаго идеала!

V. Классовая борьба.

1. Соціализмъ и имущіе классы.

Послѣдніе абзацы общей части программы германской соціалъ-демократической партіи гласятъ:

„Этотъ общественный переворотъ означаетъ освобожденіе не только пролетаріата, но и всего человѣчества, страждущаго при нынѣшнемъ строѣ. Но онъ можетъ быть дѣломъ только рабочаго класса, потому что всѣ другіе классы, несмотря на все различіе ихъ интересовъ, стоятъ на почвѣ частной собственности на средства производства и ставятъ своею общею цѣлью сохраненіе основъ современнаго общества.

„Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи по необходимости является политической борьбой. Безъ политическихъ правъ рабочій классъ не можетъ вести своей экономической борьбы и развивать своихъ экономическихъ организацій. Онъ не можетъ способствовать переходу средствъ производства въ собственность всего общества, не овладѣвъ политической властью.

„Сдѣлать эту борьбу рабочаго класса сознательной, придать ей единство и указать ея естественно-необходимую цѣль—такова задача соціалъ-демократической партіи.

„Интересы рабочаго класса одинаковы во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства. По мѣрѣ развитія міровыхъ сношеній и производства для мірового рынка положеніе рабочихъ каждой страны становится въ все большую зависимость отъ положенія рабочихъ въ другихъ странахъ. Слѣдовательно, освобожденіе рабочаго класса есть дѣло, въ которомъ одинаково участвуютъ рабочіе всѣхъ культурныхъ странъ. Сознавая это, соціалъ-демократическая партія Германіи чувствуетъ и признаетъ единство своихъ интересовъ съ интересами сознательныхъ рабочихъ всѣхъ остальныхъ странъ.

„Итакъ, соціалъ-демократическая партія Германіи борется не за новыя классовыя привилегіи и преимущества, а за уничтоженіе классового господства и самихъ классовъ, за равныя права и равныя обязанности всѣхъ безъ различія пола и происхожденія. Исходя изъ такихъ воззрѣній, она борется въ современномъ обществѣ не только противъ эксплуатаціи и угнетенія наемныхъ рабочихъ, но и противъ всякаго рода эксплуатаціи и угнетенія, будетъ ли оно направлено противъ отдѣльнаго класса, партіи, пола или расы.

Вступительныя слова перваго абзаца едва-ли нуждаются въ поясненіи. Нами уже обстоятельно было доказано, что вытѣсненіе капиталистическаго производства соціалистическимъ отвѣчаетъ не только интересамъ неимущихъ и эксплуатируемыхъ, но также и интересамъ всего общественнаго развитія, а слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ, даже интересамъ имущихъ и эксплуататоровъ. Вѣдь и они тоже страдаютъ отъ тѣхъ противорѣчій, которыя несетъ съ собою современный способъ производства. Одни изъ нихъ гибнутъ отъ бездѣлія, другіе растрачиваютъ свои силы въ неустанной погонѣ за прибылью, и надо всѣми ими постоянно виситъ дамокловъ мечъ банкротства, паденія въ ряды пролетаріата.

Но несомнѣнно, что огромное большинство имущихъ и эксплуатирующихъ не только относится съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ къ соціализму, но и противится ему съ самой ожесточенной враждебностью.

Является ли причиной этого недостатокъ знанія, сознательнаго отношенія? Но среди противниковъ соціализма главными лидерами являются какъ разъ тѣ, которые уже по одному своему положенію въ государствѣ, въ обществѣ, въ наукѣ скорѣе всего должны были бы понять общественныя отношенія и направленіе общественнаго развитія.

Отношенія же въ современномъ обществѣ настолько вопіющи, что ни одинъ человѣкъ, съ мнѣніемъ котораго стоитъ считаться въ политикѣ или наукѣ, не рѣшится болѣе отрицать справедливость соціалистической критики. Напротивъ, наиболѣе просвѣщенныя головы среди всѣхъ несоціалистическихъ партій признаютъ, что она заключаетъ въ себѣ «зерно истины», а нѣкоторыя изъ нихъ считаютъ побѣду соціализма даже неизбѣжной,—правда—неизбѣжной лишь при томъ условіи, если общество сразу не измѣнится и не улучшится, а послѣднее, по ихъ мнѣнію, можетъ произойти по желанію и съ большой легкостью, если только поспѣшить съ осуществленіемъ программъ той или иной изъ этихъ партій.

Подобнымъ образомъ, при помощи логическаго скачка, въ самый рѣшительный моментъ уклоняются отъ необходимости сдѣлать выводы изъ соціалистической критики даже тѣ изъ представителей несоціалистическихъ партій, которые лучше всего поняли эту критику.

Причину этого страннаго явленія понять не трудно. Если извѣстные и при томъ весьма существенные интересы самихъ собственниковъ говорятъ противъ частной собственности на средства производства, то ихъ другіе интересы, гораздо болѣе близкіе и понятные, требуютъ сохраненія частной собственности.

Прежде всего это относится, конечно, къ *богачамъ*. Непосредственно они не получаютъ никакихъ выгодъ отъ уничтоженія частной собственности на средства производства. Конечно, въ результатѣ

этого явятся для всего общества благотворныя послѣдствія, которыя и для нихъ будутъ полезны, но все это можетъ произойти лишь въ сравнительно далекомъ будущемъ. Напротивъ, тѣ невыгоды, которыя принесетъ имъ уничтоженіе этой частной собственности, заранѣе ясны; имъ безусловно придется лишиться своей власти и почета, а нѣкоторымъ изъ нихъ, быть можетъ, придется поступиться и своимъ комфортомъ и удобствами—въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершится соціальная революція.

Иначе обстоитъ дѣло для низшихъ слоевъ имущихъ классовъ, для тѣхъ изъ нихъ, которые сами эксплуатируются, — для мелкихъ ремесленниковъ, крестьянъ и т. д. Въ смыслѣ власти и почета имъ нечего терять, что же касается жизненнаго комфорта, то отъ введенія и развитія соціалистическаго способа производства они могутъ только выиграть. Но для того, чтобы это понять, они должны подняться за предѣлы кругозора тѣхъ классовъ, къ которымъ они принадлежатъ. Съ точки зрѣнія ограниченнаго мелкаго буржуа или мелкаго крестьянина непонятенъ даже и капиталистическій способъ производства, дѣйствія котораго они испытываютъ на своей собственной шкурѣ, а еще болѣе непонятнымъ является для нихъ современный соціализмъ. Напротивъ, что дѣйствительно для нихъ ясно, какъ день, такъ это—необходимость частной собственности на средства производства для ихъ хозяйства.

До тѣхъ поръ, пока ремесленникъ чувствуетъ себя ремесленникомъ, крестьянинъ—крестьяниномъ, мелкій торговецъ—мелкимъ торговцемъ, до тѣхъ поръ, пока сильно ихъ классовое самосознаніе,—они должны крѣпко держаться за частную собственность на средства производства и,—какъ бы плохо имъ ни жилось, — оставаться недоступными для соціализма.

Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ мы видѣли, до какой степени сильно частная собственность на средства производства приковываетъ мелкихъ буржуа и крестьянъ къ ихъ отсталому хозяйству, даже если оно больше не въ состояніи обезпечить для нихъ сколько нибудь сносное существованіе, даже если бы переходъ къ наемному труду обезпечивалъ имъ лучшее положеніе.

Такимъ образомъ, частная собственность является силой, приковывающей всѣ имущіе классы къ современному способу производства, и даже тѣ классы, которые сами подвергаются эксплуатаціи,—даже тѣ, имущество которыхъ представляетъ лишь жалкую карикатуру на «собственность».

Только тѣ изъ мелкихъ буржуа и крестьянъ, которые отчаялись въ дальнѣйшемъ существованіи своего класса, которые не могутъ больше сомнѣваться въ томъ, что тѣ формы производства, на которыхъ покоится ихъ существованіе, обречены на гибель,—только они

въ состояніи понять ученіе соціализма. Но невѣжество и узость кругозора, являющіяся естественнымъ слѣдствіемъ ихъ условій жизни, сильно мѣшаютъ придти къ неизбѣжному сознанію полной безнадежности ихъ классового положенія. Ихъ нищета, ихъ судорожныя поиски такого средства, которое могло бы ихъ спасти отъ нея, приводили до сихъ поръ лишь къ тому, что они дѣлались легкой добычей любого демагога, обнаруживавшаго достаточную самоувѣренность и не скупившагося на самыя блестящія обѣщанія.

Стоящіе выше слои имущихъ—болѣе образованы, ихъ взгляды на вещи шире. У многихъ образованныхъ людей также сохранился еще остатокъ стараго идеализма, изъ эпохи революціонной борьбы стремящейся къ господству буржуазіи, — изъ эпохи просвѣщенія. Но горе тому буржуа, который поддастся соблазну—усвоитъ идеи соціализма и станетъ проводить ихъ на дѣлѣ! Ему вскорѣ предстанетъ выборъ: либо отказаться отъ своихъ взглядовъ, либо порвать всѣ связи въ обществѣ, которыя до сихъ поръ являлись для него не только оковами, но и поддержкой. Лишь немногіе обладаютъ достаточнымъ мужествомъ и самостоятельностью, чтобы идти такъ далеко,—и лишь незначительная часть этихъ немногихъ имѣетъ силу, дойдя до этого, рѣшительно порвать со своимъ классомъ. Но даже среди этихъ немногихъ изъ немногихъ большинство до сихъ поръ обыкновенно очень быстро утомлялось: оно сознавало свои «юношескія увлеченія» и становилось «благоразумнымъ».

Среди представителей высшей буржуазіи только буржуазные *идеалисты* способны сдѣлаться послѣдователями соціализма. Но для огромнаго большинства идеалистовъ, достигнувшихъ болѣе глубокаго пониманія общественныхъ отношеній и вытекающихъ отсюда задачъ, это пониманіе является лишь поводомъ исчерпать себя въ безплодныхъ поискахъ такъ называемаго «мирнаго» разрѣшенія «соціальнаго вопроса», такого разрѣшенія, которое примирило бы требованія ихъ болѣе или менѣе соціалистическаго знанія и сознанія съ классовыми интересами буржуазіи,—а это такъ же невозможно, какъ невозможно существованіе мокраго огня или горящей воды.

Только тѣ буржуазные идеалисты, которые не только усвоили необходимое теоретическое пониманіе, но порвали по крайней мѣрѣ внутренно съ буржуазіей, и имѣютъ мужество и силу разорвать и внѣшнюю связь съ нею,—только они въ состояніи стать истинными соціалистами.

Итакъ, дѣлу соціализма ожидать многаго отъ имущихъ классовъ не приходится. Отдѣльныхъ членовъ этихъ классовъ соціализмъ можетъ привлечь на свою сторону, но лишь тѣхъ изъ нихъ, кто по своему сознанію уже не принадлежитъ къ тому классу, съ которымъ связанъ своимъ экономическимъ положеніемъ. Они всегда будутъ составлять

ничтожное меньшинство—за исключеніемъ революціоннаго періода, когда чашка вѣсовъ начнетъ склоняться въ сторону соціализма. Тогда, дѣйствительно, можетъ начаться отчаянное бѣгство въ рядахъ имущихъ классовъ.

Но до сихъ поръ единственной богатой почвой для вербовки соціалистической арміи были не тѣ классы, которымъ есть еще что терять, хотя бы и очень немного, а тѣ, которымъ «нечего терять кромѣ своихъ цѣпей», но которые «пріобрѣсти могутъ цѣлый міръ».

2. Челядь и прислуга.

Однако, далеко не всѣ слои неимущихъ представляютъ благодарную среду для вербовки соціалъ-демократовъ.

Мы не можемъ, конечно, останавливаться здѣсь на естественной исторіи пролетаріата; самое важное было нами уже сказано во II-ой главѣ, гдѣ говорилось о роли пролетаріата въ современномъ способѣ производства. Здѣсь же мы сдѣлаемъ еще нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія, необходимыя для выясненія той роли, которую играютъ различные слои пролетаріата въ экономической и политической борьбѣ нашего времени.

Мы уже знаемъ, что несмотря на всю лживость излюбленнаго изреченія филистеровъ, будто всегда были бѣдные,—приходится всетаки признать, что бѣдность такъ же стара, какъ и товарное производство. Правда, въ прежнее время она представляла обыкновенно лишь единичное явленіе. Въ средніе вѣка, напримѣръ, число людей, не обладавшихъ необходимыми для самостоятельнаго хозяйства средствами производства, было ничтожно. Но и изъ этого ничтожнаго числа неимущихъ большинству легко удавалось пристроиться въ какой-нибудь зажиточной семьѣ въ качествѣ помощниковъ, батраковъ, подмастерьевъ, прислуги; по большей части это были молодые люди, не лишенные надежды со временемъ завести свое предпріятіе и зажить своимъ хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ имъ приходилось работать вмѣстѣ съ главой семьи или его женой и вмѣстѣ съ ними дѣлить плоды своихъ трудовъ. Въ качествѣ членовъ зажиточной семьи они вовсе не были пролетаріями; они чувствовали себя тѣсно связанными съ имущественнымъ положеніемъ семьи, удачи и неудачи которой касались также и ихъ. Это явленіе можно наблюдать еще и до сихъ поръ въ тѣхъ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились подобныя патріархальныя отношенія. Тамъ, гдѣ челядь входитъ еще въ составъ семьи своего хозяина, тамъ она защищаетъ собственность, хотя сама и лишена ея,—тамъ нѣтъ почвы для соціализма.

Въ такомъ же положеніи находились и ремесленные подмастерья (см. главу II, 1.).

На ряду съ батраками и подмастерьями возникъ особый классъ *прислуги*. Часть неимущихъ устраивалась въ семьяхъ крупныхъ *эксплуататоровъ*, которыми въ средніе вѣка и въ началѣ новыхъ являлись, главнымъ образомъ, дворяне и князья, высшее духовенство и купцы. Они поступали къ этимъ послѣднимъ на службу не для того, чтобы помогать въ работѣ, а лишь для того, чтобы охранять ихъ и служить ихъ роскоши въ качествѣ наемныхъ солдатъ и лакеевъ. Тутъ уже не было патріархальныхъ отношеній—совмѣстнаго труда и общаго стола,—а потому не было и вытекавшей изъ такихъ отношеній солидарности между господами и слугами. Однако, между ними развилась солидарность другого рода. Тамъ, гдѣ существуетъ большой штатъ прислуги, въ ея средѣ устанавливаются *различія въ положеніи*. При такихъ условіяхъ каждый можетъ расчитывать на повышеніе, прибавку жалованія, увеличеніе власти, вліянія, почета. Все это зависитъ исключительно отъ барской прихоти. Чѣмъ лучше слуга приспособляется къ ней и подчиняется ей, чѣмъ болѣе выдѣляется онъ среди другихъ слугъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ лучшая карьера предстоитъ ему. Отсюда понятно, что слуга чувствуетъ себя солидарнымъ съ своимъ господиномъ, напротивъ въ своихъ товарищахъ видитъ своихъ тайныхъ враговъ. Но между слугой и господиномъ образуется еще и другого рода солидарность. Чѣмъ выше доходы, власть и почетъ господина, тѣмъ больше перепадаетъ отъ всего этого и на долю слуги. Въ особенности это можно сказать о прислугѣ, которую держатъ исключительно ради роскоши, «для представительства», задача которой быть показателемъ того, какъ много лишнихъ денегъ у ея господина, и помогать ему возможно быстро и пріятно спустить ихъ, безстрашно и «вѣрно» служа всѣмъ его глупостямъ и порокамъ. Поэтому слуга чувствуетъ себя, по отношенію къ эксплуатируемымъ и угнетеннымъ, солидарнымъ съ эксплуататоромъ и угнетателемъ и даже относится къ нимъ нерѣдко еще безпощаднѣе самого господина. Вѣдь послѣдній, если у него есть хоть капля здраваго смысла, не станетъ рѣзать курицу, несущую ему золотыя яйца; ему выгодно сохранить ее не только для себя, но и для своихъ потомковъ. Для слуги же эти соображенія отсутствуютъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ ни къ кому не питаетъ такой ненависти, какъ къ прислугѣ; ея раболѣпство передъ высшими и грубость по отношенію къ низшимъ вошли въ пословицу. Подъ «лакейской душой» понимаютъ совокупность самыхъ подлыхъ качествъ.

Конечно, это вліяніе на характеръ прислуги обнаруживается не

только на неимущихъ изъ низшихъ сословій, но на неимущихъ или малоимущихъ изъ высшихъ сословій, напр., на обѣднѣвшихъ дворянахъ, которые ищутъ своего счастья при княжескихъ дворахъ въ качествѣ придворныхъ,—этихъ слугъ высшаго разряда *).

Впрочемъ, здѣсь мы имѣемъ въ виду лишь низшіе разряды прислуги и, какъ это ни заманчиво, должны отказаться отъ дальнѣйшаго сравненія съ прислугою изъ дворянъ—это сравненіе, впрочемъ, совершенно ясно и его не трудно провести до конца. Для насъ было важно прослѣдить, почему прислуга, несмотря на свою принадлежность къ классу неимущихъ, не представляетъ благопріятной почвы для соціалистической вербовки. Прислуга является скорѣе оплотомъ современнаго общества.

Ростъ эксплуатаціи, увеличеніе массы ежегодно создаваемой прибавочной стоимости и являющееся слѣдствіемъ этого увеличеніе роскоши представляетъ благопріятную почву для возрастанія количества прислуги. Но къ счастью для общественнаго развитія военная разновидность прислуги—*наемная солдатчина*—сильно сократила свои размѣры со времени переворота въ военномъ дѣлѣ, начатаго французской революціей, со времени замѣны наемнаго войска арміей, образуемой путемъ всеобщей воинской повинности. Конечно, полное исчезновеніе наемной солдатчины еще не достигнуто, и ея пережиткамъ, сохранившимся въ современныхъ арміяхъ, мы въ сильнѣйшей степени обязаны тѣмъ, что до сихъ поръ «вооруженный народъ» почти всегда оказывается далеко не демократическимъ учрежденіемъ.

Однако, несмотря на постоянное увеличеніе роскоши, ростъ прислуги въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ и вообще всякаго рода челяди, наталкивается на сильное препятствіе: на разложеніе отжившихъ семейныхъ формъ и раздѣленіе труда, все больше и больше превращающее различныя домашнія работы и личныя услуги въ спеціальныя, самостоятельныя профессіи—парикмахеровъ, лакеевъ, извозчиковъ, посыльныхъ и т. д. Правда, эти обособившіяся отъ обязанностей прислуги профессіи, еще долго сохраняютъ на себѣ черты своего происхожденія, но постепенно и онѣ пріобрѣтаютъ свойства и взгляды промышленнаго наемнаго рабочаго класса.

---

*) Насколько близки другъ къ другу слуга и придворный, показываетъ намъ забавнымъ образомъ Лесажъ въ своемъ романѣ „Жиль-Блазъ“,—этой классической естественной исторіи прислуги. Съ другой стороны слуга довольно близокъ къ босяцкому пролетаріату. Жиль Блазъ, нисколько не мѣняя своей природы, возвышается изъ самаго низшаго положенія слуги и босяка до степени секретаря и любимца перваго министра при испанскомъ дворѣ.

3. Босяцкій пролетаріатъ.

Какъ ни велико было число прислуги, предназначенной для хозяйства или для роскоши, какъ ни велико было число подмастерьевъ и наемныхъ солдатъ,—все же эти профессіи не могли обыкновенно поглотить всѣхъ неимущихъ. *Неспособные къ труду* неимущіе,—дѣти, старики, больные, калѣки,—не могли, конечно, поддерживать свое существованіе ни одной изъ этихъ профессій. Въ началѣ новаго времени къ нимъ присоединилось, какъ мы видѣли, такое количество ищущихъ работы,—главнымъ образомъ согнанныхъ съ своей земли или бѣжавшихъ отъ ужаснаго обращенія крестьянъ,—что масса людей, способныхъ къ труду, попадала въ одинаковое положеніе съ неспособными. Имъ не оставалось ничего другого, какъ просить милостыню, воровать, либо продавать себя. Имъ приходилось выбирать между голодной смертью или же полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ господствующимъ понятіямъ о стыдѣ, чести, достоинствѣ. Они могли влачить свое существованіе лишь при томъ условіи, если ставили заботу объ удовлетвореніи ближайшихъ личныхъ потребностей выше заботы о своемъ добромъ имени. Понятно, что подобное состояніе должно было дѣйствовать въ высшей степени растлѣвающимъ, развращающимъ образомъ.

Это развращающее вліяніе увеличивалось и увеличивается еще тѣмъ, что безработные бѣдняки въ высшей степени обременительны для общества, что они не только не нужны обществу, а, наоборотъ, устраненіе ихъ сняло бы съ него это нежелательное бремя. Но всякій классъ, который становится лишнимъ, у котораго нѣтъ никакихъ обязательныхъ функцій въ обществѣ, неминуемо долженъ опуститься; это одинаково относится какъ къ высшимъ, такъ и къ низшимъ классамъ.

Нищіе же не могутъ даже путемъ самообмана увѣрить себя, что они нужны; у нихъ нѣтъ даже никакихъ воспоминаній о такомъ времени, когда ихъ классъ оказывалъ обществу какую-нибудь услугу; они не могутъ также и силой навязывать обществу свой паразитизмъ. Ихъ только терпятъ, вотъ почему смиреніе—главная обязанность нищаго: оно считается высшей добродѣтелью бѣдняка. Подобно слугамъ и этого вида пролетаріи пресмыкаются предъ властъ имущими; они не представляютъ никакой оппозиціи существующему общественному строю. Напротивъ,—они живутъ крохами, падающими со стола богатыхъ: какъ же могутъ они послѣ этого желать исчезновенія богатыхъ! Сами они эксплуатаціи не подвергаются; но чѣмъ сильнѣе степень эксплуатаціи рабочаго, чѣмъ выше до-

ходы богача, тѣмъ щедрѣе послѣдній, тѣмъ больше нищій можетъ надѣяться получить съ него. Они принимаютъ участіе въ эксплуатаціи, подобно слугамъ,—что же можетъ заставить ихъ бороться противъ эксплуатаціи? Въ Германіи въ началѣ реформаціи, когда католическая церковь пользовалась ненавистью всѣхъ классовъ, потому что всѣхъ ихъ она эксплуатировала, этого рода пролетаріи оставались ей вѣрными, потому что они получали отъ нея болѣе щедрую милостыню, чѣмъ отъ скупыхъ горожанъ или разоренныхъ крестьянъ.

Этотъ разрядъ пролетаріата—*босяцкій пролетаріатъ* еще никогда не выступалъ по собственному побужденію противъ эксплуатаціи. Но, конечно, онъ не былъ также и ея оплотомъ, подобно разновидности слугъ—наемному войску. Трусливый, безпринципный, онъ безъ колебаній покидаетъ тѣхъ, отъ кого получалъ милостыню, какъ только они утрачиваютъ свою власть и богатство. Онъ никогда не стоялъ во главѣ революціоннаго движенія, но во всѣхъ смутахъ никогда не упускалъ случая ловить рыбу въ мутной водѣ. Иногда онъ помогалъ нанести послѣдній ударъ гибнущему господствующему классу. Обыкновенно же въ революціи онъ ограничивался тѣмъ, что эксплуатировалъ и компрометировалъ ее, а затѣмъ измѣнялъ ей при первомъ же удобномъ случаѣ.

Капиталистическій способъ производства сильно увеличилъ размѣры босяцкаго пролетаріата, онъ все больше и больше пополняетъ его ряды; особенно въ большихъ городахъ босяцкій пролетаріатъ образуетъ значительную часть населенія.

По своему характеру и взглядамъ очень близко стоитъ къ нему та часть мелкаго крестьянства и мелкой буржуазіи, которая доведена до крайней степени нищеты, потеряла всякую вѣру въ свои силы и пытается еще кое-какъ держаться на поверхности благодаря подачкамъ, удѣляемымъ высшими классами.

4. Зачатки наемнаго пролетаріата.

Изъ этихъ то слоевъ и черпало съ большою охотой свою рабочую силу зародившееся капиталистическое производство, именно *крупная промышленность*. Для нея требуются не столько *обученные*, сколько *терпѣливые, не способные къ сопротивленію* рабочіе, пассивно превращающіеся въ составную часть огромнаго механизма современной фабрики, который можетъ правильно функціонировать лишь тогда, когда каждое изъ его безчисленныхъ колесиковъ точно и непрерывно исполняетъ установленныя для него движенія. А такъ какъ главная масса рабочихъ для возникавшей капиталистической крупной промышленности доставлялась слоями рабочаго класса, наиболѣе близко

стоящими къ босяцкому пролетаріату, а отчасти и самимъ пролетаріатомъ босяковъ, то и обращеніе, съ которымъ мирились эти слои, стало образцомъ того обращенія, которое капиталисты хотѣли бы ввести по отношенію къ своимъ рабочимъ вообще. Трудъ же, облагораживающее вліяніе котораго такъ охотно расписываютъ буржуазные экономисты и моралисты, сталъ для пролетаріевъ прежде всего источникомъ дальнѣйшаго ихъ униженія, а не возвышенія. Неспособность рабочихъ къ сопротивленію давала возможность капиталистамъ увеличивать до крайнихъ предѣловъ продолжительность рабочаго времени. Насколько сильны побуждающія къ этому причины въ капиталистической крупной промышленности, это мы уже имѣли случай разсмотрѣть во II главѣ. Времени для личной жизни, для образованія, капиталъ не дастъ пролетарію, если его не заставить. Тамъ, гдѣ капиталъ не встрѣчаетъ никакихъ границъ, онъ доводитъ трудъ до полнаго истощенія рабочаго. Если между работой и сномъ у него остается короткій промежутокъ свободнаго времени, то его хватаетъ только на мимолетныя удовольствія, на пьянство и развратъ, заглушающіе сознаніе нищеты. Совмѣстная работа мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей,—которая въ средѣ людей жизнерадостныхъ, свободныхъ и сознающихъ свой долгъ—могла бы явиться источникомъ высшаго духовнаго поощренія и нравственнаго облагораживанія для всѣхъ участниковъ — сдѣлалась на капиталистическихъ фабрикахъ, благодаря ихъ растлѣвающему и обезсиливающему вліянію, прежде всего средствомъ, еще больше увеличивающимъ опасность заразы, еще больше ускоряющимъ вырожденіе пролетаріата.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ начальный періодъ развитія крупной капиталистической промышленности рабочій-пролетарій едва отличался отъ босяка — пролетарія. Какъ глубоко было духовное и физическое паденіе пролетаріата, погрязшаго въ преступленіяхъ, пьянствѣ, грубости и грязи,—объ этомъ лучше всего можно узнать изъ того классическаго описанія положенія рабочаго класса въ Англіи въ первыя десятилѣтія девятнадцатаго вѣка, которое намъ далъ *Фридрихъ Энгельсъ* [1]).

5. Возвышеніе наемнаго пролетаріата.

Казалось, что съ понятіемъ «пролетарій» соединяется представленіе о самой послѣдней степени паденія. Еще и теперь встрѣчаются люди, которые придерживаются этого взгляда, и среди нихъ даже такіе,

---

1) Эта чрезвычайно важная книга впервые появилась въ 1845 г. Съ тѣхъ поръ она издавалась нѣсколько разъ въ Германіи и имѣется въ переводѣ на русскій языкъ.

которые считаютъ себя весьма «передовыми». Однако, уже и въ то время, когда рабочій пролетаріатъ съ внѣшней стороны имѣлъ еще такъ много общихъ чертъ съ босяцкимъ пролетаріатомъ, между ними образовалась глубокая пропасть.

Пролетаріатъ босяковъ въ сущности всегда и всюду оставался однимъ и тѣмъ же, когда выступалъ, какъ массовое явленіе. Босяцій пролетаріатъ современнаго Берлина или Лондона мало чѣмъ отличается отъ древне-римскаго.

Современный же рабочій пролетаріатъ, напротивъ, представляетъ явленіе совершенно своеобразное, какого до сихъ поръ еще не знала міровая исторія.

Между босяцкимъ пролетаріатомъ и рабочимъ пролетаріатомъ капиталистическаго производства существуетъ прежде всего огромное основное различіе: первый является паразитомъ, второй—составляетъ одну изъ главнѣйшихъ основъ общества, и при томъ такую основу, которая все болѣе и болѣе становится не только важнѣйшимъ, но и *единственнымъ* источникомъ, изъ котораго общество черпаетъ свою силу. Рабочій-пролетарій—неимущій, но онъ вовсе не является *нищимъ, просящимъ подаянія*. Онъ не только не получаетъ содержанія отъ общества,—напротивъ, онъ самъ содержитъ общество своимъ трудомъ. Правда на ранней ступени капиталистическаго производства рабочій-пролетарій еще чувствуетъ себя бѣднякомъ, а въ лицѣ эксплуатирующаго его капиталиста онъ видитъ своего благодѣтеля, дающаго ему хлѣбъ, своего кормильца, работодателя. Такія «патріархальныя» отношенія, конечно, чрезвычайно на-руку капиталистамъ. Еще и теперь они требуютъ отъ своихъ рабочихъ за ту заработную плату, которую они платятъ, не только выполненія работы, но и подчиненія и благодарности.

Но капиталистическое производство нигдѣ не можетъ долго существовать безъ того, чтобы эти прекрасныя патріархальныя отношенія начальнаго періода не исчезли. Какъ бы порабощены и принижены ни были рабочіе—рано или поздно они все-же замѣчаютъ, что именно они даютъ хлѣбъ капиталисту, а не наоборотъ. Въ то время какъ они остаются такими же бѣдняками или же подчасъ бѣднѣютъ еще больше, капиталистъ постоянно богатѣетъ. И когда они обращаются къ капиталисту—съ просьбой дать и имъ больше хлѣба, то получаютъ отъ него камень.

Отъ босяковъ-пролетаріевъ и слугъ рабочіе-пролетаріи отличаются тѣмъ, что не живутъ на счетъ эксплуатаціи эксплуататоровъ; отъ домашней челяди и ремесленныхъ подмастерьевъ (ср. главу II) они отличаются тѣмъ, что не работаютъ и не живутъ вмѣстѣ со своимъ эксплуататоромъ, что всякія личныя отношенія между эксплуататорами и эксплуатируемыми для нихъ исчезли. Они живутъ въ жалкихъ

трущобахъ и строятъ дворцы для своего эксплуататора; они голодаютъ, чтобы онъ пировалъ. Они надрываются надъ работой до полнаго истощенія силъ, чтобы доставить ему и его приснымъ средства убивать время отъ бездѣлья.

Это противоположность совсѣмъ иного свойства, чѣмъ между богачемъ и «маленькимъ человѣчкомъ»,—бѣднякомъ до-капиталистическаго періода. Послѣдній завидуетъ богачамъ, смотритъ на нихъ съ восторгомъ, какъ на свой идеалъ. Ему хотѣлось бы самому стать на мѣсто богача, быть такимъ же эксплуататоромъ, какъ и онъ. Ему и въ голову не приходитъ мысль о томъ, какъ бы уничтожить эксплуатацію. Рабочій-пролетарій не завидуетъ богачу, онъ не желаетъ быть на его мѣстѣ; *онъ ненавидитъ и презираетъ его*; ненавидитъ, какъ эксплуататора и презираетъ, какъ трутня. Сначала онъ ненавидитъ только того капиталиста, съ которымъ онъ непосредственно имѣетъ дѣло, но скоро онъ начинаетъ сознавать, что всѣ они одинаково относятся къ нему, и его первоначальная личная ненависть развивается въ сознательную вражду ко всему классу капиталистовъ.

Эта вражда къ эксплуататорамъ одна изъ самыхъ раннихъ характерныхъ чертъ рабочаго пролетаріата. Классовая ненависть отнюдь не является результатомъ соціалистической пропаганды,—ее можно прослѣдить еще за долго до дѣятельности послѣдней въ средѣ рабочаго класса. У слугъ, у домашней челяди и ремесленныхъ подмастерьевъ невозможна такая высокая степень ненависти. При тѣсныхъ личныхъ отношеніяхъ между членами этихъ профессій и ихъ «господами» подобная ненависть сдѣлала бы невозможной всякую совмѣстную работу. Въ этихъ профессіяхъ бываетъ не мало столкновеній между наемными рабочими и главою предпріятія или хозяйства, но всѣ они кончаются примиреніемъ. При капиталистическомъ способѣ производства рабочіе могутъ питать самую жестокую вражду къ предпринимателю, нисколько не нарушая этимъ производства; предприниматель можетъ даже и не замѣтить этой вражды.

Эта ненависть первоначально обнаруживается лишь робко и въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но если требуется извѣстное время, пока наконецъ пролетаріи замѣчаютъ, что фабрикантъ даетъ имъ работу вовсе не изъ благородства, то еще больше надо имъ времени для того, чтобы найти въ себѣ *мужество* вступить въ открытый конфликтъ съ своимъ «господиномъ».

Пролетарій-босякъ труслифъ и приниженъ, потому что онъ чувствуетъ себя лишнимъ и не имѣетъ никакой матеріальной опоры. Эти свойства вначалѣ сохраняетъ также и рабочій пролетаріатъ, поскольку онъ вербуется изъ босяцкаго пролетаріата и близкихъ къ нему слоевъ. Правда, онъ чувствуетъ всѣ обиды, которыя выпадаютъ на его долю, но онъ протестуетъ противъ нихъ только втайнѣ,—

показывая кулакъ въ карманѣ. Зато возмущеніе болѣе энергичныхъ и страстныхъ натуръ проявляется въ тайныхъ преступленіяхъ.

Сознаніе собственной силы и духъ возмущенія развиваются въ разсматриваемыхъ слояхъ наемныхъ пролетаріевъ только тогда, когда послѣдніе достигаютъ сознанія общности своихъ интересовъ, своей *солидарности*. Съ момента пробужденія *чувства солидарности* начинается моральное возрожденіе пролетаріата, возвышеніе рабочаго пролетаріата изъ болота босяцкаго пролетаріата.

Условія труда въ капиталистическомъ производствѣ сами указываютъ пролетаріямъ на необходимость прочной взаимной сплоченности, подчиненія единичной личности цѣлому. Въ то время какъ въ ремеслѣ въ его классической формѣ каждая отдѣльная личность самостоятельно создаетъ цѣльный продуктъ,—капиталистическая промышленность покоится на совмѣстномъ трудѣ, на *коопераціи*. Отдѣльный рабочій ничего не значитъ безъ своихъ товарищей. Но если они берутся сообща и планомѣрно за работу, производительность каждаго изъ нихъ удваивается и утраивается. Такимъ образомъ, сама работа приводитъ ихъ къ сознанію силы единенія, развиваетъ въ нихъ добровольную, радостную дисциплину, которая составляетъ предварительное условіе товарищескаго, соціалистическаго производства, а также и всякой успѣшной борьбы пролетаріата противъ эксплуатаціи при капиталистическомъ производствѣ. Послѣднее само воспитываетъ пролетаріатъ на свою погибель, и для труда въ соціалистическомъ обществѣ.

Равенство условій труда оказываетъ, пожалуй, еще болѣе могущественное вліяніе на пробужденіе въ пролетаріатѣ чувства солидарности, чѣмъ кооперація. На фабрикѣ между рабочими въ большинствѣ случаевъ не существуетъ никакихъ дѣленій по рангамъ, никакой іерархіи. Высшія должности для пролетаріевъ обыкновенно недоступны, при томъ ихъ такъ мало, что для массы рабочихъ онѣ не могутъ имѣть никакого значенія. Лишь на очень немногихъ изъ нихъ могутъ оказывать развращающее вліяніе эти тепленькія мѣстечки. Для огромнаго же большинства царитъ полное равенство условій труда, и никто въ отдѣльности не имѣетъ возможности улучшить эти условія только для себя; онъ можетъ улучшить свое положеніе только тогда, когда улучшается положеніе всей массы, всѣхъ его товарищей. Правда, фабриканты пытаются посѣять рознь между рабочими, искусственно вводя неравенство въ условіяхъ труда. Но уравнивающее дѣйствіе современной крупной промышленности слишкомъ сильно, чтобы подобные пріемы,—въ родѣ поштучной платы, премій и т. под.,—надолго могли заглушить въ рабочихъ сознаніе солидарности ихъ интересовъ. Чѣмъ дольше существуетъ капиталистическое производство, тѣмъ сильнѣе растетъ пролетарская солидарность, тѣмъ прочнѣе уко-

реняется она въ пролетаріатѣ, тѣмъ больше становится она его главнымъ отличительнымъ признакомъ.

Достаточно указать на то, что было нами выше сказано о личной прислугѣ, чтобы стало яснымъ, насколько рабочій пролетаріатъ въ этомъ отношеніи отличается отъ нея; но и прислуга въ промышленныхъ предпріятіяхъ, и даже ремесленные подмастерья, въ этомъ отношеніи далеко уступаютъ пролетаріату капиталистическаго производства.

Солидарность ремесленныхъ подмастерьевъ, дойдя до опредѣленной ступени, на ней и остановилась; солидарность пролетаріевъ далеко перешагнула эту ступень. Солидарность, какъ однихъ, такъ и другихъ, не ограничивается кругомъ рабочихъ одного и того же предпріятія; какъ пролетаріи, такъ и ремесленные подмастерья постепенно уже достигли сознанія того, что рабочіе всюду встрѣчаютъ однихъ и тѣхъ же противниковъ, всюду имѣютъ одни и тѣ же интересы. Ремесленные подмастерья основывали національныя организаціи, охватывавшія всю область націи, въ то время когда буржуазія еще крѣпко держалась за раздробленность мелкихъ городовъ и мелкихъ государствъ. Современный пролетаріатъ по своимъ чувствамъ и по своимъ дѣйствіямъ вполнѣ интернаціоналенъ; среди самой ожесточенной національной борьбы, среди дѣятельныхъ военныхъ приготовленій господствующихъ классовъ, пролетаріи всѣхъ странъ объединились.

Зачатки интернаціональныхъ организацій мы находимъ уже у ремесленныхъ подмастерьевъ; они обнаруживали способность выйти изъ предѣловъ національной ограниченности. Но выйти за предѣлы *профессіи* они не были въ состояніи. Нѣмецкій шляпочникъ или мѣдникъ могъ встрѣтить радушный пріемъ у своихъ товарищей въ Швеціи или Швейцаріи, но сапожникъ или столяръ его родины, даже его родного города, остались для него чужими. Профессіи въ ремеслѣ были строго разграничены. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ ученикъ долженъ былъ учиться, пока не становился подмастерьемъ, и всю свою жизнь оставался онъ вѣренъ своему ремеслу. Отъ процвѣтанія и мощи ремесла зависѣло его собственное благополучіе. Если подмастерье чувствовалъ вражду къ мастеру своего ремесла, то такую же вражду чувствовалъ онъ къ мастерамъ, и подмастерьямъ другихъ ремеслъ. Въ эпоху расцвѣта ремеслъ мы находимъ ожесточенную борьбу и вражду между организаціями подмастерьевъ различныхъ ремеслъ.

Напротивъ, капиталистическое производство бросаетъ въ одну пеструю кучу различныя профессіи. Въ капиталистическомъ предпріятіи, по большей части рядомъ и вмѣстѣ другъ съ другомъ, трудятся рабочіе различныхъ профессій, имѣя въ виду одну общую цѣль. Съ

другой стороны, оно обнаруживаетъ тенденцію вообще уничтожить самое понятіе профессіи въ производствѣ. Машина сокращаетъ время обученія рабочаго, занимавшее прежде цѣлые годы, до нѣсколькихъ недѣль и даже дней. Она позволяетъ каждому отдѣльному рабочему безъ особенныхъ трудностей переходить отъ одной операціи къ другой. Часто она даже вынуждаетъ его къ этому, дѣлая излишней его прежнюю дѣятельность, выбрасывая его на мостовую и заставляя искать себѣ новое занятіе. Свобода выбора профессіи, которую филистеръ такъ боится потерять въ «государствѣ будущаго», для рабочаго въ настоящее время уже утратила всякій смыслъ.

При такихъ условіяхъ ему легко перейти тотъ предѣлъ, передъ которымъ останавливались ремесленные подмастерья. Если, съ одной стороны, сознаніе современнымъ пролетаріемъ своей солидарности носитъ международный характеръ, то, съ другой—это сознаніе распространяется на *весь рабочій классъ въ цѣломъ*.

Различныя формы наемнаго труда встрѣчались еще въ древности и въ средніе вѣка. Точно также и борьба между наемными рабочими и ихъ эксплуататорами не представляетъ чего-либо новаго. Но только при господствѣ капиталистической крупной промышленности мы наблюдаемъ возникновеніе единаго класса наемныхъ рабочихъ, которые вполнѣ сознаютъ общность своихъ интересовъ и которые все больше и больше подчиняютъ великимъ общимъ интересамъ *класса* не только свои личные, но и мѣстные и даже свои особые профессіональные интересы, поскольку послѣдніе еще существуютъ. Только въ нашемъ столѣтіи борьба наемныхъ рабочихъ противъ эксплуатаціи пріобрѣтаетъ характеръ *классовой борьбы*. И только благодаря этому стало возможнымъ, что эта борьба получила болѣе широкую и высокую цѣль, чѣмъ уничтоженіе временныхъ непорядковъ, и что рабочее движеніе стало движеніемъ *революціоннымъ*.

Понятіе рабочаго класса все болѣе расширяется. Прежде всего все сказанное здѣсь относится къ рабочему пролетаріату крупной промышленности. Но по мѣрѣ того какъ промышленный капиталъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе рѣшающее значеніе для всего капитала въ цѣломъ, даже для всѣхъ хозяйственныхъ предпріятій капиталистическихъ націй,—все болѣе рѣшающее значеніе пріобрѣтаютъ чувства и мысли занятаго въ крупной промышленности пролетаріата для наемныхъ рабочихъ вообще. Сознаніе общности интересовъ овладѣваетъ также и рабочими капиталистической мануфактуры и ремесла,—при томъ послѣдними тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше ремесло утрачиваетъ свой первоначальный характеръ и приближается къ мануфактурѣ или же падаетъ до положенія капиталистически-эксплуатируемой домашней промышленности.

Къ нимъ постепенно присоединяются рабочіе непромышленныхъ

городскихъ предпріятій, рабочіе, занятые въ предпріятіяхъ торговыхъ, путей сообщенія, въ трактирномъ промыслѣ («Beherbergung und Erquickung»—по терминологіи нѣмецкой статистики профессій). Сельскіе рабочіе также начинаютъ мало-по-малу сознавать общность своихъ интересовъ съ остальными наемными рабочими, какъ только капиталистическое производство начинаетъ вносить разложеніе въ старый патріархальный укладъ сельскаго хозяйства и превращаетъ его въ промышленность, производящую уже при помощи наемныхъ пролетаріевъ, а не входящей въ составъ семьи хозяина челяди. Наконецъ, чувство солидарности начинаетъ охватывать и самостоятельныхъ ремесленниковъ, находящихся въ худшихъ условіяхъ, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ заражаетъ даже и крестьянъ. Такъ все больше и больше трудящіеся классы сливаются въ единый *рабочій классъ*, душой котораго является пролетаріатъ крупной промышленности, непрерывно увеличивающійся, какъ по своей численности, такъ и по своему экономическому значенію. Все больше и больше распространяется въ немъ свойственный крупно-промышленному пролетаріату духъ товарищеской сплоченности, товарищеской дисциплины и вражды къ капиталу; въ то же время въ его рядахъ растетъ та свойственная пролетаріату ненасытная жажда знанія, на которую мы указывали въ концѣ предыдущей главы.

Такъ постепенно изъ презрѣннаго, униженнаго, опустившагося пролетаріата выростаетъ новая сила міровой исторіи, передъ которой начинаютъ трепетать старыя силы: выростаетъ новый классъ, съ новой нравственностью, новой философіей, классъ, котораго численность, сплоченность, экономическое значеніе, самосознаніе и широта взгляда увеличиваются съ каждымъ днемъ.

6. Борьба между возвышающими и принижающими пролетаріатъ тенденціями.

Возвышеніе пролетаріата изъ его приниженнаго состоянія есть неизбѣжный, естественно-необходимый процессъ. Но это вовсе не мирный, правильно протекающій процессъ. Тенденціи капиталистическаго способа производства, какъ мы видѣли въ главѣ II, направляются къ все большему и большему приниженію рабочаго населенія. Нравственное возрожденіе пролетаріата возможно только *въ борьбѣ* противъ этихъ тенденцій и ихъ выразителей—капиталистовъ. Оно возможно лишь благодаря тому, что противодѣйствующія силы и противоположныя тенденціи, порождаемыя въ нѣдрахъ пролетаріата тѣми новыми условіями, при которыхъ онъ работаетъ и живетъ, являются уже достаточно окрѣпшими. Но принижающія тенденціи ка-

питалистическаго способа производства весьма различны для различныхъ эпохъ, различныхъ мѣстностей, различныхъ отраслей промышленности; онѣ зависятъ отъ состоянія рынка, отъ степени взаимной конкуренціи между отдѣльными предпріятіями, отъ высоты развитія машинной техники въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ промышленности, отъ степени пониманія капиталистами ихъ существенныхъ интересовъ и т. д., и т. д. Точно также и противодѣйствующія силы, развивающіяся въ нѣдрахъ отдѣльныхъ слоевъ пролетаріевъ, зависятъ отъ самыхъ разнообразныхъ условій,—отъ привычекъ и потребностей тѣхъ классовъ населенія, изъ которыхъ преимущественно вербуются эти пролетаріи; отъ степени ловкости или силы, потребной для работы въ той отрасли промышленности, въ которой они заняты; отъ распространенности дѣтскаго и женскаго труда; отъ размѣровъ промышленной резервной арміи, далеко не одинаковой во всѣхъ отрасляхъ; отъ сознательности рабочихъ, наконецъ,—отъ того, обусловливаетъ ли данная отрасль труда разъединеніе и обособленіе рабочихъ, или же ихъ объединеніе и сплоченность, и т. д.

Всѣ эти условія въ высшей степени разнообразны въ различныхъ отрасляхъ промышленности и въ различныхъ рабочихъ слояхъ и подвержены постояннымъ измѣненіямъ, потому что техническая и экономическая революція совершается непрерывно. Съ каждымъ днемъ новыя мѣстности и новыя профессіи подвергаются эксплуатаціи и пролетаризаціи со стороны капитала, съ каждымъ днемъ создаются новыя отрасли производства, непрерывно измѣняются существующія. Какъ въ началѣ капиталистическаго способа производства, такъ и теперь мы видимъ, что все новые и новые слои населенія попадаютъ въ ряды пролетаріата, опускаются до уровня босяцкаго пролетаріата, и все новые слои вновь поднимаются оттуда; въ самомъ рабочемъ пролетаріатѣ наблюдается постоянное движеніе:—одни слои поднимаются, другіе опускаются, въ зависимости отъ того, возвышающая или принижающая тенденція беретъ верхъ въ ихъ средѣ.

Но, къ счастью для дальнѣйшаго развитія человѣческаго общества, въ большинствѣ пролетарскихъ слоевъ рано или поздно наступаетъ моментъ, когда возвышающая тенденція пріобрѣтаетъ рѣшительный перевѣсъ;—и разъ эта тенденція оказалась въ томъ или иномъ пролетарскомъ слоѣ достаточно сильной, чтобы пробудить въ немъ самосознаніе,—классовое сознаніе, сознаніе солидарности всѣхъ его членовъ между собой и со всѣмъ рабочимъ классомъ, сознаніе силы, порождаемой прочнымъ сплоченіемъ, — разъ эти тенденціи пробудили въ немъ сознаніе его экономическаго значенія и чувство самоуваженія, разъ онѣ вселили въ него убѣжденіе, что рабочій классъ идетъ навстрѣчу лучшему будущему, разъ какой-либо слой пролетаріата поднялся на такую высоту,—тогда уже безконечно трудно

вновь столкнуть его въ ряды тупой массы тѣхъ опустившихся существъ, которыя, хотя и способны ненавидѣть, но неспособны сплотиться для продолжительной борьбы, которыя, отчаявшись въ себѣ и въ своемъ будущемъ, ищутъ забвенія въ пьянствѣ и черпаютъ изъ своихъ страданій не чувство возмущенія и желаніе дать отпоръ, а лишь трусливую покорность. Нѣтъ почти никакой возможности искоренить классовое сознаніе, разъ оно прочно укрѣпилось въ какомъ-либо пролетарскомъ слоѣ. И какъ бы тяжело ни было вліяніе подавляющихъ тенденцій капиталистическаго способа производства, онѣ могутъ угнетать этотъ слой въ *экономическомъ*, но не въ *моральномъ* отношеніи,—исключая только тотъ случай, когда это вліяніе будетъ—не просто принижающимъ, но и совершенно уничтожающимъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ гибнущихъ отрасляхъ домашней промышленности. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ гнетъ вызоветъ только отпоръ; его дѣйствіе будетъ не столько удручающимъ, сколько ожесточающимъ; онъ не принизитъ болѣе пролетарія до уровня босяка, а подниметъ его до роли мученика.

7. Филантропія и законодательная охрана труда.

Если бы каждый слой пролетаріата былъ предоставленъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ, то у большинства изъ нихъ этотъ процессъ подъема начался бы гораздо позднѣе и протекалъ бы еще медленнѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Безъ посторонней помощи нѣкоторымъ слоямъ пролетаріата, занимающимъ теперь почетное положеніе, никогда не удалось бы преодолѣть даже тѣхъ трудностей, которыя свойственны, какъ всякому началу, такъ и началу подъема пролетаріата изъ трясины, куда его столкнуло капиталистическое развитіе. Помощь этимъ слоямъ пролетаріата исходила отъ стоящихъ надъ ними слоевъ общества—частью со стороны высшихъ слоевъ рабочаго *пролетаріата*, частью со стороны *имущихъ классовъ*.

Этотъ послѣдній видъ помощи имѣлъ, особенно въ начальный періодъ крупной капиталистической промышленности, огромное значеніе.

Въ средніе вѣка бѣдность была настолько невелика, что публичная (главнымъ образомъ церковная) и частная благотворительность съ нею легко справлялась. Она не заставляла рѣшать никакой задачи и если наводила на размышленіе, то лишь съ точки зрѣнія поучительности. Въ ней видѣли своего рода педагогическое средство Господа Бога;—если она постигала людей порочныхъ, она считалась наказаніемъ; если же ея жертвы были люди благочестивые—въ ней видѣли испытаніе, имѣющее цѣлью доставить еще большее тор-

жество ихъ упованію на Бога. Богатымъ бѣдность открывала поле для упражненія въ добродѣтели, казавшейся столь же необходимой для спасенія ихъ души, какъ, напримѣръ, турниры для укрѣпленія тѣла.

Но когда старо-феодальное сельское хозяйство стало разлагаться, благодаря развитію товарнаго производства, когда обезземеленные крестьяне потянулись въ города и тамъ началось «перенаселеніе», стала распространяться безработица, массовая нищета,—тогда это явленіе, новое явленіе, страшное и опасное, привлекло къ себѣ вниманіе всѣхъ мыслящихъ и чувствующихъ людей. Противъ массовой бѣдности средневѣковыя средства благотворительности были недостаточны; кромѣ того реформація уничтожила важнѣйшій источникъ милостыни—призрѣніе бѣдныхъ католической церковью. Забота обо всѣхъ бѣдныхъ становилась все болѣе и болѣе непосильной задачей для общества; возникла новая общественная проблема: *какъ уничтожить бѣдность?* Изобрѣтались всевозможные способы разрѣшенія этой проблемы, смотря по степени проницательности и гуманности изобрѣтателей,—отъ удобнаго способа устраненія бѣдности путемъ уничтоженія самихъ бѣдняковъ (напр. при помощи висѣлицъ или ссылки)—до созданія глубоко-продуманныхъ плановъ новаго коммунистическаго общества. Эти послѣдніе находили большое сочувствіе среди людей образованныхъ,—правителямъ же и государственнымъ мудрецамъ были понятны только «удобные» способы. Но у бѣдноты вырастало тѣмъ больше головъ, чѣмъ больше пролетаріевъ убивали и клеймили.

Постепенно, однако, вопросъ о бѣдности пріобрѣлъ иной видъ. Возникъ капиталистическій способъ производства и сталъ все шире и шире распространяться, пріобрѣтая все большее господство въ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ перестала существовать для буржуазныхъ мыслителей и сама проблема объ уничтоженіи бѣдности. Капиталистическое производство покоится на пролетаріатѣ; устранить послѣдній—это значитъ сдѣлать невозможнымъ и самое капиталистическое производство. Массовая бѣдность есть основа капиталистическаго массоваго богатства; кто хочетъ сократить массовую бѣдность, тотъ покушается на богатство. Кто въ настоящее время хочетъ устранить такое положеніе, при которомъ рабочій лишенъ всякой собственности, тотъ подкапываетъ собственность, тотъ—разрушитель, врагъ общества.

Правда, въ буржуазныхъ кругахъ по-прежнему говоритъ въ пользу пролетаріата чувство состраданія и страха,—вѣдь бѣдность опасна для всего общества: она порождаетъ эпидеміи и преступленія,—оно заставляетъ болѣе вдумчивыхъ и болѣе отзывчивыхъ буржуа дѣлать что-нибудь для пролетаріевъ; но для большинства этихъ буржуа, не имѣющихъ ни смѣлости, ни силъ порвать съ своимъ клас-

сомъ, рѣчь идетъ уже не о томъ, *какъ уничтожить пролетаріатъ*, а о томъ, *какъ улучшить положеніе пролетаріевъ*. Пролетаріи должны быть трудоспособными и довольными, но они должны оставаться тѣми же услужливыми пролетаріями. Дальше этихъ предѣловъ буржуазная филантропія (человѣколюбіе) не идетъ.

Конечно, въ этихъ предѣлахъ филантропія можетъ проявляться самыми разнообразными способами. Большинство изъ этихъ способовъ либо совершенно безполезны, либо—самое большее—могутъ доставить отдѣльнымъ людямъ лишь временное облегченіе. Когда же въ первыя десятилѣтія нашего вѣка въ Англіи развилась крупная капиталистическая промышленность (первоначально текстильная), со всѣми ужасами, которые она способна породить,—тогда наиболѣе дальновидные филантропы пришли къ убѣжденію, что противъ полнаго вырожденія рабочихъ этой промышленности существуетъ только *единственное* средство: *государственная охрана рабочихъ*, по крайней мѣрѣ самыхъ беззащитныхъ изъ нихъ—женщинъ и дѣтей.

Въ то время крупные промышленные капиталисты еще не играли такой рѣшающей роли среди имущихъ классовъ, какъ въ настоящее время. Въ пользу ограниченія ихъ власти надъ рабочими говорили различные экономическіе и политическіе интересы некапиталистовъ изъ имущихъ классовъ, именно землевладѣльцевъ и мелкихъ буржуа; далѣе, въ пользу такого ограниченія говорило то сознаніе, что безъ этой мѣры погибнетъ самая основа промышленнаго процвѣтанія Англіи—ея рабочій классъ,—и это соображеніе должно было склонить въ пользу охраны рабочихъ всякаго, сколько-нибудь проницательнаго, способнаго стать выше интересовъ минуты, члена имущихъ классовъ; наконецъ, то же самое говорили даже и индивидуальные интересы отдѣльныхъ крупныхъ фабрикантовъ, имѣвшихъ достаточныя средства, чтобы безъ труда возмѣстить эти ограниченія и приспособить къ нимъ производство, въ то время какъ болѣе мелкіе ихъ конкуренты, которые еще кое-какъ держались, исключительно благодаря самой жестокой эксплуатаціи рабочихъ, были бы окончательно разорены съ введеніемъ охраны рабочихъ. Но несмотря на все это, несмотря на то, что въ самомъ рабочемъ классѣ развилось могучее движеніе въ пользу охраны труда,—завоеваніе первыхъ, даже самыхъ робкихъ, законовъ объ охранѣ рабочихъ и послѣдующее расширеніе ихъ стоило упорной борьбы.

Впрочемъ, какъ бы ни были вначалѣ малы достигнутые результаты, они явились для тѣхъ слоевъ пролетаріата, которыхъ они касались, толчкомъ, пробудившимъ ихъ изъ отупѣнія и освободившимъ въ нихъ тенденціи къ повышенію уровня ихъ соціальнаго положенія. Но даже раньше, чѣмъ была достигнута какая-либо побѣда, уже самой борьбы было достаточно для того, чтобы показать пролета-

ріямъ, насколько они важны, насколько они необходимы, и какую силу они представляютъ. Уже самая борьба встряхивала ихъ, пробуждала въ нихъ самосознаніе и самоуваженіе, выводила ихъ изъ отчаянія и ставила передъ ними цѣль, выходящую за предѣлы повседневныхъ нуждъ.

Другимъ средствомъ къ повышенію рабочаго класса, которое находитъ поддержку также и со стороны буржуазіи, является *народная школа*. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса вывело бы насъ изъ предѣловъ настоящей работы. Школа является важнымъ средствомъ, значенія котораго не слѣдуетъ цѣнить слишкомъ низко, однако, для подъема пролетаріата, какъ *класса*, это средство все же менѣе дѣйствительно, чѣмъ неуклонно проводимое законодательство объ охранѣ труда.

Чѣмъ больше развивается капиталистическій способъ производства, чѣмъ больше крупная промышленность вытѣсняетъ другія формы производства или измѣняетъ самую ихъ сущность,—тѣмъ необходимѣе становится постоянное усиленіе охраны труда, постоянное ея распространеніе не только на всѣ отрасли крупной промышленности, но и на ремесло, домашнюю промышленность, а также сельское хозяйство. Но въ такой же степени растетъ и вліяніе промышленныхъ капиталистовъ въ буржуазномъ обществѣ; некапиталистическіе имущіе классы—мелкіе буржуа и землевладѣльцы—также заражаются капиталистическими воззрѣніями, мыслители и государственные люди буржуазіи изъ ея прозорливыхъ вождей превращаются въ прислужниковъ, готовыхъ защищать любой изъ ея минутныхъ интересовъ.

Опустошенія, производимыя капиталистическимъ способомъ производства въ средѣ рабочихъ, такъ ужасны, что противъ извѣстной, хотя и убогой, законодательной охраны рабочихъ осмѣливаются возражать лишь самые алчные и безстыдные капиталисты и друзья капитала. Что же касается болѣе широкой, выходящей за эти предѣлы охраны рабочихъ,—какъ напр., введеніе восьмичасового рабочаго дня, который въ настоящее время имѣетъ такое же значеніе, какое имѣлъ въ 40-хъ годахъ для англійской промышленности десятичасовой рабочій день,—то теперь въ рядахъ имущихъ найдется лишь немного защитниковъ подобныхъ мѣръ. Буржуазная филантропія становится все болѣе осмотрительной. Она предоставляетъ самимъ рабочимъ вести борьбу за достаточную охрану труда. Современная борьба за законодательное сокращеніе рабочаго времени пріобрѣтаетъ совершенно иной видъ, чѣмъ борьба за десятичасовой рабочій день, которая имѣла мѣсто въ Англіи шестьдесятъ—семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И если въ настоящее время буржуазные политики выступаютъ на защиту нормальнаго рабочаго дня, то дѣлаютъ они это не изъ человѣколюбія, а лишь потому, что ихъ вынуждаютъ къ этому рабочіе, ихъ изби-

ратели. Борьба за охрану труда все больше и больше становится чисто *классовой борьбой между пролетаріатомъ и буржуазіей.* На континентѣ Европы, гдѣ борьба за законодательную охрану труда началась гораздо позже, чѣмъ въ Англіи, она съ самаго начала носила именно такой характеръ. Пролетаріату, въ его борьбѣ за подъемъ своего общественнаго положенія, не приходится больше разсчитывать на помощь имущихъ классовъ. Онъ всецѣло предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, т. е. прежде всего силамъ тѣхъ многочисленныхъ его слоевъ, которые сохранили или заново пріобрѣли способность къ борьбѣ и жажду борьбы.

8. Профессіональное движеніе.

Борьба между наемными рабочими и ихъ эксплуататорами далеко не нова. Мы встрѣчаемъ ее уже въ концѣ среднихъ вѣковъ *въ ремеслѣ*, между подмастерьями и мастерами, поскольку послѣдніе, подъ вліяніемъ происходившаго тогда развитія товарнаго производства и міровыхъ сношеній, начинали обнаруживать капиталистическія предчувствія и наклонности. Нѣкоторые изъ нихъ пытались уже въ XV ст. увеличить число своихъ подмастерьевъ настолько, чтобы можно было жить на счетъ ихъ труда, не трудясь самому, или, по крайней мѣрѣ, взвалить на подмастерьевъ львиную долю работы. Замѣчались стремленія къ удлиненію рабочаго дня, ограниченію числа праздниковъ и даже къ уничтоженію воскреснаго отдыха. При этомъ господа мастера старались обособиться отъ подмастерьевъ; послѣдніе должны были довольствоваться худшими харчами и т. д. Прежняя семейная связь была ослаблена. Наконецъ, цеховые мастера стали прекращать доступъ въ свою среду подмастерьямъ,—кто не былъ сыномъ или зятемъ мастера, тому было очень трудно, а зачастую и совершенно невозможно, самому стать мастеромъ. Такимъ образомъ, сословіе подмастерьевъ все больше и больше переставало быть переходной ступенью отъ ученика къ мастеру, превращаясь въ самостоятельное сословіе.

Когда же мастера стали разыгрывать изъ себя капиталистовъ, то естественнымъ слѣдствіемъ этого явилось обостреніе отношеній между ними и ихъ рабочими, напоминавшее позднѣйшую противоположность между капиталистическими предпринимателями и наемными пролетаріями. Но подмастерьевъ нельзя было сравнивать съ забитыми, угнетенными пролетаріями начала крупной промышленности. Готовые дать отпоръ и вступить въ борьбу, они не только отражали каждый ударъ, направленный противъ нихъ, но и старались сами нанести еще болѣе сильный ударъ. Въ то время города были малы, число

подмастерьевъ каждой профессіи было сравнительно не велико. Объединяться имъ было тѣмъ легче, что отдѣльные промыслы обыкновенно сосредоточивались на опредѣленныхъ улицахъ. Конечно, *трудъ* обособлялъ подмастерьевъ другъ отъ друга, такъ какъ у одного мастера рѣдко работало болѣе одного—двухъ подмастерьевъ. Но работа не заполняла всей ихъ жизни. Число праздниковъ въ году было чрезвычайно велико, потребность общенія въ то время играла въ жизни каждаго не меньшую роль, чѣмъ трудъ, и она объединяла подмастерьевъ. Пивныя залы были центрами ихъ организацій, мѣстомъ, гдѣ зарождались тѣ битвы, которыя они давали мастерамъ. Кто не жилъ съ ними общею жизнью, тотъ подвергался опалѣ. Если принять во вниманіе тогдашнюю обособленность профессій другъ отъ друга, то такое исключеніе изъ общества товарищей по ремеслу для подмастерья было равносильно полному исключенію изъ общества. Поэтому, организація подмастерьевъ даннаго промысла охватывала *всѣхъ* занятыхъ въ немъ подмастерьевъ. Промышленная резервная армія была почти совершенно неизвѣстна, привлеченіе рабочихъ изъ другихъ профессій по различнымъ причинамъ было невозможно, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подмастерья находились въ сравнительно благопріятномъ положеніи по отношенію къ мастерамъ. Орудіемъ, которое они примѣняли, были стачки и бойкотъ, и имъ пользовались весьма широко. У нашихъ фанатиковъ цехового строя, мечтающихъ возстановить средневѣковое ремесло и, такимъ образомъ, осуществить миръ между рабочими и ихъ эксплуататорами, волосы стали бы дыбомъ, если бы въ настоящее время, при нынѣшнемъ развитіи промышленности, стачки были бы такъ же часты и упорны, какъ это было въ главнѣйшихъ ремеслахъ въ 15 и 16 столѣтіяхъ.

Лишь укрѣплявшаяся современная государственная власть сумѣла обуздать подмастерьевъ. Это обузданіе рабочихъ было первой дружеской услугой, которую она оказала буржуазіи, и до сихъ поръ составляетъ одну изъ главныхъ ея задачъ. Начался періодъ тарифовъ, т. е. установленія максимальной заработной платы, запрещенія или, по меньшей мѣрѣ, полицейскаго притѣсненія всѣхъ организацій наемныхъ рабочихъ. Впрочемъ, вполнѣ справиться съ подмастерьями не удалось и государству. Они знали такъ же хорошо, какъ и ихъ противники, какою мощью обладали ихъ объединенныя силы и какъ беззащитны они были безъ организаціи. Они старались всюду, съ необыкновеннымъ упорствомъ, удержать свои организаціи. Гдѣ открытыя организаціи становились невозможными, они основывали тайныя. За это они подвергались самымъ жестокимъ наказаніямъ и преслѣдованіямъ, но и это не могло разрушить связи, существовавшей между ними. Страданія и лишенія, которыя причинилъ нѣмецкому пролетаріату законъ противъ соціалистовъ,—какъ они ни были жестоки сами

по себѣ,—показались бы игрушкой въ сравненіи съ тѣмъ, что пришлось вытерпѣть рабочимъ во многихъ странахъ въ теченіе восемнадцатаго и до половины девятнадцатаго столѣтія. И все же изъ всѣхъ этихъ преслѣдованій они вышли побѣдителями.

Но большинство рабочихъ возникавшей капиталистической *мануфактуры* не обладало такой силой сопротивленія, какъ ремесленные подмастерья. Какъ уже было нами указано, техническіе пріемы, необходимые для изготовленія законченнаго предмета, въ мануфактурѣ раздѣлены между различными рабочими; каждому изъ нихъ приходится выполнять одно или нѣсколько сравнительно простыхъ движеній. Благодаря этому сокращается время обученія рабочаго и начинаетъ уже проникать женскій и дѣтскій трудъ. Далѣе, при господствѣ мануфактуры мы находимъ въ промышленныхъ городахъ большія арміи рабочихъ. При такихъ условіяхъ отдѣльному рабочему невозможно знать лично всѣхъ другихъ, какъ знали другъ друга безъ всякаго труда подмастерья мелкихъ средневѣковыхъ городовъ. Конечно, благодаря развитію крупныхъ городовъ отчасти пострадали и ремесленные подмастерья, но не такъ сильно, потому что съ ростомъ ихъ численности, росло количество, а слѣдовательно и разъединенность ихъ противниковъ—мастеровъ. Напротивъ, въ капиталистическихъ предпріятіяхъ многочисленнымъ рабочимъ противостоятъ лишь немногіе предприниматели, которые легко могутъ согласовать свои дѣйствія.

Къ этому еще присоединяется тотъ фактъ, что господство обязательнаго участія въ цехахъ препятствовало развитію мануфактуръ въ старыхъ городахъ.

Предпріятія этого рода должны были основываться внѣ предѣловъ вліянія цеховой системы, по большей части въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ легче установить надзоръ за рабочими, гдѣ рабочіе не находили никакой поддержки въ другихъ слояхъ трудящагося населенія и могли разсчитывать на работу только въ мануфактурѣ.

Наконецъ, благодаря уничтоженію средневѣковыхъ праздниковъ, у рабочихъ сильно сократилось время для товарищескихъ собраній, этого важнаго средства объединенія и вытекающаго отсюда единства поступковъ.

Правда, мануфактура соединяетъ большія массы рабочихъ и принуждаетъ ихъ къ совмѣстному труду, къ коопераціи. Но тѣ послѣдствія, которыя могли бы оказать благодѣтельное вліяніе на сплоченіе рабочихъ, отчасти уничтожаются, не только благодаря тому, что рабочіе вербуются изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія, но еще и благодаря тому, что различныя работы въ мануфактурѣ оплачиваются неодинаково; мы находимъ здѣсь среди рабочихъ цѣлый рядъ различныхъ степеней и ранговъ, подобно тому, какъ среди прислуги какого-нибудь большого барскаго дома. Хотя принадлежность рабочаго

къ тому или другому разряду опредѣляется преимущественно характеромъ его дѣятельности въ производствѣ, а не личной его изворотливостью, и, слѣдовательно, такая іерархія не развиваетъ среди рабочихъ лакейскихъ свойствъ,—тѣмъ не менѣе она создаетъ такое огромное различіе въ интересахъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ одного и того же предпріятія, что они съ трудомъ могутъ придти къ сознанію общности своихъ интересовъ.

Однако, у рабочихъ мануфактуры остается еще одно крупное преимущество: если время обученія для нихъ и стало значительно короче, чѣмъ въ ремеслѣ, то все-же ихъ работа всецѣло зависитъ отъ навыка, искусности, которые достигаются лишь путемъ долгаго упражненія.

Поэтому замѣнить рабочихъ мануфактуры не легко. И какъ ни велико число безработныхъ, ищущихъ работы, пролетаріевъ, уже и на той ступени развитія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, однако опытныхъ рабочихъ мануфактуры среди нихъ еще мало. Резервная промышленная армія въ общемъ не имѣетъ еще большого значенія для рабочихъ мануфактурнаго періода.

Только машина измѣняетъ это: она подчиняетъ всю массу безработныхъ промышленности и толпами выбрасываетъ женъ и дѣтей пролетаріевъ на рынокъ труда. Какое вліяніе это оказываетъ на силу сопротивленія рабочихъ,—мы уже видѣли раньше.

Съ введеніемъ машины въ производство процессъ превращенія всей промышленности въ промышленность капиталистическую пріобрѣтаетъ необыкновенно быстрый темпъ. Но не во всѣхъ областяхъ производства капиталистическія предпріятія тотчасъ же превращаются въ фабрики, производящія при помощи машинной силы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. въ наборномъ дѣлѣ, мануфактура сохранилась до настоящаго времени. Есть даже такія отрасли промышленности, въ которыхъ и при капиталистическомъ хозяйствѣ ремесленное производство можетъ удержаться на долгое время, какъ, напр. въ портняжномъ дѣлѣ, поскольку оно не пріурочено къ массовому производству.

Обыкновенно же капиталистическая эксплуатація какого-либо промысла, стоящаго еще на ступени ремесла, приводитъ не къ крупному, а къ карликовому, домашнему производству. Рабочіе же домашней промышленности — менѣе всѣхъ другихъ способны къ сопротивленію.

Но и при господствѣ оборудованной машинами крупной промышленности при капиталистическомъ способѣ производства остается еще рядъ отраслей промышленности,—правда, все болѣе и болѣе уменьшающійся,—въ которыхъ нельзя обойтись безъ рабочихъ, обладающихъ извѣстной выучкой. Сама крупная промышленность создаетъ рядъ но-

выхъ отраслей труда или расширяетъ существующія, въ которыхъ требуется особая сила, искусность или спеціальныя знанія, и которымъ нечего бояться конкуренціи со стороны необученныхъ рабочихъ или женщинъ и дѣтей. Это относилось и относится въ значительной степени, напримѣръ, къ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности по добыванію и обработкѣ металловъ.

Соотвѣтственно этому рабочій пролетаріатъ дѣлится на два крупныхъ разряда: высшій разрядъ составляютъ обученные или искусные (англійск. skilled)—*квалифицированные* рабочіе, находящіеся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Ниже ихъ стоитъ огромная, съ каждымъ днемъ возрастающая, масса рабочихъ, занятыхъ въ производствахъ, не требующихъ особыхъ знаній, искусности или способностей: какъ бы ни были свѣдущи, искусны или способны нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ, всѣ они попадаютъ въ разрядъ необученныхъ, неискусныхъ (unskilled) или *неквалифицированныхъ* рабочихъ; ихъ легко замѣнить другими, съ ними не считаются, ихъ способность къ сопротивленію ничтожна.

Находящіеся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ квалифицированные рабочіе и являются тою частью пролетаріата, на долю котораго выпадаетъ руководство борьбой рабочаго класса въ его стремленіи къ подъему. Они представляютъ боевые элементы пролетаріата, способные скорѣе всѣхъ оказать сопротивленіе капиталу. Свою боевую способность они доказали уже во многихъ столкновеніяхъ.

Ихъ положеніе обнаруживаетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ цеховыхъ ремесленныхъ подмастерьевъ; во многихъ отношеніяхъ среди нихъ сохранились традиціи подмастерьевъ: методы организаціи и борьбы этихъ послѣднихъ послужили для нихъ образцомъ. Новыя экономическія организаціи борьбы рабочихъ — первоначально только квалифицированныхъ рабочихъ—*профессіональные союзы* являются нерѣдко прямымъ продолженіемъ старыхъ *организацій подмастерьевъ* и, по крайней мѣрѣ въ началѣ профессіональнаго движенія, часто возникаютъ въ силу традицій, перешедшихъ по наслѣдству отъ цеховыхъ подмастерьевъ къ наемнымъ рабочимъ.

Но первоначальное родство профессіональнаго движенія съ движеніемъ цеховыхъ подмастерьевъ обнаруживается не только въ духѣ протеста и въ силѣ сопротивленія профессіональныхъ союзовъ; иногда въ нихъ проявляется цеховой духъ подмастерьевъ и въ другомъ направленіи,— а именно въ тенденціи къ кастовой замкнутости, къ одностороннему преслѣдованію болѣе узкихъ интересовъ своей профессіи, безъ вниманія къ общимъ интересамъ всѣхъ рабочихъ. Иногда дѣло заходитъ такъ далеко, что профессіональные союзы квалифицированныхъ рабочихъ не только забываютъ о долгѣ солидарности со всѣмъ рабочимъ классомъ, но и пытаются достигнуть извѣстныхъ выгодъ на счетъ

остальныхъ рабочихъ,—напр., путемъ ограниченія числа учениковъ, подготовляющихся къ ихъ профессіи. Благодаря такому ограниченію они, правда, достигаютъ сокращенія предложенія рабочей силы въ своей собственной профессіи, но лишь на счетъ рабочихъ другихъ отраслей труда, не имѣющихъ возможности провести у себя подобныхъ ограниченій, и такимъ образомъ эти профессіи испытываютъ усиленный притокъ рабочей силы.

Впрочемъ, такое стремленіе организованныхъ рабочихъ обособиться въ качествѣ «аристократовъ» труда отъ «черни» и на ея плечахъ подняться до болѣе высокаго положенія, наблюдается лишь въ отдѣльныхъ отрасляхъ.

Еще недавно такую позицію занимало, напр., въ Германіи большинство наборщиковъ. Въ Англіи же квалифицированные рабочіе во всей своей массѣ обособились отъ неквалифицированныхъ. Къ нимъ присоединялись еще рабочіе тѣхъ отраслей труда, на которыя распространялось дѣйствіе фабричнаго законодательства, и поставленные вслѣдствіе этого въ болѣе благопріятныя условія. Такіе рабочіе составляли до послѣдняго времени, а отчасти и теперь составляютъ, обособившуюся отъ широкой массы наемнаго пролетаріата рабочую аристократію.

Тамъ, гдѣ профессіональное движеніе приводитъ къ развитію односторонней кастовой замкнутости и аристократической обособленности рабочихъ, находящихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ,— оно не только не способствуетъ возвышенію всего пролетаріата, *какъ класса*, но даже можетъ привести къ *замедленію и ослабленію* этого процесса. Въ этомъ отношеніи оно является гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ, чѣмъ тѣ грубыя и безсмысленныя мѣры притѣсненія, къ которымъ такъ любитъ прибѣгать рутинная государственная мудрость. Мѣропріятія, направленныя противъ организацій борьбы рабочаго класса, напротивъ того являются самымъ дѣйствительныхъ средствомъ объединенія квалифицированныхъ рабочихъ съ неквалифицированными для единодушнаго отпора угнетенію.

Только самые бездарные и невѣжественные государственные люди въ настоящее время могутъ еще разсчитывать обуздать пролетаріатъ такого рода мѣропріятіями. Напротивъ, самыми опасными врагами пролетаріата являются тѣ, которые, выступая не въ качествѣ его противниковъ, а въ качествѣ друзей, пытаются при помощи профессіональнаго движенія, въ духѣ только-что нами описаннаго, расколоть пролетаріатъ и превратить его наиболѣе способную къ сопротивленію часть изъ передовыхъ борцовъ въ угнетателей его болѣе беззащитной части. Эти ложные друзья рабочаго класса даютъ себя знать и въ Германіи,—впрочемъ, до сихъ поръ по большей части только въ университетахъ. Но они дѣлаютъ попытки оказать вліяніе и на

рабочихъ. Къ счастью, господствующія партіи слишкомъ не дальновидны, нѣмецкіе рабочіе слишкомъ проницательны, и экономическія условія слишкомъ развиты, чтобы эти господа могли причинить сколько нибудь значительный вредъ.

Какъ бы ни зазнавался и ни обособлялся отъ массы пролетаріата тотъ или иной слой рабочихъ, находящихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, онъ не можетъ устоять на продолжительное время передъ вліяніемъ экономическаго развитія, которое толкаетъ его къ соединенію со всѣмъ рабочимъ классомъ. Въ зависимости отъ сознательности этого слоя рабочихъ, отъ высоты экономическаго развитія данной отрасли промышленности, и отъ той роли, которую она играетъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ, можетъ потребоваться больше или меньше времени, прежде чѣмъ исчезнутъ его аристократическія тенденціи,—но рано или поздно это случится со всякимъ такимъ слоемъ рабочихъ.

Ни одна отрасль не застрахована отъ того, что её захватитъ техническій переворотъ, который поставитъ необученныхъ рабочихъ на мѣсто обученныхъ и создастъ мужчинѣ конкуренцію со стороны женщинъ и дѣтей. Несмотря на всѣ ограниченія,—напр. ограниченіе числа учениковъ и т. д.,—количество безработныхъ растетъ въ каждой профессіи, какъ бы высоки ни были требованія, предъявляемыя ею къ своимъ рабочимъ. Растетъ также и количество тѣхъ обученныхъ рабочихъ, которые должны оставаться внѣ организацій, потому что ихъ заработокъ недостаточенъ, и которые могутъ быть употреблены противъ организованныхъ рабочихъ. Даже наиболѣе прочно организованные рабочіе, имѣющіе богатыя кассы, вынуждены все болѣе и болѣе убѣждаться, что отдѣльныя профессіональныя организаціи безсильны въ одиночку дать отпоръ принижающему вліянію капитализма, не говоря уже о полной побѣдѣ надъ нимъ. Они должны признать, что они тѣмъ слабѣе, чѣмъ слабѣе весь пролетаріатъ, и, наоборотъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ сильнѣе. Они должны придти къ сознанію, что добиваться болѣе высокаго положенія, влѣзая на плечи людей, увязнувшихъ въ трясинѣ и заставлять ихъ опускаться еще глубже, благодаря своему возвышенію,—плохая политика. Они должны стремиться къ тому, чтобы опереться на твердую почву, если они дѣйствительно хотятъ подняться на высоту и удержаться тамъ. Но этого они не въ силахъ сдѣлать, если не помогутъ стоящимъ ниже ихъ слоямъ выбраться изъ болота.

Такъ одинъ за другимъ «аристократическіе» слои рабочихъ начинаютъ разсматривать свою борьбу противъ эксплуатаціи не какъ особую борьбу, въ которой дѣло идетъ исключительно объ ихъ обособленныхъ интересахъ, а какъ часть великой классовой борьбы, которую ведетъ пролетаріатъ во всей своей совокупности. Они при-

ходятъ къ сознанію, что борьба другихъ пролетарскихъ слоевъ не остается безъ значенія и для нихъ, что она ведется и за ихъ дѣло, и что, поэтому, ихъ долгъ, помогая и содѣйствуя этой борьбѣ, насколько возможно, принять въ ней участіе. Они приходятъ къ сознанію, что они должны, гдѣ только возможно, защищать интересы также и тѣхъ пролетарскихъ слоевъ, которые еще не въ состояніи сами себя защитить, которые еще находятся за предѣлами рабочаго движенія.

Но въ то же самое время начинаютъ подниматься слой за слоемъ и неквалифицированные рабочіе. Уже одинъ только видъ великой борьбы квалифицированныхъ рабочихъ дѣйствуетъ ободряющимъ и одушевляющимъ образомъ на многихъ изъ ихъ «неквалифицированныхъ» братьевъ. Подобное же дѣйствіе, какъ мы уже указывали, оказала борьба за законодательную охрану рабочихъ. И цѣлый рядъ другихъ причинъ побуждаетъ, то здѣсь то тамъ, отдѣльные рабочіе слои вступать, вслѣдствіе удачнаго стеченія обстоятельствъ, въ ряды борющагося пролетаріата.

Непосредственные экономическіе результаты борьбы неквалифицированныхъ пролетаріевъ обыкновенно незначительны. Ея исторія это—«длинный рядъ пораженій, прерываемый немногими единичными побѣдами» (Энгельсъ). Но, подобно великому Антею въ греческомъ миѳѣ, пролетаріи черпаютъ новую силу даже изъ своихъ пораженій. Каковъ бы ни былъ исходъ борьбы, сама борьба нравственно поднимаетъ рабочихъ, пробуждаетъ и обнаруживаетъ всѣ тѣ ихъ свойства, на которыя мы указывали выше, какъ на характерныя свойства пролетаріата, способствуетъ ихъ нравственному и общественному возрожденію даже тогда, когда она не приводитъ къ повышенію ихъ экономическаго положенія или даже ухудшаетъ его.

Такъ изъ квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ пролетаріевъ постепенно образуется слой охваченнаго движеніемъ рабочаго класса, создается рабочее движеніе. Это—борющаяся за общіе интересы своего класса часть пролетаріата, его ecclesia militans (воинствующая церковь). Этотъ слой растетъ какъ на счетъ зазнавшихся, погрязшихъ въ бездушномъ эгоизмѣ «аристократовъ» труда, такъ и на счетъ темной «черни», на счетъ низшихъ слоевъ наемнаго пролетаріата, прозябающихъ въ своемъ отчаяніи и безсиліи. Мы видѣли, что рабочій пролетаріатъ постоянно увеличивается; мы знаемъ, далѣе, что онъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе рѣшающее значеніе для другихъ трудящихся классовъ, всѣ условія жизни, всѣ мысли и чувства которыхъ начинаютъ все сильнѣе подчиняться его вліянію; наконецъ мы видимъ, что въ этой непрерывно возрастающей массѣ ея воинственная часть постоянно увеличивается не только абсолютно, но и относительно. И какъ бы быстро ни возрасталъ пролетаріатъ, его *борющаяся часть* увеличивается еще быстрѣе.

Но борющійся пролетаріатъ представляетъ самую важную и самую благодарную область для соціалъ-демократической вербовки. Соціалъ-демократія въ сущности не что иное, какъ часть борющагося пролетаріата, сознавшая свои задачи; борющійся пролетаріатъ обнаруживаетъ тенденцію все болѣе отожествляться съ соціалъ-демократіей; въ Германіи и Австріи мы фактически имѣемъ сліяніе ихъ во-едино.

9. Политическая борьба.

Какъ въ своихъ первоначальныхъ организаціяхъ борьбы пролетаріатъ слѣдовалъ образцу ремесленныхъ подмастерьевъ, такъ и его первоначальныя средства борьбы всюду, гдѣ онъ выступаетъ сплоченной массой, остаются тѣ же, которыя примѣнялись подмастерьями. Эти средства: *бойкотъ* и въ особенности *стачка.*

Однако, пролетаріатъ не можетъ ограничиваться этими средствами борьбы. Чѣмъ больше отдѣльные его слои, входящіе въ его составъ, сплачиваются въ единый рабочій классъ, тѣмъ больше должна его борьба принимать *политическій характеръ*, ибо, какъ говоритъ Коммунистическій Манифестъ, всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Уже потребности чисто-профессіональной борьбы вынуждаютъ рабочихъ выставлять политическія требованія. Мы видѣли, что современное государство по отношенію къ наемнымъ рабочимъ считаетъ своей главной задачей лишить ихъ всякой возможности организоваться. Тайная же организація всегда можетъ быть лишь суррогатомъ организаціи открытой, и это тѣмъ больше, чѣмъ обширнѣе тѣ массы, которыя должны сплотиться въ единое цѣлое. Поэтому, чѣмъ больше развивается пролетаріатъ, тѣмъ больше онъ нуждается въ свободѣ объединенія, въ *свободѣ коалицій.*

Но одной этой свободы еще недостаточно для того, чтобы пролетаріатъ получилъ возможность наиболѣе полно развить свои организаціи и наиболѣе цѣлесообразно ихъ использовать. Мы уже указывали какъ легко было объединяться ремесленнымъ подмастерьямъ. Въ каждомъ городѣ въ отдѣльной профессіи работало относительно мало рабочихъ, при томъ большинство изъ нихъ было сосредоточено на одной и той же улицѣ, и такимъ образомъ они находились въ постоянномъ личномъ общеніи другъ съ другомъ. Въ какомъ-нибудь погребкѣ могли собраться всѣ подмастерья какого-либо ремесла. Каждый же городъ самъ по себѣ въ большей или меньшей степени представлялъ въ хозяйственномъ отношеніи одно цѣлое. Пути сообщенія были плохи и сношенія между городами ничтожны. Отдѣльныхъ странствующихъ ремесленниковъ было, при такихъ условіяхъ, вполнѣ достаточно для

того, чтобы поддержать связь между организаціями отдѣльныхъ городовъ.

Въ настоящее время въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ работаютъ тысячи рабочихъ, изъ которыхъ каждый находится въ болѣе тѣсномъ личномъ общеніи не съ широкой массой своихъ товарищей, а лишь съ немногими изъ нихъ. Чтобы создать связь между этими массами, пробудить въ нихъ сознаніе ихъ болѣе широкой общности интересовъ и вовлечь ихъ въ организаціи, служащія для защиты ихъ интересовъ, — для этого необходимо имѣть возможность свободно обращаться къ широкимъ массамъ, для этого необходима *свобода собраній и свобода печати.* Ремесленные подмастерья не нуждались въ печати. При томъ маленькомъ кругѣ отношеній, въ которыхъ они жили, можно было ограничиться устными сношеніями. Объединить же огромныя массы современныхъ наемныхъ рабочихъ въ организаціи и привести ихъ къ единству дѣйствій безъ помощи прессы совершенно невозможно.

И это тѣмъ необходимѣе, чѣмъ сильнѣе развиваются современныя средства сообщенія. Они служатъ могучимъ оружіемъ для капиталистовъ въ ихъ борьбѣ противъ рабочихъ; они позволяютъ, напр., капиталистамъ быстро передвигать огромныя массы рабочихъ на большія разстоянія; въ случаѣ конфликта съ рабочими капиталисты легко могутъ замѣнить ихъ рабочими изъ другихъ мѣстностей, если между этими послѣдними и мѣстными рабочими не существуетъ никакой связи. Поэтому, развитіе сношеній дѣлаетъ все болѣе и болѣе необходимымъ соединеніе отдѣльныхъ мѣстныхъ движеній рабочихъ различныхъ профессій въ единое рабочее движеніе, обнимающее весь борющійся рабочій классъ всей страны и, въ концѣ концовъ, всѣхъ промышленныхъ странъ. Но это національное и международное объединеніе наемныхъ рабочихъ въ еще большей степени, чѣмъ мѣстная организаціонная работа, нуждается въ *печати.*

Такимъ образомъ всюду, гдѣ рабочій классъ начинаетъ пробуждаться, гдѣ онъ дѣлаетъ первыя попытки достигнуть болѣе высокаго уровня въ своемъ экономическомъ положеніи, мы видимъ, что, на ряду съ экономическими требованіями, онъ выставляетъ также и требованія политическія, главнымъ образомъ требованія свободы союзовъ, собраній, печати. Эти свободы имѣютъ огромное значеніе для рабочаго класса; онѣ принадлежатъ къ его *жизненнымъ условіямъ*, которыя существенно необходимы для его развитія. Онѣ являются для пролетаріата свѣтомъ и воздухомъ, и тотъ, кто урѣзываетъ или отнимаетъ ихъ у него, или же старается удержать рабочихъ отъ борьбы за достиженіе и расширеніе этихъ свободъ, тотъ является злѣйшимъ врагомъ пролетаріата, сколько бы онъ ни выражалъ при этомъ свою искреннюю или лицемѣрную любовь къ нему, какъ бы онъ ни назы

валъ себя: анархистомъ, христіанскимъ соціалистомъ или какъ угодно. И онъ, не меньше чѣмъ явный врагъ, приноситъ вредъ пролетаріату, и, дѣлаетъ ли онъ это по злобѣ или по невѣжеству,—все равно, съ нимъ надо бороться такъ же, какъ съ признанными противниками пролетаріата.

Иногда политическую борьбу противопоставляли экономической и считали необходимымъ, чтобы пролетаріатъ прибѣгалъ либо къ той, либо къ другой въ отдѣльности. Въ дѣйствительности же обѣ эти формы борьбы неотдѣлимы. Экономическая борьба требуетъ политическихъ правъ, которыя, однако, съ неба не падаютъ и для своего завоеванія и упроченія требуютъ самой энергичной политической дѣятельности. Но и сама политическая борьба въ послѣднемъ счетѣ также является борьбой экономической, а иногда даже—и непосредственно экономической, какъ, напримѣръ, въ вопросахъ о пошлинахъ, объ охранѣ рабочихъ и т. под. Политическая борьба есть только особая, наиболѣе обширная и по большей части наиболѣе рѣшительная форма экономической борьбы.

Не только законы, непосредственно касающіеся рабочаго класса, но и большинство другихъ законовъ въ большей или меньшей степени затрагиваютъ его интересы. Какъ и всякій другой классъ, рабочій классъ долженъ, поэтому, стремиться къ политическому вліянію и политической власти, стремиться къ тому, чтобы подчинить себѣ государственную власть.

Для этого въ *современномъ* государствѣ существуетъ два пути: во-первыхъ,—личное вліяніе на главу государства. Въ абсолютистски управляемыхъ государствахъ это былъ (и есть) единственно возможный способъ—воздѣйствовать на управленіе государствомъ. Въ немъ заинтересованы тѣ классы, которые имѣютъ личный доступъ къ главѣ государства и могутъ заслужить его расположеніе, могутъ поставить его въ зависимость отъ себя или оказаться ему полезными. Эти классы—придворная знать, высшее духовенство, высшіе чины арміи и бюрократіи, наконецъ, крупные кредиторы—хозяева финансоваго міра,—являются, поэтому, естественными защитниками абсолютной формы государственнаго управленія.

Всѣ другіе классы населенія въ современномъ крупномъ государствѣ могутъ добиться вліянія на государственное управленіе лишь при помощи избраннаго ими *парламента*,—парламента, устанавливающаго тѣ условія, на которыхъ представленные въ немъ классы готовы разрѣшить взыманіе съ населенія налоговъ, необходимыхъ для государственнаго хозяйства. Право и возможность *отказа отъ налоговъ* есть та основа, изъ которой развилось право издавать или отклонять законы, свергать министерства,—право, которое должно

быть у всякаго парламента, дѣйствительно заслуживающаго это названіе, а не являющагося фиговымъ листкомъ абсолютизма.

Прямого народнаго законодательства мы можемъ здѣсь не касаться. Оно не можетъ сдѣлать излишнимъ парламентъ, по крайней мѣрѣ въ современномъ крупномъ государствѣ,—а именно о такомъ государствѣ и идетъ рѣчь,—оно можетъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ явиться, на ряду съ парламентомъ, не болѣе, какъ коррективомъ къ послѣднему. Возлагать на него всю совокупность государственнаго законодательства абсолютно невозможно, какъ и невозможно посредствомъ его слѣдить за управленіемъ государствомъ и, въ случаѣ необходимости, давать ему то или иное направленіе. Пока существуютъ современныя крупныя государства, центръ тяжести политической дѣятельности будетъ лежать въ ихъ парламентахъ.

Послѣднимъ словомъ парламентаризма является парламентарная республика; сохраняется ли при этомъ власть монарха въ качествѣ декораціи, какъ у англичанъ, или нѣтъ,—это совершенно безразлично. Фактически во всякой дѣйствительно парламентарно управляемой странѣ государственное управленіе попадаетъ въ полную зависимость отъ парламента, который держитъ въ своихъ рукахъ денежный мѣшокъ—эту душу современнаго государства, а равно и всякаго современнаго предпріятія. Король безъ денегъ находится въ настоящее время въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ король безъ земли.

Стремленія всѣхъ классовъ, живущихъ сильной самостоятельной политической жизнью и не имѣющихъ никакой надежды скорѣе достигнуть намѣченной цѣли при помощи личнаго вліянія на главу государства, направлены въ современномъ государствѣ, съ одной стороны, къ увеличенію власти парламента и съ другой—къ увеличенію ихъ власти въ парламентѣ. Власть парламента зависитъ съ одной стороны, отъ силы и рѣшительности тѣхъ классовъ, которые за нимъ стоятъ, а съ другой—отъ силы и рѣшительности тѣхъ, которымъ онъ долженъ диктовать свою волю. Сила того или иного класса въ парламентѣ зависитъ прежде всего отъ характера избирательнаго права. Классы, лишенные избирательныхъ правъ, естественно, не могутъ быть представленными въ парламентѣ. Далѣе, она зависитъ отъ того вліянія, которымъ данный классъ пользуется среди избирателей и, наконецъ, отъ способности этого класса къ парламентской дѣятельности.

Первые два пункта не требуютъ объясненій, и лишь о послѣднемъ мы скажемъ нѣсколько словъ.—Парламентская дѣятельность подъ-силу не всякому человѣку. Она предполагаетъ извѣстную находчивость, опытность, пріобрѣтаемую только благодаря продолжительному участію въ общественной жизни, особенно въ качествѣ оратора. Далѣе она требуетъ болѣе широкаго кругозора, широты взгляда,

позволяющей охватить вопросы общенаціональнаго и международнаго значенія. Крестьянское населеніе, а равно и большая часть мелкой буржуазіи лишены этихъ предварительныхъ условій участія въ парламентской жизни. Мы уже видѣли, что эти слои всецѣло поглощены трудомъ. Трудъ изолируетъ ихъ, отдѣляетъ другъ отъ друга, ограничиваетъ сношенія каждаго изъ нихъ небольшимъ кругомъ. Ихъ кругозоръ по необходимости крайне узокъ, и всѣ вопросы, имѣющіе даже самое общее значеніе, измѣряются ими масштабомъ личныхъ, самое большее—мѣстныхъ потребностей минуты. Условія ихъ жизни препятствуютъ не только развитію въ ихъ средѣ парламентскихъ дѣятелей-политиковъ, но и мѣшаютъ даже объединиться этимъ классамъ въ прочныя національныя партіи (въ смыслѣ партіи, обнимающей весь классъ въ предѣлахъ цѣлой націи). Они представляютъ массы, лишенныя внутренней связи, поддающіяся настроеніямъ минуты; они не только не въ состояніи посылать въ парламентъ представителей изъ среды своего собственнаго класса, они не въ состояніи даже строго контролировать своихъ выборныхъ. Ремесленникъ или настоящій крестьянинъ въ парламентѣ это—своего рода бѣлый воронъ. Чтобы имѣть своихъ представителей въ парламентѣ, крестьяне и мелкіе буржуа выбираютъ не людей одинаковаго съ ними положенія, а различныхъ адвокатовъ или профессоровъ,—если эти классы настроены либерально, или же крупныхъ землевладѣльцевъ, духовенство или высшихъ чиновниковъ,—если они настроены консервативно. Ясно, что подобный депутатъ, даже имѣя самыя честныя намѣренія, не можетъ быть дѣйствительнымъ представителемъ интересовъ ремесленниковъ и крестьянъ. Но очень часто у него вовсе и нѣтъ этихъ честныхъ намѣреній. Разъ онъ попалъ въ парламентъ, онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно; его избиратели лишены всякихъ средствъ вліять на него. Самое большее, что они могутъ сдѣлать—это провалить измѣнника на слѣдующихъ выборахъ, чтобы послать... другого такого же измѣнника.

Не удивительно, поэтому, что крестьяне и мелкіе буржуа неодобрительно отзываются о парламентаризмѣ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ буржуазіей. Въ ея распоряженіи находятся всѣ матеріальныя и духовныя средства, чтобы охранять свои интересы, какъ во время избирательной борьбы, такъ и въ самомъ парламентѣ. Она располагаетъ не только достаточными денежными средствами, но въ ея рядахъ не мало людей образованныхъ, съ знаніемъ свѣта, людей, привыкшихъ управлять крупными общественными организаціями, людей, для которыхъ знаніе законовъ и ораторское искусство является профессіей: адвокатовъ и профессоровъ. Никакой другой классъ въ этомъ отношеніи не стоялъ на одинаковой высотѣ съ буржуазіей; поэтому, до самаго послѣдняго времени она господствовала въ пар-

ламентахъ; парламентаризмъ являлся наиболѣе удобнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ обезпечить ей господство въ государствѣ и заставить силы низшихъ классовъ политически служить ея интересамъ.

Поэтому радикально настроенный мелкій буржуа, который не прочь свернуть шею капитализму, склоненъ видѣть въ парламентаризмѣ главную причину, поддерживающую и увѣковѣчивающую рабство низшихъ классовъ. Онъ не хочетъ и слышать о парламентаризмѣ и убѣжденъ, что только совершенно отвернувшись отъ парламентаризма можно низвергнуть буржуазію. Одни изъ нихъ требуютъ полной замѣны парламента прямымъ народнымъ законодательствомъ, другіе же идутъ еще дальше: сознавая, что въ современномъ государствѣ политика и парламентаризмъ нераздѣльно связаны другъ съ другомъ, они отвергаютъ, вообще всякую политическую дѣятельность. Это можетъ показаться очень революціоннымъ, на дѣлѣ же является ни чѣмъ инымъ, какъ признаніемъ политическаго банкротства низшихъ классовъ.

Пролетаріатъ находится въ болѣе благопріятномъ положеніи по отношенію къ парламентаризму, чѣмъ крестьяне и мелкіе буржуа. Мы уже видѣли, какъ современный способъ производства поднимаетъ пролетаріатъ изъ его приниженнаго состоянія, пробуждаетъ въ немъ жажду знанія, пониманіе явленій въ ихъ совокупности и вопросовъ, имѣющихъ всеобщее значеніе. Уже благодаря одному этому онъ стоитъ, какъ политикъ, выше мелкаго буржуа и крестьянина. Онъ легче можетъ усвоить партійные принципы, онъ склоненъ къ принципіальной политикѣ, независимой отъ настроеній минуты, личныхъ или мѣстныхъ интересовъ. Условія жизни, въ которыхъ онъ находится, вынуждаютъ его объединяться съ своими товарищами въ широкія массы и дѣйствовать единодушно съ ними. Условія его жизни воспитываютъ въ немъ строгую дисциплину, онъ требуетъ отъ своихъ вождей такой же дисциплины, какая требуется отъ него самого. И дѣятельность на пользу пролетарскихъ организацій, какъ и дѣятельность въ этихъ организаціяхъ, является превосходной парламентской школой; она пріучаетъ къ парламентскимъ формамъ, вырабатываетъ ораторовъ, знатоковъ законовъ и организаторовъ.

Поэтому, пролетаріатъ въ состояніи создать свою собственную, независимую отъ другихъ классовъ партію, — что онъ уже доказалъ на дѣлѣ, какъ это лучше всего знаютъ въ Германіи,—а этого до сихъ поръ не удавалось ни крестьянамъ, ни мелкимъ буржуа, да и едва ли когда-либо удастся; онъ отлично умѣетъ контролировать своихъ представителей и заставить ихъ служить своимъ интересамъ [1]); нако-

[1]) Можетъ быть, противъ такого утвержденія укажутъ на примѣръ англійскихъ „рабочихъ депутатовъ“, столь часто измѣнявшихъ рабочему классу въ

нецъ, въ его собственныхъ рядахъ онъ находитъ все больше и больше людей, способныхъ съ успѣхомъ представлять его въ парламентѣ, въ качествѣ депутатовъ.

Тамъ гдѣ пролетаріатъ принимаетъ участіе въ борьбѣ изъ-за парламента (главнымъ образомъ въ избирательной борьбѣ и въ самомъ парламентѣ), какъ классъ, достигшій самосознанія, тамъ и парламентаризмъ начинаетъ измѣнять свою прежнюю сущность. Онъ перестаетъ быть простымъ орудіемъ господства буржуазіи. Именно эта борьба оказалась самымъ могучимъ средствомъ для того, чтобы пробудить еще оставшіеся индифферентными слои пролетаріата, влить въ нихъ вѣру въ себя и надежду на лучшее будущее; она оказалась самымъ могучимъ средствомъ, чтобы все крѣпче и крѣпче сплотить различные пролетарскіе слои въ единый рабочій классъ и, наконецъ, самымъ могучимъ, изо всѣхъ находящихся въ настоящее время въ распоряженіи пролетаріата, средствомъ для того, чтобы вліять на государственную власть въ свою пользу и вырывать у нея тѣ уступки, которыя вообще могутъ быть у нея вырваны при существующихъ отношеніяхъ. Короче, эта борьба является самымъ сильнымъ рычагомъ, чтобы поднять пролетаріатъ изъ экономическаго, общественнаго и нравственнаго униженія.

Итакъ, у рабочаго класса не только нѣтъ никакихъ основаній избѣгать парламентаризма, но, напротивъ, у него есть всѣ основанія самымъ рѣшительнымъ образомъ содѣйствовать съ одной стороны усиленію парламента въ противовѣсъ правительству, съ другой—усиленію своего представительства въ парламентѣ. На ряду съ *правомъ коалиціи и свободой печати и всеобщее избирательное* право является однимъ изъ *жизненныхъ условій* успѣшнаго развитія пролетаріата.

10. Рабочая партія.

Не во всѣхъ странахъ рабочій классъ уже пользуется этими условіями и почти нигдѣ онъ не пользуется ими въ достаточной степени; почти всюду существуетъ стремленіе отнять у него обратно уже достигнутое имъ. Рабочему классу нужна долгая, полная жертвъ, борьба, для того, чтобы завоевать и удержать за собой необходимыя права.

Въ началѣ политической борьбы пролетаріата, его задача нѣсколько облегчается, благодаря борьбѣ, происходящей внутри самихъ

парламентѣ; но эти господа обязаны своимъ избраніемъ не вліянію всего рабочаго класса, а лишь вліянію высокомѣрной, живущей въ цеховой замкнутости рабочей аристократіи, желающей подняться надъ пролетаріатомъ. Господа Бродхерстъ и компанія всегда дѣйствовали въ духѣ этихъ своихъ довѣрителей.

имущихъ классовъ. Промышленные капиталисты, купцы, землевладѣльцы, придворные, абсолютистскіе классы и т. под. очень часто вступаютъ въ жестокую борьбу между собою. Каждый изъ нихъ ищетъ въ такихъ обстоятельствахъ союзниковъ, стараясь небольшими уступками заставить ихъ примкнуть къ себѣ. Часто затѣмъ послѣ побѣды союзникъ оказывается обманутымъ въ своей долѣ добычи, но, съ другой стороны, та или иная политическая партія была нерѣдко вынуждена уступить одному изъ низшихъ классовъ значительныя политическія права, чтобы этимъ доставить ему возможность оказывать услуги этой партіи.

Господствующія партіи не разъ апеллировали къ пролетаріату, онѣ сами вовлекли его на арену политической борьбы. До тѣхъ поръ пока пролетаріатъ *не велъ* самостоятельной политики, онѣ считали его просто «голосующей скотиной», соглашавшейся, подобно крестьянамъ и мелкимъ буржуа, нести эту повинность для своихъ же собственныхъ эксплуататоровъ. И пролетаріатъ не разъ, дѣйствительно, оказывалъ имъ такія услуги.

Между тѣмъ интересы пролетаріата и буржуазіи слишкомъ противоположны по своей природѣ, чтобы политическія стремленія этихъ двухъ классовъ могли объединяться на продолжительное время. Рано или поздно въ каждой странѣ съ капиталистическимъ способомъ производства участіе рабочаго класса въ политикѣ должно неизбѣжно привести къ тому, что онъ порываетъ съ буржуазными партіями и образуетъ самостоятельную *рабочую партію*. Это лежитъ въ природѣ вещей и не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ послѣ того, что нами было сказано относительно интересовъ, стремленій и взглядовъ обоихъ этихъ классовъ.

Когда пролетаріатъ той или иной страны приходитъ къ необходимости сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, такъ сказать, перерѣзать пуповину, соединяющую его политически съ буржуазнымъ обществомъ, изъ нѣдръ котораго онъ вышелъ,—это зависитъ прежде всего отъ уровня экономическаго развитія данной страны, которымъ главнымъ образомъ опредѣляется распространенность, сила и сплоченность пролетаріата. Однако, существуетъ цѣлый рядъ другихъ условій, имѣющихъ значеніе для болѣе или менѣе ранняго наступленія политической самостоятельности рабочаго класса. Въ особенности слѣдуетъ указать на два изъ нихъ: уровень пониманія рабочимъ классомъ политическихъ и экономическихъ условій и отношеніе къ нему буржуазныхъ партій. Оба эти условія до сихъ поръ были особенно благопріятны въ Германіи для политическаго отдѣленія рабочихъ отъ буржуазіи, гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было изъ крупныхъ промышленныхъ государствъ; такимъ образомъ, оказалось, что въ Германіи рабочее движеніе, въ смыслѣ независимости отъ

буржуазныхъ партій, далеко опередило рабочее движеніе другихъ странъ.

Но какъ бы ни было различно—подъ вліяніемъ различныхъ условій—то время, когда рабочее движеніе въ отдѣльныхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства сплачивается въ особую рабочую партію, – въ каждой изъ этихъ странъ къ этому ведетъ съ неизбѣжностью закона природы само экономическое развитіе.

Каждая политическая партія должна ставить своею цѣлью политическое господство. Она должна стремиться къ тому, чтобы подчинить государственную власть себѣ, т.-е. интересамъ того класса, представительницей котораго она является,—она должна стремиться стать господствующей партіей въ государствѣ. Организуясь въ самостоятельную партію, рабочій классъ тѣмъ самымъ съ естественной необходимостью ставитъ себѣ эту цѣль, а экономическое развитіе съ такою же естественной необходимостью приводитъ къ ея достиженію. Но и здѣсь, какъ и при отдѣленіи рабочихъ отъ буржуазныхъ партій, *моментъ* наступленія этого событія зависитъ не отъ одной только высоты промышленнаго развитія данной страны,—на ряду съ этимъ оказываетъ дѣйствіе еще цѣлый рядъ другихъ условій національнаго и международнаго характера. Точно также могутъ быть различны *способы*, которыми это совершается. Но одно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію для всякаго, слѣдившаго за экономическимъ и политическимъ развитіемъ современнаго общества, особенно въ теченіе послѣдняго столѣтія,—это *естественная необходимость конечной побѣды пролетаріата*. Въ то время какъ все больше и больше увеличивается распространенность, нравственная и политическая сила и экономическая необходимость пролетаріата; въ то время какъ классовая борьба воспитываетъ въ немъ чувство солидарности и дисциплины и расширяетъ его кругозоръ; въ то время какъ его организаціи непрерывно увеличиваются по своимъ размѣрамъ и сплоченности; въ то время какъ въ предѣлахъ капиталистическаго способа производства пролетаріатъ все болѣе становится важнѣйшимъ и, въ концѣ концовъ, единственнымъ работающимъ классомъ, отъ дѣятельности котораго зависитъ все общество,—все больше и больше сокращаются въ своей численности классы, враждебные пролетаріату, явно утрачиваютъ свою политическую и нравственную силу и становятся не только излишними, но отчасти даже вредными для прогресса производства, которое подъ ихъ руководствомъ приходитъ во все большее разстройство и создаетъ все болѣе невыносимое положеніе вещей.

Въ виду всего этого не можетъ быть сомнѣнія, на чью сторону, должна, въ концѣ концовъ, склониться побѣда. Страхъ передъ приближеніемъ конца уже давно обуялъ имущіе классы. Но они не хо-

тать признать всего ужаса своего положенія, они пытаются заглушить въ себѣ эти чувства ложью и ликованіемъ, они закрываютъ глаза, чтобы не видѣть той пропасти, къ которой они стремятся, и не замѣчаютъ, что этимъ самоослѣпленіемъ они ускоряютъ и дѣлаютъ еще болѣе неотвратимой свою гибель.

Но пролетаріатъ, этотъ низшій изъ всѣхъ эксплуатируемыхъ классовъ,—босяцкій пролетаріатъ не эксплуатируется, онъ самъ принадлежитъ къ паразитамъ,—не можетъ воспользоваться, какъ это до него дѣлали другіе классы, завоеваннымъ имъ господствомъ для того, чтобы взвалить бремя эксплуатаціи на плечи другихъ,—не можетъ самъ превратиться въ эксплуатирующій классъ. Онъ долженъ будетъ использовать свое господство для того, чтобы положить конецъ своей эксплуатаціи, а тѣмъ самымъ и всякой эксплуатаціи въ буржуазномъ обществѣ. Корень же его эксплуатаціи лежитъ въ частной собственности на средства производства. Пролетаріатъ можетъ устранить эксплуатацію, только уничтоживъ частную собственность. Если *отсутствіе частной собственности* у пролетаріата дѣлаетъ для пролетаріата *пріемлемымъ* уничтоженіе частной собственности, то *эксплуатація* пролетаріата *вынуждаетъ* его совершить это уничтоженіе и на мѣсто капиталистическаго производства поставить товарищеское производство.

Но мы уже видѣли, что при господствѣ товарнаго производства послѣднее не можетъ стать всеобщей формой производства. Для того, чтобы товарищеское производство поставить на мѣсто капиталистическаго, необходимо, чтобы мѣсто производства на рынокъ—товарнаго производства—заняло производство для общества и подъ контролемъ общества. И такъ, *соціалистическое производство* является естественно-необходимымъ слѣдствіемъ побѣды пролетаріата. Если-бы пролетаріатъ не захотѣлъ сознательно воспользоваться своимъ господствомъ въ государствѣ для того, чтобы, при помощи государственной власти, овладѣть средствами производства и ввести на мѣсто капиталистическаго товарнаго производства производство соціалистическое, то его вызвала бы къ жизни сама логика фактовъ,—хотя, быть можетъ, только послѣ многихъ промаховъ, ошибокъ и излишнихъ жертвъ, послѣ безполезной траты силъ и времени. Но соціалистическое производство настанетъ и не можетъ не настать. Его побѣда неизбѣжна, какъ только сдѣлалась неизбѣжной побѣда пролетаріата. Пролетаріатъ *долженъ* стремиться къ тому, чтобы воспользоваться своей побѣдой для уничтоженія своей эксплуатаціи, и онъ *не можетъ* достигнуть этой цѣли иначе, какъ благодаря соціалистическому производству. Само экономическое и политическое развитіе даетъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, картеляхъ, государственномъ хозяйствѣ исходные пункты для этого, оно само будетъ толкать пролетаріатъ по направленію къ соціализму

и приведетъ къ крушенію всякую попытку побѣдоноснаго пролетаріата какой-либо страны дать своему движенію другое направленіе,— и такимъ образомъ, даже въ томъ случаѣ, если бы пролетаріатъ первоначально и не чувствовалъ склонности къ соціализму, онъ, въ концѣ концовъ, самъ долженъ будетъ вступить на путь къ соціализму.

Однако, нѣтъ никакихъ основаній ожидать, что пролетаріатъ какой бы то ни было страны, разъ достигнувъ господства, обнаружитъ такое отрицательное отношеніе къ соціализму. Это значило бы лишь то, что развитіе его сознанія и его знанія остановились на младенческой ступени, въ то время какъ онъ достигъ полной зрѣлости въ экономическомъ, политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ и обладаетъ силой и способностью побѣдить и подчинить своей волѣ своихъ могущественныхъ противниковъ. Подобное несоотвѣтствіе въ развитіи въ высшей степени невѣроятно, особенно по отношенію къ пролетаріату. Мы уже часто указывали, что, благодаря машинѣ, въ пролетаріатѣ,—какъ только онъ поднялся изъ своей первоначальной приниженности, — развивается теоретическое мышленіе, способность проникаться великими задачами и цѣлями, выходящими за предѣлы интересовъ минуты,—все это мы тщетно искали бы у другихъ трудящихся и занятыхъ въ производствѣ классовъ, стоящихъ надъ нимъ или существовавшихъ до него. Но въ то же самое время экономическое развитіе современнаго общества совершается настолько быстро и выражается такими характерными массовыми явленіями, что оно доступно пониманію даже неученыхъ людей, разъ имъ на него укажутъ. А въ такихъ указаніяхъ нѣтъ недостатка, такъ какъ одновременно необыкновенно углубилось и расширилось пониманіе хода экономическаго развитія и всего хозяйственнаго механизма, благодаря завершенію *Карломъ Марксомъ* труда, начатаго буржуазной классической политической экономіей.

Всѣ силы соединяются для того, чтобы сдѣлать борющійся пролетаріатъ въ высшей степени воспріимчивымъ къ соціалистическому ученію. Соціализмъ несетъ ему не печальную, а радостную вѣсть, новое евангеліе. Господствующіе классы не могутъ признать соціализма, не совершивъ надъ собой моральнаго самоубійства. Напротивъ, пролетаріатъ черпаетъ изъ него новую жизнь, новыя силы, воодушевленіе и радостную надежду. Можетъ ли пролетаріатъ оставаться на долго равнодушнымъ или даже враждебнымъ къ такому ученію?

Тамъ, гдѣ дѣло дошло до образованія самостоятельной рабочей партіи, послѣдняя рано или поздно должна, съ естественной необходимостью, воспринять соціалистическія тенденціи,—если она не преисполнена ихъ съ самаго начала,—она должна, въ концѣ концовъ, стать *соціалистической* рабочей партіей: *соціалъ-демократіей*.

Теперь мы видимъ точно очерченныя границы главной области соціалъ-демократической вербовки. Въ короткихъ словахъ результаты только-что изложеннаго сводятся къ слѣдующему: носителями соціалистическаго движенія являются какъ разъ борющіеся, достигшіе политическаго самосознанія, слои промышленнаго пролетаріата. Но чѣмъ больше растетъ вліяніе пролетаріата на сосѣдніе съ нимъ общественные слои, чѣмъ больше онъ оказываетъ вліяніе на всѣ ихъ мысли и чувства,— тѣмъ больше втягиваются въ соціалистическое движеніе и эти слои.

Естественной цѣлью классовой борьбы пролетаріата является соціалистическое производство; раньше, чѣмъ оно не будетъ введено — эта борьба не можетъ окончиться. И какъ несомнѣнно то, что, въ концѣ концовъ, пролетаріатъ станетъ господствующимъ классомъ въ государствѣ, такъ же несомнѣнна и побѣда соціализма.

11. Рабочее движеніе и соціализмъ.

Соціалисты вовсе не знали заранѣе той роли, какую призванъ играть въ соціалистическомъ движеніи борющійся пролетаріатъ. Они, само собой разумѣется, и не могли этого знать, до тѣхъ поръ, пока не существовало борющагося пролетаріата Соціализмъ, однако, старше классовой борьбы пролетаріата. Его возникновеніе совпадаетъ съ возникновеніемъ пролетаріата, какъ массового явленія. Но пролетаріатъ существовалъ долгое время безъ всякаго проявленія самостоятельной жизни. Въ то время первымъ и единственнымъ источникомъ соціализма было *состраданіе*, которое питали филантропы изъ высшихъ классовъ къ бѣднымъ и несчастнымъ. Соціалистами были самые смѣлые и самые дальнозоркіе изъ этихъ друзей человѣчества, тѣ, которые всего яснѣе понимали, что корни пролетаріата лежатъ въ частной собственности на средства производства, и которые не побоялись сдѣлать отсюда самые крайніе выводы. Соціализмъ былъ самымъ рѣшительнымъ, самымъ проницательнымъ и самымъ величественнымъ выраженіемъ буржуазной филантропіи. Тогда еще не было такого классового интереса, во имя котораго соціалисты могли бы звать къ борьбѣ для достиженія своей цѣли; они могли лишь обращаться къ энтузіазму и сочувствію идеалистовъ изъ высшихъ классовъ; они пытались привлечь ихъ, съ одной стороны заманчивыми описаніями соціалистическаго общества, съ другой—яркими картинами царящей нищеты. Не борьбою, а мирнымъ убѣжденіемъ имѣлось въ виду побудить богатыхъ и сильныхъ міра сего дать средства для серьезнаго облегченія нужды, для созданія идеальнаго общества. Соціалисты этого періода, какъ извѣстно, напрасно ждали тѣхъ милліонеровъ и

государей, великодушіе которыхъ должно было избавить человѣчество.

Въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка (XIX-го), пролетаріатъ началъ обнаруживать признаки самостоятельной жизни. Въ тридцатыхъ годахъ мы уже находимъ во Франціи, а особенно въ Англіи, сильное рабочее движеніе.

Но соціалисты не поняли его. Они считали невозможнымъ, чтобы бѣдные, невѣжественные, грубые пролетаріи могли когда-нибудь подняться на ту нравственную высоту и достигнуть такой общественной силы, которыя необходимы для, осуществленія соціалистическихъ стремленій. И не только недовѣріе чувствовали они къ рабочему движенію. Оно было для нихъ неудобно уже потому, что грозило лишить ихъ одного изъ крупныхъ аргументовъ. Вѣдь буржуазные соціалисты только въ томъ случаѣ могли надѣяться, что чувствительный буржуа сознаетъ необходимость соціализма, когда имъ удастся представить доказательство, что это—единственное средство хоть сколько-нибудь облегчить нужду, что всякія попытки смягчить ее, поднять неимущихъ въ современномъ обществѣ—тщетны, и что подняться собственными силами для пролетаріевъ невозможно. Рабочее же движеніе исходило изъ предпосылокъ, которыя противорѣчили этому ходу мыслей. Къ этому присоединялся еще и другой моментъ.—Классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей, естественно ожесточала послѣднюю противъ поднимающихся пролетаріевъ. Въ глазахъ буржуазіи послѣдніе превращались изъ несчастныхъ, достойныхъ сожалѣнія людей, которымъ необходимо было помочь, въ порочную сволочь, которую слѣдуетъ усмирить и обуздать. Главный источникъ соціализма въ буржуазныхъ кругахъ—состраданіе къ бѣднымъ и несчастнымъ—началъ изсякать. Сами соціалистическія ученія стали уже казаться испуганной буржуазіи не невинной игрушкой, но въ высшей степени опаснымъ оружіемъ, которое могло попасть въ руки массы и причинить несказанныя бѣды. Короче, чѣмъ сильнѣе росло рабочее движеніе, тѣмъ труднѣе становилась соціалистическая пропаганда среди господствующихъ классовъ, тѣмъ враждебнѣе выступали они противъ соціализма.

Пока соціалисты держались того взгляда, что средства для достиженія соціалистическихъ цѣлей могутъ быть почерпнуты только у высшихъ классовъ, они не только должны были относиться съ недовѣріемъ къ рабочему движенію, но часто даже враждебно,—они должны были склоняться къ тому, что ничто не вредитъ дѣлу соціализма больше, чѣмъ классовая борьба.

Отрицательное отношеніе буржуазныхъ соціалистовъ къ рабочему движенію, естественно, не осталось безъ вліянія на отношеніе послѣдняго къ соціализму. Если передовая часть пролетаріата не только не находила въ своей борьбѣ поддержки, но даже скорѣе встрѣчала отпоръ со сто-

роны этихъ соціалистовъ, если ихъ ученія грозили лишить пролетаріатъ мужества, вмѣсто того чтобы воодушевить его,—то это легко могло поселить въ пролетаріатѣ недовѣріе и отрицательное отношеніе къ соціалистическимъ ученіямъ во всей ихъ совокупности, а не только къ примѣненію ихъ въ текущей борьбѣ. Этому еще способствовала необразованность и темнота, которыя господствовали въ массахъ даже борющихся пролетаріевъ въ началѣ рабочаго движенія. Узость ихъ кругозора мѣшала имъ понять конечную цѣль соціализма, къ тому же имъ еще недоставало глубокаго и яснаго сознанія общественнаго положенія и задачъ ихъ класса; они чувствовали лишь глухой *классовой инстинктъ*, который ихъ училъ относиться съ недовѣріемъ ко всему, что исходило отъ буржуазіи, а слѣдовательно, и къ соціализму того времени и вообще къ буржуазной филантропіи.

Въ нѣкоторыхъ рабочихъ слояхъ, особенно въ Англіи, недовѣріе къ соціализму пустило въ то время глубокіе корни. И, на ряду съ другими причинами, этимъ объясняется, отчасти, почему Англія до послѣднихъ двухъ десятилѣтій оставалась почти недоступной для соціалистическихъ стремленій, хотя новѣйшій соціализмъ относится совершенно иначе къ рабочему движенію, чѣмъ соціализмъ буржуазныхъ утопистовъ.

Однако, какъ ни велика бывала по временамъ пропасть между борющимся пролетаріатомъ и соціализмомъ, послѣдній настолько отвѣчаетъ потребностямъ болѣе развитого пролетарія, что даже тамъ, гдѣ массы относились къ соціализму враждебно, наиболѣе свѣтлыя головы среди рабочаго класса охотно тянулись къ соціализму, поскольку онѣ имѣли возможность ознакомиться съ его ученіемъ. Благодаря имъ воззрѣнія буржуазныхъ соціалистовъ подвергались серьезнымъ измѣненіямъ. Имъ не приходилось, подобно буржуазнымъ соціалистамъ, считаться съ буржуазіей, которую они ненавидѣли и противъ которой ожесточенно боролись; мирный соціализмъ буржуазныхъ утопистовъ, который долженъ былъ принести избавленіе человѣчеству, благодаря вмѣшательству лучшихъ элементовъ высшихъ классовъ, превращался у рабочихъ въ насильственный, революціонный соціализмъ, объ осуществленіи котораго должны были позаботиться пролетарскіе кулаки.

Но и этотъ первобытный рабочій соціализмъ не отличался пониманіемъ рабочаго движенія; и онъ относился къ классовой борьбѣ,—по крайней мѣрѣ, къ ея высшей формѣ, къ борьбѣ политической — враждебно, хотя, разумѣется, по другимъ причинамъ, чѣмъ буржуазные утописты. Въ научномъ отношеніи ему было невозможно пойти дальше этихъ послѣднихъ. Пролетарій въ лучшемъ случаѣ можетъ усвоить и приспособить для своихъ цѣлей и потребностей часть тѣхъ знаній, которыя добыты буржуазной ученостью, но пока онъ остается пролетаріемъ, у него нѣтъ ни необходимаго досуга, ни средствъ, чтобы

развивать науку самостоятельно, дальше предѣловъ, достигнутыхъ буржуазными мыслителями. Такимъ образомъ, и первобытный рабочій соціализмъ долженъ былъ носить всѣ существенныя черты утопизма: онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ экономическомъ развитіи, которое создаетъ матеріальные элементы соціалистическаго производства и путемъ классовой борьбы воспитываетъ и ведетъ къ зрѣлости этотъ классъ, который призванъ овладѣть этими элементами и развить изъ нихъ новое общество. Подобно буржуазнымъ утопистамъ, эти пролетаріи думали, что общественная форма—это зданіе, которое по желанію можно построить согласно заранѣе составленному плану, если только имѣются средства и мѣсто для постройки. Что касается силы, необходимой для постройки, то эти энергичные и смѣлые, но столь же наивные, пролетарскіе утописты вѣрили, что ея у нихъ хватитъ; все дѣло шло лишь о томъ, чтобы добыть необходимое мѣсто и необходимыя средства. Конечно, они уже не расчитывали ни на какихъ милліонеровъ и государей, которые могли бы имъ все это дать; все необходимое должна была дать *революція*, она должна была разрушить старое зданіе, уничтожить старыя власти и передать въ руки изобрѣтателя или небольшой группы изобрѣтателей новаго плана постройки диктатуру, которая поможетъ новому Мессіи соорудить зданіе соціалистическаго общества.

Въ этой аргументаціи классовой борьбѣ не было мѣста. Пролетарскіе утописты слишкомъ жгуче чувствовали нищету, въ которой они жили, и потому со всѣмъ нетерпѣніемъ желали ея немедленнаго устраненія. Если бы даже они считали возможнымъ, что классовая борьба можетъ постепенно поднять пролетаріатъ и сдѣлать способнымъ къ дальнѣйшему развитію общества, то и тогда эта процедура казалась бы имъ слишкомъ сложной. Но они и не вѣрили въ такой подъемъ. Они стояли въ самомъ началѣ рабочаго движенія; слои пролетаріевъ, принимавшіе въ немъ участіе, были незначительны, и среди этихъ немногихъ борющихся пролетаріевъ находились лишь отдѣльные люди, которые имѣли въ виду нѣчто большее, чѣмъ защиту своихъ минутныхъ интересовъ. Воспитать для соціалистическаго мышленія широкія массы населенія—казалось дѣломъ безнадежнымъ. Единственное, что могла дать эта масса, это—взрывъ отчаянія, которымъ она уничтожила бы существующее и освободила бы путь для соціалистовъ. Чѣмъ хуже становилось положеніе массъ, тѣмъ скорѣе должна была, по мнѣнію этихъ первобытныхъ рабочихъ соціалистовъ, наступить минута, когда положеніе сдѣлается настолько невыносимымъ, что массы взорвутъ гнетущее ихъ общественное зданіе. Борьба за постепенный подъемъ рабочаго класса была, по мнѣнію этихъ соціалистовъ, не только безнадежной, но и рѣшительно вредной, такъ какъ ничтожныя и мимолетныя улучшенія, которыхъ онъ могъ достигнуть, дѣлали массы болѣе выносливыми и тѣмъ от-

даляли моментъ ихъ возстанія и краха всего существующаго, а слѣдовательно, и моментъ основательнаго устраненія нищеты. Всякая форма классовой борьбы, которая не имѣла своей цѣлью немедленное и полное разрушеніе существующаго, т. е. всякая серьезная, дѣятельная форма классовой борьбы, считалась, поэтому, въ глазахъ такихъ соціалистовъ, не болѣе и не менѣе какъ *измѣной дѣлу человѣчества*.

Больше полувѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ изложенные взгляды, самымъ геніальнымъ выразителемъ которыхъ, былъ, пожалуй, *Вейтлингъ*, появились среди рабочаго класса. Они не исчезли еще и до настоящаго времени. Склонность къ нимъ обнаруживаетъ всякій пролетарскій слой, готовящійся вступить въ ряды борющагося пролетаріата: она обнаруживается въ каждой странѣ, пролетаріатъ которой начинаетъ проникаться сознаніемъ своего недостойнаго и невыносимаго положенія и усваивать соціалистическія тенденціи, не обладая еще яснымъ пониманіемъ общественныхъ отношеній и не вѣря въ свои силы для упорной классовой борьбы; а такъ какъ, вновь и вновь, новые пролетарскіе слои выбиваются изъ болота, въ которое ихъ загнало экономическое развитіе, такъ какъ все новыя и новыя страны переходятъ къ капиталистическому способу производства и подвергаются пролетаризаціи,—то подобные взгляды первобытныхъ утопическихъ рабочихъ соціалистовъ могутъ постоянно снова всплывать на поверхность. Это—дѣтская болѣзнь, которая угрожаетъ всякому молодому пролетарско-соціалистическому движенію, которое еще не освободилось отъ утопизма.

Въ настоящее время подобнаго рода соціалистическія воззрѣнія называютъ *анархизмомъ*, но они отнюдь не стоятъ въ непремѣнной связи съ анархизмомъ. Возникая не изъ яснаго сознанія, а лишь изъ инстинктивнаго возмущенія противъ существующаго, эти воззрѣнія могутъ быть связаны съ самыми разнообразными теоретическими взглядами. Впрочемъ, грубый и насильственный соціализмъ первобытнаго пролетарія и нерѣдко весьма впечатлительный, нѣжно-настроенный мирный анархизмъ утонченнаго мелкаго буржуа идутъ въ наши дни охотно рука-объ-руку, потому что при всемъ глубокомъ различіи они имѣютъ одну общую черту: отвращеніе и даже ненависть къ упорной классовой борьбѣ, въ особенности къ ея высшей формѣ—борьбѣ политической.

Пролетарскій утопическій соціализмъ такъ же мало, какъ и буржуазный, могъ разрѣшить противорѣчіе между соціализмомъ и рабочимъ движеніемъ. Хотя иногда пролетарскіе утописты бывали вынуждены обстоятельствами принимать участіе въ классовой борьбѣ, но при шаткости ихъ теоретической позиціи это участіе приводило не къ окончательному сліянію соціализма съ рабочимъ движеніемъ, а къ

вытѣсненію перваго послѣднимъ. Извѣстно, что анархическое движеніе (понимая это слово въ смыслѣ упомянутаго пролетарскаго утопизма) всюду, гдѣ оно становилось массовымъ движеніемъ, гдѣ оно превращалось въ дѣйствительную классовую борьбу, всегда — рано или поздно,—несмотря на свой кажущійся радикализмъ, кончало тѣмъ, что превращалось въ замкнутое, либо чисто-профессіональное, либо чисто-кооперативное, движеніе.

12. Соціалъ-демократія — соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ.

Чтобы примирить соціалистическое и рабочее движеніе другъ съ другомъ и достигнуть сліянія ихъ въ единое движеніе, соціализмъ долженъ выйти изъ круга идей утопизма. Это всемірно-историческое дѣло составляетъ заслугу *Маркса* и *Энгельса*, которые въ 1847 году въ своемъ «Коммунистическомъ Манифестѣ» положили научныя основы новаго, современнаго соціализма или,—какъ говорятъ въ настоящее время,—соціалъ-демократіи. Этимъ они поставили соціализмъ на прочный фундаментъ и превратили его изъ прекраснаго сна благожелательныхъ мечтателей въ предметъ серьезной борьбы, доказали, что соціализмъ есть естественно-необходимое слѣдствіе экономическаго развитія. Борющемуся пролетаріату они дали ясное сознаніе его историческихъ задачъ и дали ему возможность самымъ прямымъ, сопряженнымъ съ наименьшими жертвами, путемъ идти къ намѣченной цѣли. Передъ соціалистами теперь стоитъ задача—не *изобрѣтать* новое общество произвольно, а лишь *открывать* его элементы въ существующемъ обществѣ. Имъ не приходится нести пролетаріату избавленіе отъ нищеты сверху, но имъ приходится оказывать поддержку его классовой борьбѣ, увеличивая его сознательность и помогая его экономическимъ и политическимъ организаціямъ, чтобы онъ могъ скорѣе и безболѣзненнѣе достичь того времени, когда онъ будетъ въ состояніи самъ себя освободить. *Сдѣлать классовую борьбу пролетаріата возможно болѣе сознательной и цѣлесообразной—вотъ задача соціалъ-демократіи.*

Намъ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшее изложеніе ученія Маркса и Энгельса, такъ какъ вся наша книга основана на немъ и представляетъ не что иное, какъ изложеніе и популяризацію этого ученія.

Благодаря этому ученію, классовая борьба пріобрѣтаетъ новый характеръ. До тѣхъ поръ пока соціалистическое производство не является сознанной цѣлью, пока стремленія борющагося пролетаріата не выходятъ за предѣлы существующаго способа производства,—

классовая борьба вращается какъ бы въ замкнутомъ кругу, не двигаясь съ мѣста, и стремленіе пролетаріата къ болѣе удовлетворительному существованію становится какъ бы Сизифовой работой. Вѣдь, принижающія тенденціи капиталистическаго способа производства вовсе не устраняются, благодаря классовой борьбѣ и ея завоеваніямъ, но— въ лучшемъ случаѣ—лишь нѣсколько ослабляются. Пролетаризація промежуточныхъ слоевъ общества совершается непрерывно, отдѣльные члены и цѣлые слои трудящихся классовъ постоянно низвергаются въ ряды босяцкаго пролетаріата, алчность капиталистовъ въ погонѣ за прибылью не перестаетъ угрожать всѣмъ завоеваніямъ находящихся въ благопріятныхъ условіяхъ слоевъ рабочаго класса. Всякое сокращеніе рабочаго времени, достигнуто ли оно экономической или политической борьбой, служитъ для капиталистовъ поводомъ къ введенію сберегающихъ трудъ машинъ, къ еще большему напряженію труда; на каждое улучшеніе рабочихъ организацій капиталисты отвѣчаютъ улучшеніемъ своихъ организацій и т. д. А при этомъ безработица все возрастаетъ, кризисы становятся болѣе обширными и болѣе глубокими, необезпеченность существованія становится все больше и все мучительнѣе. Возвышеніе рабочаго класса, къ которому приводитъ классовая борьба, имѣетъ не столько экономическое, сколько моральное значеніе. Вслѣдствіе классовой борьбы и ея завоеваній экономическія условія пролетаріевъ въ общемъ и цѣломъ улучшаются лишь незначительно и медленно,—если вообще они улучшаются. Но самоуваженіе пролетаріевъ растетъ, а съ нимъ и уваженіе, которое оказываютъ ему другіе классы общества; пролетаріи начинаютъ чувствовать себя равноправными съ высшими классами и сравнивать свою судьбу съ ихъ судьбой; они начинаютъ предъявлять большія требованія къ себѣ, къ своему жилищу и одеждѣ, къ своимъ познаніямъ, къ воспитанію своихъ дѣтей и т. д.,—они требуютъ и для себя доли во всѣхъ завоеваніяхъ культуры. Наконецъ, они становятся болѣе чуткими ко всякому униженію и угнетенію.

Это моральное возвышеніе пролетаріата равнозначуще пробужденію и постоянному росту его «ненасытности». Послѣдняя растетъ въ немъ гораздо быстрѣе, чѣмъ всѣ улучшенія его экономическаго положенія, совмѣстимыя съ современной системой эксплуатаціи. Всѣ эти улучшенія,—которыхъ одни ожидаютъ, а другіе—опасаются, что они сдѣлаютъ рабочихъ довольными, должны отставать отъ притязаній рабочихъ, являющихся естественно необходимымъ слѣдствіемъ ихъ моральнаго возвышенія. Поэтому, послѣдствіемъ классовой борьбы можетъ быть только постоянный ростъ недовольства пролетаріата своимъ положеніемъ. Ростъ этого недовольства, — которое естественнымъ образомъ сильнѣе всего обнаруживается тамъ, гдѣ повышеніе экономическаго уровня пролетаріата наиболѣе отстаетъ отъ

его моральнаго подъема,—нигдѣ не можетъ остановится на сколько-нибудь продолжительное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ классовая борьба оказывается, въ концѣ концовъ, безцѣльной и безплодной, если только она не стремится выйти за предѣлы существующаго способа производства. Чѣмъ выше поднимаетъ она положеніе пролетарія, тѣмъ дальше онъ видитъ себя отъ цѣли своихъ стремленій, отъ довольнаго существованія, отвѣчающаго его взглядамъ на человѣческое достоинство.

Только соціалистическое производство можетъ положить конецъ этому несоотвѣтствію между требованіями рабочихъ и средствами, служащими для ихъ удовлетворенія, уничтоживъ эксплуатацію и классовыя различія; но тѣмъ самымъ оно устранитъ и тотъ могучій поводъ къ недовольству рабочихъ своей судьбой, который порождается примѣромъ роскоши эксплуататоровъ. Но разъ будетъ уничтоженъ этотъ поводъ, то само собой явится и ограниченіе притязаній рабочихъ, до соотвѣтствія между ихъ потребностями и наличными средствами ихъ удовлетворенія. А мы уже видѣли, насколько соціалистическое производство увеличиваетъ эти средства.

Это мучительное недовольство, эта «ненасытность» чужды коммунистическому обществу. Наоборотъ, они выростаютъ съ естественной необходимостью изъ классового антагонизма и эксплуатаціи тамъ, гдѣ эксплуатируемые чувствуютъ себя нравственно равными своимъ эксплуататорамъ или даже превосходящими ихъ. И, разъ только эксплуатируемый классъ достигъ такой высоты,—его «ненасытность» не исчезнетъ, пока онъ не положитъ конецъ своей эксплуатаціи.

Итакъ, до тѣхъ поръ, пока классовая борьба пролетаріата стояла въ противорѣчіи къ соціализму, пока она не имѣла никакой другой цѣли, кромѣ завоеванія пролетаріату сколько-нибудь удовлетворительнаго положенія при помощи различныхъ уступокъ, въ предѣлахъ современнаго общества,—она не могла достигнуть своей цѣли. Она напоминала безконечный винтъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ соціалистическое движеніе слилось съ рабочимъ движеніемъ: теперь рабочее движеніе получило цѣль, къ которой оно явно приближается,—теперь всѣ стороны этой борьбы,—даже тѣ, которыя не приводятъ къ непосредственнымъ практическимъ результатамъ, пріобрѣтаютъ значеніе, если только они развиваютъ самосознаніе и авторитетъ пролетаріата, его товарищескую сплоченность и его дисциплину. Теперь даже проигранное съ виду сраженіе превращается въ побѣду, теперь каждая проигранная стачка, каждый отклоненный законопроектъ, который долженъ былъ служить интересамъ пролетаріата, означаютъ шагъ впередъ къ цѣли, къ достиженію достойнаго человѣческаго существованія. Отнынѣ всѣ экономическія и политическія мѣропріятія, касающіяся пролетаріата,—преслѣдуютъ ли они враждебныя или дружественныя ему тенденціи, удаются ли они, или

нѣтъ,—одинаково обращаются ему на пользу, поскольку они способствуютъ его пробужденію и моральному возвышенію. Отнынѣ борющійся пролетаріатъ уже не уподобляется войску, которое, не двигаясь съ мѣста, съ трудомъ и огромными потерями отстаиваетъ разъ занятую имъ позицію,—теперь даже слѣпому становится все яснѣе и яснѣе, что пролетаріатъ—завоеватель, предъ которымъ ни что не можетъ устоять, побѣдоносному шествію котораго ни что не можетъ воспрепятствовать.

13. Международный характеръ соціалъ-демократіи.

Новый соціализмъ, основанный Марксомъ и Энгельсомъ, ведетъ свое происхожденіе изъ Германіи. Оба его основателя были нѣмцы; нѣмцами были ихъ первые ученики, первыя сочиненія, излагавшія соціализмъ, появились на нѣмецкомъ языкѣ. Уже это одно можетъ служить объясненіемъ, хотя и не является единственной причиной, того, что сліяніе соціализма съ рабочимъ движеніемъ совершилось прежде всего въ Германіи, что *въ Германіи* впервые *соціалъ-демократія* пустила свои корни,—понимая подъ Германіей не Германскую Имперію, а всѣ мѣстности съ значительнымъ числомъ говорящихъ по-нѣмецки рабочихъ.

Однако, распространеніе соціалъ-демократіи не ограничилось одной Германіей. Основатели современнаго соціализма съ самаго начала признали международный характеръ, который стремится въ настоящее время всюду принять рабочее движеніе, и потому старались съ самаго начала построить свою пропаганду на международныхъ основахъ.

Международныя сношенія, въ силу естественной необходимости, тѣсно связаны съ капиталистическимъ способомъ производства. Его развитіе изъ простого товарнаго производства находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ міровой торговли. Но послѣдняя невозможна безъ мирныхъ сношеній отдѣльныхъ націй между собою; для своего развитія міровая торговля требуетъ, чтобы иностранный купецъ былъ бы такъ же защищенъ въ странѣ, съ которой онъ ведетъ торговлю, какъ и у себя на родинѣ. Благодаря міровой торговлѣ сильно поднимается также общественное положеніе купца. Его образъ мыслей начинаетъ оказывать вліяніе и на образъ мыслей вообще всего общества. Но купецъ всегда являлся самымъ подвижнымъ элементомъ; его принципъ всегда былъ: ubi bene, ibi patria, т. е. гдѣ хорошо, гдѣ есть прибыль, тамъ и мое отечество.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ расширяется міровая торговля и капиталистическое производство, въ буржуазномъ обществѣ развиваются и космополитическія тенденціи, требованія вѣчнаго міра между націями, братства народовъ.

Однако, капиталистическій способъ производства порождаетъ самыя странныя противорѣчія; подобно тому, какъ ему свойственны въ одно и тоже время тенденціи къ увеличенію равенства и неравенства, къ приниженію пролетаріата до самаго глубокаго паденія, и на ряду съ этимъ къ возвышенію его до уровня господствующаго класса, тенденціи къ полной свободѣ индивида и полному его порабощенію,— точно также и тенденція къ осуществленію братства народовъ идетъ рука-объ-руку съ тенденціей къ увеличенію національнаго антагонизма. Обмѣнъ требуетъ мира, но конкуренція порождаетъ войну. Если въ каждой странѣ и отдѣльные капиталисты, и отдѣльные классы находятся по отношенію другъ къ другу на военномъ положеніи, то въ такомъ же положеніи находятся между собой капиталисты и капиталистическіе классы отдѣльныхъ націй. Каждая нація старается расширить рынокъ для сбыта своихъ произведеній и вытѣснить съ этого рынка другихъ. Чѣмъ болѣе развитъ міровой обмѣнъ, чѣмъ необходимѣе всеобщій миръ, тѣмъ ожесточеннѣе борьба изъ-за конкуренціи, тѣмъ больше опасность враждебныхъ столкновеній между отдѣльными націями. Чѣмъ болѣе тѣсны международныя сношенія, тѣмъ настойчивѣе стремленіе къ національной замкнутости. Чѣмъ сильнѣе потребность въ мирѣ, тѣмъ грознѣе опасность войны; эти, казалось бы, нелѣпыя противорѣчія вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру капиталистическаго способа производства. Они присущи въ скрытомъ состояніи уже простому товарному производству, но только капиталистическое производство развиваетъ ихъ до чудовищныхъ, невыносимыхъ размѣровъ. И тотъ фактъ, что оно въ такой же степени повышаетъ тенденціи къ войнѣ, въ какой дѣлаетъ необходимымъ миръ, является лишь однимъ изъ многихъ противорѣчій, которыя несутъ ему гибель.

Пролетаріатъ не принимаетъ участія въ этомъ противорѣчивомъ положеніи, которое создается этимъ путемъ для всѣхъ остальныхъ классовъ общества. Чѣмъ больше онъ развивается и становится самостоятельнымъ классомъ, тѣмъ очевиднѣе становится въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ тотъ фактъ, что изъ двухъ противорѣчивыхъ тенденцій капиталистическаго способа производства его касается лишь *одна* изъ нихъ, другая же все больше и больше утрачиваетъ для него всякое значеніе. Такъ, напр., современный способъ производства порождаетъ въ одно и то же время тенденцію къ сплоченію производителей въ крупные союзы для общей дѣятельности и, съ другой стороны, тенденцію къ ожесточенной борьбѣ всѣхъ (производителей) противъ всѣхъ. Въ пролетаріатѣ вторая тенденція перестаетъ дѣйствовать. Вмѣсто противорѣчія между *монополіей и конкуренціей*, которое истощаетъ и раздираетъ буржуазію, мы находимъ въ пролетаріатѣ все большее и большее проявленіе только первой изъ этихъ тенденцій, способствующей усиленію и укрѣпленію пролетарской *солидарности.*

Естественнымъ послѣдствіемъ этой «односторонности» является то, что больше и больше оказываетъ явное вліяніе на пролетаріевъ различныхъ культурныхъ странъ только тенденція къ тѣсному *международному сплоченію*, тенденція же къ *національной* замкнутости и *національной борьбѣ* утрачиваетъ въ ихъ рядахъ всякое вліяніе.

Капиталистическій способъ производства оторвалъ рабочаго отъ почвы, сдѣлавъ его неимущимъ. У рабочаго нѣтъ постояннаго жилища, а потому нѣтъ и постоянной родины. Подобно купцу и онъ также держится принципа: ubi bene, ibi patria,—гдѣ лучшія условія труда, тамъ и моя родина. Уже ремесленные подмастерья начали распространять свои странствія на чужія земли, и слѣдствіемъ этого явились тѣ зачатки международнаго сплоченія, на которые мы указывали. Но что значатъ эти странствія въ сравненіи съ современными, при нынѣшнемъ развитіи путей сообщенія! Къ тому же подмастерье, странствуя, имѣлъ намѣреніе опять вернуться на свою родину,—современный же пролетарій странствуетъ съ женой и дѣтьми, чтобы остаться тамъ, гдѣ ему удастся найти наилучшія условія труда. Онъ не туристъ, а кочевникъ.

Подобно пролетарію и купецъ,—по крайней мѣрѣ ведущій міровую торговлю,—стремится стать независимымъ отъ родной почвы и поселиться тамъ, гдѣ онъ лучше всего можетъ обезпечить свои коммерческіе интересы. Но онъ не теряетъ благодаря этому связи съ своимъ отечествомъ. Вѣдь за границей его общественное положеніе, возможность безпрепятственно вести дѣла и обрабатывать иностранныхъ коллегъ, въ значительной степени зависитъ отъ вліянія и силы государства, къ которому онъ принадлежитъ, которое его защищаетъ. Слѣдовательно, купецъ и за границей остается націоналистомъ; обыкновенно эти господа являются самыми крайними шовинистами, — они чувствуютъ самымъ непосредственнымъ образомъ, что значитъ величіе ихъ отечества для ихъ кармана.

Въ иномъ положеніи находится пролетаріатъ. У себя на родинѣ онъ не избалованъ государственной охраной его интересовъ; онъ и за-границей, по крайней мѣрѣ въ культурныхъ странахъ, обыкновенно не нуждается въ защитѣ со стороны своего отечества. Наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ онъ попадаетъ въ такую страну, въ которой законы и управленіе благопріятнѣе для рабочихъ, чѣмъ на его родинѣ. И его новые товарищи вовсе не заинтересованы въ томъ, чтобы лишать его законодательной охраны въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нуждается въ ней наиболѣе настоятельно, а именно по отношенію къ своему эксплуататору. Напротивъ, ихъ собственный интересъ заставляетъ ихъ заботиться о томъ, чтобы его способность къ сопротивленію эксплуататору возрастала.

Такимъ образомъ, современный пролетарій отрывается отъ своей

родины совершенно иначе, чѣмъ странствующій подмастерье цехового періода или купецъ. Онъ становится истиннымъ космополитомъ, его отечество—весь міръ.

Правда, этотъ космополитизмъ влечетъ за собой различныя неудобства и даже опасности для рабочихъ тѣхъ странъ, въ которыхъ уровень жизни рабочихъ выше и условія труда лучше, и въ которыхъ, поэтому, иммиграція превосходитъ эмиграцію. Вѣдь, нельзя отрицать того, что эти, достигшіе болѣе высокаго уровня, рабочіе испытываютъ благодаря конкуренціи со стороны менѣе требовательныхъ и менѣе способныхъ къ сопротивленію пришлецовъ, значительную помѣху въ своей классовой борьбѣ.

Иногда эта конкуренція, подобно конкуренціи между капиталистами различныхъ націй, можетъ повести къ обостренію національнаго антагонизма, къ національной ненависти туземныхъ рабочихъ къ чужестранцамъ. Но національная борьба, представляющая въ буржуазной средѣ постоянное явленіе, въ пролетарскихъ кругахъ всегда носитъ преходящій характеръ.

Вѣдь рано или поздно послѣдніе неизбѣжно придутъ къ сознанію,—если не инымъ путемъ, то путемъ горькаго опыта,—что иммиграція болѣе дешевыхъ рабочихъ силъ изъ отсталыхъ мѣстностей въ мѣстности передовыя въ экономическомъ отношеніи стоитъ въ такой-же необходимой связи съ капиталистическимъ способомъ производства, какъ введеніе машинъ и примѣненіе женскаго труда въ промышленности, и что подавить иммиграцію такъ же невозможно, какъ и оба эти явленія.

Рабочее движеніе передовыхъ странъ испытываетъ еще въ другомъ отношеніи ущербъ, благодаря отсталости рабочихъ за границей: степень эксплуатаціи, которой подвергаются эти послѣдніе, является для капиталистовъ болѣе развитой страны отличнымъ предлогомъ, а иногда и дѣйствительнымъ основаніемъ, противиться стремленіямъ своихъ рабочихъ къ улучшенію условій труда путемъ законодательства или «свободнаго» соглашенія.

И тѣмъ и другимъ путемъ рабочимъ, остающимся въ своей странѣ, становится ясно, въ какой степени успѣхи ихъ классовой борьбы зависятъ отъ успѣховъ рабочаго класса въ другихъ странахъ. Если иногда они испытываютъ вражду къ иностраннымъ рабочимъ, то, въ концѣ концовъ, все-же верхъ беретъ сознаніе, что существуетъ только *одно* дѣйствительное средство устранить тормозящее вліяніе отсталости другихъ странъ это—*устраненіе самой этой отсталости.* У нѣмецкихъ рабочихъ имѣются всѣ основанія желать, а гдѣ можно—и содѣйствовать тому, чтобы славянскіе и итальянскіе рабочіе, какъ у себя на родинѣ, такъ и на чужбинѣ, добились повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени: въ этомъ же заинтересованы

въ свою очередь англійскіе рабочіе по отношенію къ нѣмецкимъ и другимъ, американскіе—по отношенію къ европейскимъ.

Тѣсная зависимость классовой борьбы пролетаріата какой-либо страны отъ классовой борьбы въ другихъ странахъ, съ естественной необходимостью ведетъ къ тѣсному сплоченію борющихся пролетарскихъ слоевъ всѣхъ странъ.

Все больше и больше исчезаютъ остатки національной замкнутости и національной вражды, перенятой пролетаріатомъ отъ буржуазіи, все больше и больше онъ освобождается отъ національныхъ предразсудковъ. все больше и больше рабочій научается признавать и цѣнить въ иностранномъ товарищѣ-рабочемъ, на какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ, своего товарища по борьбѣ, своего брата.

Тѣснѣе всего должна быть, естественно, международная солидарность между тѣми пролетарскими слоями различныхъ націй,—которые ставятъ себѣ одинаковыя цѣли и добиваются ихъ одинаковыми средствами.

Необходимость международнаго объединенія классовой борьбы пролетаріата, разъ эта борьба должна по своимъ цѣлямъ, силѣ и размѣрамъ выйти за опредѣленныя границы, была съ самаго начала признана авторами Коммунистическаго Манифеста. Послѣдній обращается къ *пролетаріямъ всѣхъ странъ* и заканчивается призывомъ: «соединяйтесь!» И организаціей, которая приняла принципы, положенные въ основу Манифеста и отъ имени которой Манифестъ былъ изданъ, была *международная* организація—«*Союзъ Коммунистовъ*».

Пораженіе революціонныхъ движеній 1848 и 1849 гг. положило конецъ этому союзу, но, съ пробужденіемъ рабочаго движенія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ вновь возродился въ видѣ «Международнаго Товарищества Рабочихъ» (основаннаго въ 1864 г.), душой котораго былъ опять Марксъ. Задачей этого Товарищества было не только пробуждать чувство международной солидарности въ пролетаріяхъ различныхъ странъ, но и дать имъ общую цѣль и указать общій путь къ этой цѣли. Первая задача была въ достаточной степени имъ выполнена, со второю же оно отчасти потерпѣло крушеніе. «Интернаціоналъ» долженъ былъ осуществить во всѣхъ странахъ сліяніе борющагося пролетаріата съ современнымъ соціализмомъ. Онъ провозгласилъ, что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть завоевано лишь самими рабочими; что политическое движеніе является лишь простымъ вспомогательнымъ средствомъ для этой цѣли, и что освобожденіе пролетаріата невозможно, пока будетъ продолжаться его зависимость отъ монополистовъ средствъ производства—этихъ источниковъ жизни. Противъ этихъ основныхъ принциповъ въ «Интернаціоналѣ» образовалась оппозиція, которая все болѣе усиливалась, по мѣрѣ того, какъ становилось ясно, что выводомъ изъ этихъ

принциповъ должна явиться соціалъ-демократія. Всѣ сторонники буржуазнаго, мелкобуржуазнаго и примитивно-пролетарскаго утопизма, которые лѣтъ 30—40 тому назадъ были еще сравнительно многочисленны,—а также представители замкнутаго на подобіе цеховъ чистаго профессіонализма рабочей аристократіи отпали отъ «Интернаціонала», какъ только замѣтили, куда онъ стремится. Паденіе парижской Коммуны 1871 года и правительственныя преслѣдованія въ различныхъ европейскихъ странахъ ускорили его гибель.

Но брошенное имъ сѣмя—сознаніе международной солидарности—не могло быть заглушено.

Съ тѣхъ поръ идеи Коммунистическаго Манифеста охватили борющійся пролетаріатъ всей Европы (и различныхъ пролетарскихъ слоевъ за предѣлами Европы), всюду процессъ сліянія классовой борьбы съ современнымъ соціализмомъ либо уже завершился, либо на пути къ быстрому завершенію. Принципы, цѣли и средства пролетарской классовой борьбы становятся повсемѣстно одними и тѣми же. Отсюда само собой возникло чувство все болѣе и болѣе тѣсной близости между соціалистическими рабочими движеніями различныхъ странъ, сознаніе ихъ международнаго характера становилось все болѣе могучимъ, и нуженъ былъ только толчокъ, чтобы придать этому факту внѣшнее выраженіе.

Это и было сдѣлано на международномъ конгрессѣ *въ Парижѣ* (1889 г.), поводомъ къ которому послужило, какъ извѣстно, празднованіе столѣтней годовщины взятія Бастиліи. Слѣдующіе конгрессы способствовали новому укрѣпленію международнаго сплоченія борющагося пролетаріата, которое, кромѣ того, получило свое внѣшнее выраженіе въ ежегодномъ *майскомъ праздникѣ*.—Не единичные мыслители и мечтатели, слывущіе чудаками среди своего класса, собираются на эти конгрессы, какъ это бываетъ на буржуазныхъ конгрессахъ мира, — здѣсь собираются представители и защитники интересовъ сотенъ тысячъ и милліоновъ трудящихся мужчинъ и женщинъ. Каждый майскій праздникъ самымъ внушительнымъ образомъ показываетъ, что во всѣхъ центрахъ экономической и политической жизни всѣхъ современныхъ культурныхъ странъ сами *массы* трудящагося населенія проникнуты сознаніемъ солидарности международнаго пролетаріата, протестуютъ противъ войны и провозглашаютъ, что такъ называемыя національныя противорѣчія являются фактически противорѣчіями не между народами, а лишь между ихъ *эксплуататорами*.

Подобнаго уничтоженія пропасти, раздѣлявшей между собой отдѣльныя націи, подобнаго международнаго сплоченія самыхъ широкихъ народныхъ слоевъ, еще не видѣла всемірная исторія. Этотъ фактъ пріобрѣтаетъ еще большее величіе, ибо онъ совершается подъ

шумъ военныхъ приготовленій, которыя съ своей стороны являютъ зрѣлище, еще невиданное въ міровой исторіи,—приготовленій, ложащихся невѣроятнымъ гнетомъ на всю Европу.

Въ виду этого соціалъ-демократія вдвойнѣ обязана рѣшительно подчеркивать свою международную точку зрѣнія. И это сдѣлано самымъ яркимъ образомъ въ Эрфуртской программѣ.

14. Соціалъ-демократія и народъ.

Соціалъ-демократія уже по самой своей сущности есть партія международная. Но въ то же самое время она обнаруживаетъ тенденцію все болѣе и болѣе становиться *національной партіей*, т. е. народной партіей въ томъ смыслѣ, что она становится представительницей не только промышленныхъ наемныхъ рабочихъ, но и всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ слоевъ, т. е. огромнаго большинства всего населенія, того, что обыкновенно называютъ «народомъ». Мы уже видѣли, что промышленный пролетаріатъ имѣетъ тенденцію стать, въ концѣ концовъ, единственнымъ трудящимся классомъ. И мы указывали уже на то, что другіе трудящіеся классы по условіямъ своей жизни и труда все болѣе и болѣе становятся схожими съ пролетаріатомъ; наконецъ, мы уже знаемъ, что рабочій пролетаріатъ является единственнымъ среди трудящихся классовъ, который постоянно увеличиваетъ свою силу, интеллигентность и сознаніе своей цѣли,—что онъ все болѣе и болѣе становится центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго группируются постоянно уменьшающіеся остатки другихъ трудящихся классовъ. Его мысли и чувства пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе рѣшающее значеніе для всей массы «мелкаго люда».

По мѣрѣ того какъ наемные рабочіе берутъ на себя гегемонію надъ народомъ, рабочая партія становится народной партіей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только самостоятельный рабочій мелкаго производства начинаетъ чувствовать какъ пролетарій; какъ только онъ сознаетъ, что онъ или, по крайней мѣрѣ, его дѣти безповоротно обречены на паденіе въ ряды пролетаріата, что для него нѣтъ другого спасенія, какъ освобожденіе пролетаріата,—съ этого момента онъ неизбѣжно будетъ видѣть въ соціалъ-демократіи естественную защитницу его интересовъ.

Въ предыдущей главѣ нами уже было указано, что ему не приходится бояться побѣды соціалъ-демократіи, что ея побѣда, напротивъ,—въ его интересахъ, ибо она означаетъ установленіе такого общественнаго строя, который принесетъ всѣмъ рабочимъ,—не только наемнымъ рабочимъ, но и самостоятельнымъ рабочимъ мелкой промышленности,—освобожденіе отъ эксплуатаціи и угнетенія и обезпечитъ имъ благосостояніе.

Но соціалъ-демократія защищаетъ интересы всего «мелкаго люда» не только *въ будущемъ*, но уже и *въ современномъ обществѣ*. Пролетаріатъ, какъ низшій изъ эксплуатируемыхъ слоевъ, не можетъ освободиться отъ эксплуатаціи и угнетенія, не уничтоживъ совершенно всякую эксплуатацію, всякое угнетеніе. Поэтому, онъ является ихъ заклятымъ врагомъ, въ какой бы формѣ они ни проявлялись,—онъ передовой боецъ всѣхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ.

Выше мы говорили объ «Интернаціоналѣ». Характерно, что поводомъ къ его основанію послужила пролетарская манифестація сочувствія возставшей противъ царскаго ига *Польшѣ;* что первымъ адресомъ, выпущеннымъ «Интернаціоналомъ» послѣ своего конституированья, былъ привѣтственный адресъ президенту Соединенныхъ Штатовъ Линкольну, въ которомъ рабочее общество выражало свои симпатіи дѣлу *освобожденія негровъ*, и что, наконецъ, «Интернаціоналъ» былъ первой организаціей, существовавшей въ Англіи и насчитывавшей въ числѣ своихъ членовъ англичанъ, которая вступилась и при томъ самымъ энергичнымъ образомъ за ирландцевъ, угнетенныхъ господствующими классами Англіи. Ни ирландское, ни польское движеніе, ни освобожденіе рабовъ не имѣютъ прямого отношенія къ классовымъ интересамъ наемныхъ рабочихъ.

Десятки подобныхъ примѣровъ можно было бы найти въ исторіи всякаго соціалистическаго рабочаго движенія.

Правда, говорятъ, что соціалъ-демократія основывается на прогрессѣ экономическаго развитія; что предпосылкой соціалистическаго производства является возможно болѣе полное вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ,—что, слѣдовательно, соціалъ-демократія заинтересована въ гибели мелкихъ предпріятій, въ гибели мелкихъ ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и крестьянъ,—что она должна способствовать ихъ разоренію а, стало быть, не можетъ защищать ихъ интересовъ.

На это можно возразить слѣдующее. Соціалъ-демократія *не дѣлаетъ* экономическаго развитія; вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ совершается безъ всякаго содѣйствія съ ея стороны,—о немъ самымъ основательнымъ образомъ заботится классъ капиталистовъ. Конечно, у нея нѣтъ никакихъ основаній противиться этому развитію. Но желать остановить экономическое развитіе—это вовсе не значитъ стать на защиту дѣйствительныхъ интересовъ мелкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа. Вѣдь всѣ направленныя къ этому попытки должны потерпѣть крушеніе, и поскольку онѣ вообще способны оказать то или иное дѣйствіе, онѣ могутъ только повредить, а не принести пользу. Воспитывать, указывать ремесленникамъ и крестьянамъ такія мѣропріятія, съ помощью которыхъ ихъ мелкое производство вновь превратится въ «золотое дно»,—это отнюдь не значитъ защищать ихъ интересы, а, напротивъ,—порождать въ нихъ иллюзіи, которыя ни-

когда не смогутъ осуществиться и которыя только собьютъ ихъ съ правильнаго пути наилучшей защиты ихъ интересовъ.

Но если паденіе мелкаго производства и неизбѣжно, то вовсе не неизбѣжно, чтобы оно сопровождалось всѣми тѣми гнусными явленіями, которыя въ настоящее время ему обыкновенно присущи. Мы видѣли, что исчезновеніе мелкаго производства есть только послѣдній актъ той длинной драмы, предыдущіе акты которой представляютъ не что иное, какъ медленную и мучительную гибель мелкаго самостоятельнаго производителя. Но гибель мелкихъ буржуа и мелкихъ крестьянъ вовсе не въ интересахъ соціалъ-демократіи, наоборотъ, она въ высшей степени заинтересована въ томъ, чтобы этого не было. Вѣдь, чѣмъ ниже падаютъ тѣ круги, изъ которыхъ вербуется пролетаріатъ, тѣмъ труднѣе поднять этихъ рекрутъ на такую высоту, чтобы они стали способными и захотѣли вступить въ ряды *борющагося пролетаріата*. И отъ роста *этого послѣдняго*, а не отъ увеличенія всего пролетаріата зависитъ ростъ и сила соціалъ-демократіи. Чѣмъ менѣе требователенъ крестьянинъ и ремесленникъ, чѣмъ привычнѣе онъ къ безконечному труду, тѣмъ менѣе способенъ онъ къ сопротивленію, попадая въ ряды пролетаріата, тѣмъ больше позволяетъ онъ себя эксплуатировать, тѣмъ больше вредитъ онъ, благодаря своей конкуренціи, находящимся въ благопріятныхъ условіяхъ рабочимъ. Отчасти тѣ же самыя причины, которыя приводятъ къ международной солидарности рабочихъ, ведутъ и къ солидарности пролетаріата съ тѣми классами, изъ которыхъ онъ вербуется,—солидарности, которая до сихъ поръ, конечно, ощущалась и обнаруживалась лишь одной изъ сторонъ, именно пролетаріями.

Разумѣется, если разоряющіеся мелкіе крестьяне и мелкіе буржуа пытаются удержаться на поверхности за счетъ пролетаріевъ,—напр. при помощи чрезмѣрной эксплуатаціи учениковъ или мѣшая организоваться своимъ наемнымъ рабочимъ,—то они всегда встрѣтятъ самый энергичный отпоръ со стороны пролетаріата и соціалъ-демократіи. Напротивъ, соціалъ-демократія выступаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на защиту цѣлаго ряда мѣропріятій, съ помощью которыхъ,—не нанося ущерба пролетаріату, а скорѣе даже помогая ему,—могутъ быть достигнуты серьезныя *улучшенія* и *облегченія* для мелкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа.

Это видно съ полной ясностью изъ тѣхъ требованій, которыя выставляетъ соціалъ-демократія въ качествѣ *непосредственныхъ* требованій, *осуществимыхъ* въ современномъ государствѣ. Перечисленіе этихъ требованій составляетъ вторую часть Эрфуртской программы. Послѣдняя гласитъ:

Исходя изъ этихъ принциповъ, соціалъ-демократическая партія Германіи требуетъ прежде всего:

1. Всеобщаго, равнаго и прямого права выборовъ и голосованія принадлежащаго всѣмъ достигшимъ 20-ти лѣтняго возраста имперскимъ гражданамъ, безъ различія пола, при всѣхъ выборахъ и голосованіяхъ. Пропорціональной системы выборовъ, а до ея введенія—законодательнаго перераспредѣленія избирательныхъ округовъ послѣ каждой народной переписи. Двухлѣтнихъ законодательныхъ періодовъ. Производства выборовъ и голосованій въ установленные закономъ праздничные дни. Вознагражденія избранныхъ представителей. Отмѣны всякихъ ограниченій политическихъ правъ, за исключеніемъ случаевъ назначенія опеки.

2. Прямого законодательства черезъ посредство народа при помощи права предлагать и отвергать законопроекты. Самоопредѣленія и самоуправленія народа въ Имперіи, государствахъ, провинціи и общинѣ. Избранія должностныхъ лицъ народомъ, ихъ гражданской и уголовной отвѣтственности. Ежегоднаго утвержденія налоговъ.

3. Воспитательной подготовки всѣхъ къ военной дѣятельности. Вооруженія народа вмѣсто постояннаго войска. Рѣшенія народнымъ представительствомъ вопросовъ о войнѣ и мирѣ. Разрѣшенія всѣхъ международныхъ споровъ третейскими судами.

4. Отмѣны всѣхъ законовъ, ограничивающихъ или стѣсняющихъ свободное выраженіе мнѣній и право союзовъ и собраній.

5. Отмѣны всѣхъ законовъ, ограничивающихъ права женщинъ, въ сравненіи съ мужчинами, въ публичномъ и частноправовомъ отношеніи.

6. Объявленія религіи частнымъ дѣломъ каждаго. Отмѣны всякихъ расходовъ изъ общественныхъ средствъ на церковныя и религіозныя цѣли. Церковныя и религіозныя общины должны быть разсматриваемы, какъ частные союзы, совершенно самостоятельно управляющіе своими дѣлами.

7. Организаціи свѣтской школы. Обязательнаго посѣщенія общественныхъ народныхъ школъ. Безплатнаго обученія, безплатныхъ учебныхъ пособій и пищи въ общественныхъ народныхъ школахъ, а также и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для тѣхъ учениковъ и ученицъ, которые по своимъ способностямъ будутъ признаны пригодными для дальнѣйшаго образованія.

8. Безплатнаго судопроизводства и юридической помощи. Передачи судоговоренія въ руки избранныхъ народомъ судей. Апелляціи въ уголовныхъ дѣлахъ. Вознагражденія невинно обвиненныхъ, арестованныхъ и осужденныхъ. Отмѣны смертной казни.

9. Безплатной врачебной помощи, включая помощь при родахъ, и безплатную выдачу лѣкарствъ. Безплатнаго погребенія.

10. Прогрессивнаго налога на доходъ и имущества для покрытія всѣхъ общественныхъ расходовъ, поскольку они должны быть покры-

ваемы налогами. Обязательной самооцѣнки. Налога на наслѣдства, прогрессивно увеличивающагося въ зависимости отъ размѣровъ наслѣдства и отъ степени родства. Отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ, пошлинъ и прочихъ мѣропріятій экономической политики, приносящихъ общіе интересы въ жертву привилегированному меньшинству.

Въ цѣляхъ охраны рабочаго класса соціалъ-демократическая партія Германіи требуетъ прежде всего:

1. Дѣятельнаго національнаго и международнаго рабочаго законодательства на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Установленіе нормальнаго рабочаго дня, продолжающагося не свыше восьми часовъ.

б) Воспрещеніе въ производствѣ дѣтскаго труда ниже четырнадцатилѣтняго возраста.

в) Воспрещеніе ночныхъ работъ, за исключеніемъ отраслей промышленности, требующихъ ночного труда по характеру самого производства, по техническимъ причинамъ или въ интересахъ общественнаго блага.

г) Непрерывный отдыхъ не менѣе тридцати шести часовъ въ недѣлю для каждаго рабочаго.

д) Воспрещеніе расплаты товарами (truck—системы).

2. Надзора надъ всѣми промышленными заведеніями, изслѣдованія и регулированія условій труда въ городѣ и деревнѣ при посредствѣ имперскаго вѣдомства труда, окружныхъ палатъ и камеръ труда. Широкой промышленной гигіены.

3. Уравненія въ правахъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и прислуги съ промышленными рабочими; отмѣны уставовъ о челяди.

4. Обезпеченія права коалицій.

5. Передачи всего страхованія рабочихъ въ руки государства при рѣшающемъ участіи рабочихъ въ завѣдываніи.

Ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ этихъ пунктовъ не входитъ въ планъ настоящей работы, которая касается лишь *основныхъ принциповъ* соціалъ-демократіи, а не *практическихъ требованій*, изъ нихъ вытекающихъ. Послѣднія представляютъ для насъ интересъ лишь постольку, поскольку они служатъ для разъясненія первыхъ. Съ этой точки зрѣнія намъ было бы желательно сдѣлать въ заключеніе нашей работы нѣкоторыя краткія замѣчанія по ихъ поводу,—такъ какъ мы уже пришли къ концу хода развитія идей, составляющаго основную часть Эрфуртской программы.

Прежде всего мы видимъ, что лишь часть требованій соціалъ-демократіи представляетъ чисто-рабочія требованія, т. е. такія, которыя преслѣдуютъ исключительно интересы наемныхъ рабочихъ. Гораздо большая часть требованій соціалъ-демократіи, напротивъ, затрагиваетъ

область интересовъ, общихъ для пролетаріата и другихъ слоевъ трудового населенія.

Нѣкоторыя изъ этихъ требованій выставляетъ также и *буржуазная* демократія; другія же изъ нихъ могутъ быть выставлены только соціалъ-демократіей, какъ *единственной* анти-капиталистической партіей, — но даже и буржуазно-демократическія требованія не защищаются ни одной партіей съ такою же настойчивостью, какъ соціалъ-демократіей. Она стремится поднять жизненный уровень мелкаго люда и облегчить его бремя путемъ отмѣны косвенныхъ налоговъ, перенесенія большей части податнаго бремени на богатыхъ при помощи прогрессивнаго подоходнаго налога, уничтоженія постояннаго войска, устраненія самымъ тѣснымъ образомъ связанной съ нимъ государственной задолженности и т. д. Вмѣстѣ съ экономическимъ облегченіемъ соціалъ-демократія стремится поднять мелкій людъ въ *умственномъ отношеніи*, требуя не только безплатнаго народнаго обученія, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ современной культуры, но безплатнаго снабженія учениковъ учебными пособіями и пищей на общественный счетъ. Соціалъ-демократія одна стремится доставить «мелкому люду» безплатную врачебную помощь, уходъ за больными, безплатную юридическую помощь, безплатный судъ.

Только мѣропріятія, отвѣчающія этимъ требованіямъ, могутъ улучшить положеніе самостоятельныхъ рабочихъ мелкихъ предпріятій, поскольку это вообще возможно въ современномъ обществѣ. Помогать ремесленникамъ и крестьянамъ, *какъ производителямъ*, удерживая ихъ отсталые способы производства, это противорѣчило бы ходу экономическаго развитія и было бы неосуществимо. Точно также невозможно сдѣлать всѣхъ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, значительную часть, — капиталистами. Всей *массѣ* этого «мелкаго люда» можно еще оказать помощь только *какъ потребителямъ*. Однако, какъ разъ тѣ партіи, которыя по внѣшности кажутся наиболѣе дружественно настроенными по отношенію къ ремесленникамъ и крестьянамъ, по большей части обременяютъ ихъ, какъ потребителей. И это весьма чувствительно даетъ себя знать на практикѣ. Идущее параллельно съ этимъ желаніе поднять мелкое производство является ни чѣмъ инымъ, какъ безплодной утопіей.

Повышеніе уровня мелкихъ буржуа и крестьянской бѣдноты, какъ потребителей, не только не противорѣчитъ экономическому развитію, но является даже средствомъ его ускорить. Слѣдовательно, оно не только возможно, но къ нему слѣдуетъ также стремиться уже въ силу одного этого, не касаясь даже другихъ многочисленныхъ основаній, вытекающихъ частью изъ соображеній здраваго смысла, частью изъ чувства состраданія къ бѣднымъ разоряющимся крестьянамъ и мелкимъ буржуа. Чѣмъ лучше ихъ положеніе, какъ

потребителей, чѣмъ выше ихъ жизненный уровень, чѣмъ шире ихъ матеріальные и духовные запросы, чѣмъ выше ихъ сознаніе,—тѣмъ скорѣе у нихъ пропадетъ всякое желаніе вести борьбу съ крупнымъ производствомъ при помощи *голодной конкуренціи*, тѣмъ раньше они прекратятъ эту безнадежную борьбу и усилятъ собой ряды пролетаріата; но тогда они усилятъ собою не его униженные, неспособные къ сопротивленію, нетребовательные низшіе слои,—нѣтъ, они непосредственно вступятъ въ ряды борющихся, «ненасытныхъ», сознательныхъ пролетаріевъ, и тѣмъ самымъ ускорятъ ихъ побѣду.

И эта побѣда не можетъ явиться результатомъ упадка, какъ думаютъ нѣкоторые, — будетъ ли то упадокъ мелкой буржуазіи и крестьянства или же пролетаріата. Соціалъ-демократія имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы рѣшительно противодѣйствовать этому упадку, какъ съ той такъ и съ другой стороны, и дѣлаетъ это, насколько хватаетъ силъ. Слѣдовательно, ея усиленіе—въ интересахъ не однихъ только наемныхъ рабочихъ, но и въ интересахъ всѣхъ другихъ частей населенія, живущихъ своимъ трудомъ, а не эксплуатаціей.

Мелкая буржуазія и крестьянство никогда не будутъ въ состояніи, пока существуетъ современное государство, отстоять свои интересы противъ другихъ классовъ собственными силами. И въ настоящее время для нихъ это возможно меньше, чѣмъ когда-либо. Для защиты своихъ интересовъ они должны вступить въ союзъ съ однимъ или нѣсколькими другими классами. Ихъ инстинкты, воспитанные па частной собственности, толкаютъ ихъ въ объятія буржуазныхъ партій, т. е. къ союзу съ одною изъ различныхъ группъ высшихъ имущихъ классовъ. Буржуазныя партіи сами ищутъ этого союза, частью изъ чисто партійныхъ потребностей,—находя для себя въ этомъ мелкомъ людѣ отличную «голосующую скотину», которая имъ нужна, — частью же и изъ болѣе глубокихъ соображеній. Вѣдь онѣ превосходно знаютъ, что частная собственность мелкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа представляетъ въ настоящее время самый сильный оплотъ частной собственности вообще, а тѣмъ самымъ и эксплуатаціи, которой они существуютъ. *Благосостояніе* мелкаго люда ихъ совершенно не интересуетъ; взвалить на него возможно большее бремя, какъ на потребителей, они всегда готовы. Пусть онъ приходитъ въ какой угодно упадокъ, только бы не исчезло окончательно его мелкое производство, не выпускающее его изъ круга частной собственности. Но всѣ эти партіи заинтересованы въ расширеніи капиталистической эксплуатаціи, а слѣдовательно въ прогрессѣ экономическаго развитія. Онѣ *желаютъ* поддержать крестьянина и ремесленника, онѣ *обѣщаютъ* ему эту поддержку, но *фактически* прилагаютъ всѣ свои силы къ расширенію господства крупнаго производства и къ угнетенію крестьянскаго и ремесленнаго производства.

Совершенно иначе относится къ самостоятельнымъ рабочимъ мелкихъ предпріятій соціалъ-демократія. Она, конечно, не можетъ выступать за сохраненіе мелкаго производства, но фактически послѣднему нечего ея бояться. Ремесленниковъ и крестьянъ экспропріируютъ капиталисты и крупные землевладѣльцы, а не пролетаріи. Напротивъ, побѣда пролетаріата, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, является единственнымъ средствомъ, способнымъ положить конецъ этой экспропріаціи. Въ качествѣ же *потребителей* самостоятельные рабочіе мелкихъ предпріятій имѣютъ одинаковые интересы съ пролетаріями. Поэтому они имѣютъ всѣ данныя защищать свои интересы въ союзѣ съ пролетаріями, т. е. присоединившись къ соціалъ-демократіи.

Конечно, нельзя ожидать, чтобы сознаніе этого могло быстро распространиться среди нихъ. Однако, уже началось бѣгство мелкихъ буржуа и крестьянъ изъ рядовъ буржуазныхъ партій,—бѣгство совсѣмъ особаго рода, такъ какъ первыми бросаютъ оружіе какъ разъ наиболѣе дѣятельные, наиболѣе воинственные изъ нихъ и не для того, чтобы уклониться отъ борьбы, а для того, чтобы отъ мелкой борьбы за продленіе своего убогаго существованія кинуться въ исполинскую міровую борьбу за созданіе новаго общества, которое сдѣлаетъ всѣхъ своихъ членовъ участниками великихъ пріобрѣтеній современной культуры,—въ борьбу за освобожденіе всего культурнаго человѣчества и даже всего человѣчества вообще изъ оковъ общественнаго строя, грозящаго задушить его.

Чѣмъ невыносимѣе становится существующій способъ производства, чѣмъ очевиднѣе онъ стремится къ своему банкротству и чѣмъ неспособнѣе оказываются господствующія партіи устранить чудовищно разростающееся общественное зло, чѣмъ ничтожнѣе и безпринципнѣе становятся эти партіи, все болѣе и болѣе вырождающіяся въ шайку лично заинтересованныхъ политиковъ,—тѣмъ большее число членовъ непролетарскихъ классовъ вступаетъ въ ряды соціалъ-демократіи и рука объ-руку съ неудержимо пробивающимся впередъ пролетаріатомъ слѣдуютъ подъ ея знаменемъ къ побѣдѣ и тріумфу.